РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

МАЙ–ИЮНЬ

"НАУКА"
МОСКВА-1996

СОДЕРЖАНИЕ

О.Н. Трубачев (Москва). К прародине ариев (По поводу выхода книги: Ю.А. Шилов. Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995) 3
В.Л. Янин, А.А. Зализняк (Москва). Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1995 г. 13
Р. Мароевич (Белград). Этюды по грамматике древнерусского языка. I (К прочтению Свинцовой грамоты) 17
Е.А. Земская (Москва). Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества 23
Э.М. Береговская (Смоленск). Молодежный сленг: формирование и функционирование 32
В.С. Храковский (С.-Петербург). Исчисляющие классификации в типологии 42
Е.И. Коряковцева (Москва). Статус имени действия 55
М.В. Дорохова (Москва). К вопросу о сложной ритмогруппе (на материале американского варианта английского языка) 67
Ю.А. Пупынин (С.-Петербург). Усвоение системы русских глагольных форм ребенком (ранние этапы) 84
Е.К. Николаева (С.-Петербург). К типологии фразообразования устойчивых сравнений (на материале польского языка) 95

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

И.А. Секерина (Нью-Йорк). Американские теории синтаксического анализа предложения в процессе понимания 100

Рецензии

В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина (Москва). Semantic and lexical universals 139
А.Д. Швейцер (Москва). *S. Lubensky*. Random House Russian-English dictionary of idioms 144
В.З. Демьянков (Москва). *М.М. Маковский*. У истоков человеческого языка 149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки 153

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, Г.А. Климов (отв. секретарь), *Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, В.В. Петров, В.М. Солнцев, Н.И. Толстой* (главный редактор), *О.Н. Трубачев* (зам. главного редактора), *А.М. Щербак*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"

Тел. 201-74-42

Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

© Российская академия наук, Отделение литературы и языка РАН. 1996 г.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. О.Н. ТРУБАЧЕВ

К ПРАРОДИНЕ АРИЕВ

(По поводу выхода книги: Ю.А. Шилов. Прародина ариев, История, обряды и мифы. Киев, 1995)

Книга Юрия Алексеевича Шилова привлекает внимание остротой поставленных проблем, фундаментальностью исполнения и незаурядностью. За этим внушительным томом в семьсот с лишним страниц, с библиографией, охватывающей 1101 позицию, с альбомом из шестидесяти карт, репродукций и схем, стоит по меньшей мере двадцать лет работы по проблеме. Почти на всем лежит отпечаток личности исследователя, начиная хотя бы с этих посвятительных слов, открывающих книгу: "Селу Обиточное посвящаю сей труд. Автор". Отдавая должное этой пытливой авторской установке на раскрытие трансцендентального, древних традиций, отражающихся также в судьбах всех последующих поколений людей, позволю себе задержаться чуть дольше на этом посвящении, которое одно является, на мой взгляд, сгустком человеческой судьбы Шилова и проблемы Indoarica в Северном Причерноморье. Дело в том, как я давно считаю, что название родных мест автора книги о прародине ариев – *Обиточное, Обиточная*, что значит "обтекаемое", представляет собой реликтовое периферийнославянское отражение (семантический перевод, кальку) субстратного индоарийского *pari-sara-*, буквально "обтекание", названия примерно тех же или соседних мест, которое отпечаталось также в испорченных формах *Balisira* и даже *Белосарайская коса*. Какие-то индоарийские меоты были и в Северном Приазовье, судя по свидетельству античных писателей. Не стану говорить о том, что какие-то "меотские" гены Шилова неотвратимо предопределяли выбор им темы прародины ариев, скажу лишь одно, основываясь на своем личном опыте, это уже второй случай исследовательского интереса к индоарийской проблеме в Северном Причерноморье, с которым сводит меня судьба в последние годы. Первым был мой ученик и аспирант, родом из Геленджика, значит с территории – тоже индоарийской – древней Синдики...

Вот уже более двадцати лет, как оформился мой личный интерес почти к одноименной проблеме, давший пищу для серии публикаций, объединяемых темой INDOARICA в Северном Причерноморье. Эти работы нашли в Ю.А. Шилове внимательного читателя, в чем-то, очевидно, повлияли на его локализацию прародины ариев. Говоря его словами: "Наиболее выразительные и наилучше (так в книге! – *О.Т.*) исследованные курганы сконцентрированы в Нижнем Поднепровье, на выявленной О.Н. Трубачевым и др. лингвистами (а теперь уже и археологами) прародине ариев [Шилов 1995 : 7], ...начало открытию положили два основных обстоятельства: публикации лингвиста О.Н. Трубачева и археологическое исследование Высокой Могилы" [Шилов 1995 : 22]. Автор трезво отдает себе отчет в том, что "открытие прародины ариев" явилось синтезом "лидирующего лингвистического и слабо проявившего пока себя в этом плане археологического направления поиска" [Шилов 1995 : 10]. «И на всем этом протяжении – от древнейшей, "новоданиловской" конницы до образования в Азово-Черноморских степях первого государства – Скифии – центром не только географических, но и этноисторических процессов оставалось Нижнее Поднепровье, прародина ариев» [Шилов 1995 : 36]. Могут представить интерес про-

странственные параметры, определяемые автором: "Прародина ариев в Степном Поднепровье – от Днестра до Молочной, от устья Псла до Присивашья..." [Шилов 1995 : 614], как и то, что он описывает центр арийской прародины как подобие острова в междуречье Каменки и Базавлука, "как бы соединяющих Днепр и Ингулец", с расположенными там Михайловским поселением и Старосельскими курганами [Шилов 1995 : 452].

Говоря о работе Ю.А. Шилова, нельзя не сказать прежде всего о главной цели, которую автор понимает как "реконструкцию мифотворчества степного населения Восточной Европы" [Шилов 1995 : 40]. При этом "центром исследования избирается Нижнее Поднепровье IV–II тыс. до н.э., что обусловлено и выводами лингвистов о формировании здесь и тогда ядра арийской общности..." [Шилов 1995 : 41]. Это знаменует собой ощутимый методологический шаг автора: "Таким образом, переход от описания археологических свидетельств погребального обряда к реконструкции мифотворчества строителей курганов подытожил основные достижения в изучении энеолита-бронзы Юго-Восточной Европы и стал началом его нового этапа" [Шилов 1995 : 27, 28]. "В общем останки людей в археологических памятниках второй половины IV – конца II тыс. до н.э. рассматриваемой территории находят разнообразные и порой весьма выразительные соответствия в арийской (индоиранской) мифологии. Соответствия иным мифологиям (греческой, прежде всего) выражены гораздо слабее" [Шилов 1995 : 172; см. еще Шилов 1995 : 401 и passim]. Автор весьма обстоятелен в предпринимаемом им вскрытии соответствий между своим материалом и мифами и персонажами Ригведы – Индры, Вишну, Вритры и Валы, Адитьев, Пуруши, Матаришвана и др. [Шилов 1995 : 173]. В автореферате докторской диссертации Ю.А. Шилова специально сказано, что "первая научная публикация раскопок Высокой Могилы, в которой было указано на схождение обрядов данного кургана Днепро-Ингулецкого междурьечья с индоарийской Ригведой, относится к 1977 г. С тех пор в этом направлении автором было опубликовано около 70 работ..." [Шилов-АДД : 10]. Вместе с тем он отмечает, что первым из археологов к гимнам и образам Ригведы обратился на материале трипольской культуры Б.А. Рыбаков в своей работе 1965 года "Космогония и мифология земледельцев энеолита", которая знаменовала не только "очередной успех триполиеведения" [Шилов 1995 : 19, 20], но, по-видимому, и более осязаемый подход к проблеме индоевропеизма Триполья.

В целом вопрос прародины ариев (то есть индоарийцев и иранцев) целесообразно рассматривать в контексте всей индоевропейской проблемы, имея в виду отсутствие резких границ между этим частным этногенезом и этногенезом совокупным. Здесь могут представить интерес суждения о преимущественном направлении миграций, материал для которых (суждений) есть и в книге Шилова. Главной антитезой здесь было и остается западное или восточное направление миграций. Предоставим слово автору: "...заволжские и закавказские племена проникали в Европу на всем протяжении энеолита и бронзы, <u>однако ни одного массового вторжения или серии миграционных волн, как это представилось Иванову и Гамкрелидзе вслед за М. Гимбутас, не было; более выражено обратное движение</u>" (подчеркнуто мной. – *О.Т.*) [Шилов 1995 : 29]. Из археологических аргументов здесь уместно напомнить цитируемую и нашим автором концепцию В.А. Сафронова, трактовавшего "праиндийскую ветвь" как кубано-днепровскую культуру, берущую истоки в Подунавье [Шилов-АДД : 15], ср. сюда же общее соображение о происхождении курганов ариев и других индоевропейских племен от святилищ лендьельского (то есть центрально-европейского) типа [Шилов 1995 : 608]. Приведу некоторые конкретные лингвистические свидетельства: «Распад индоиранцев на две ветви носит в Северном Причерноморье окончательный характер, хотя каждый "распад" лишь закрепляет и старое диалектное членение и новую консолидацию. Любопытно, что некоторые индоарийские (праиндийские) изоглоссы, возможно, выступают еще в Карпатском регионе. Так, уже Соболевский связал название притока Тисы Hornád с др.-инд. *nadī* "река" ...; мы можем сейчас добавить ряд местных названий с элементом *-nad*, известных

исключительно в Трансильвании и Банате: *Pănade, Tăşnad, Tuşnad, Cenad*... Известная *Nitra* в Словакии находит теперь объяснение как восходящая к древней форме **neitrā*, родственный др.-инд. *netrá*-"проход"...» [Трубачев 1991 : 150, 151]. Еще Томашек обратил внимание на разительные индоарийские реликты в фракийской этнонимии Σ'ατραι ~ др.-инд. *kṣatra*- и Βησσοί, также BESUS, VESUS ~ др.-инд. *veśá*-, то есть уже отражение каст кшатриев и вайшьев [Трубачев 1993 : 17]. Сказанное не должно ослабить идею длительного пребывания и, возможно, окончательного оформления ариев (индоариев и иранцев) в Северном Причерноморье, но и терять из виду, куда ведут или, вернее, откуда, скорее всего, исходят древние диалектные отношения, тоже, по-видимому, не следует.

В актуальнейшем для исследования вопросе индоарийско-иранской дифференциации в Северном Причерноморье Шилов солидаризируется с Трубачевым, возражая скептикам, преувеличивавшим, напротив, унификацию индоарийцев и иранцев в регионе (напр. Д.С. Раевский), причем возражая в том смысле, что мы не вправе игнорировать исторический факт, что греки различали скифов от синдов, меотов, тавров [Шилов 1995 : 22]. Настороженная позиция, которую, как известно, заняли при этом иранисты-скифологи, очевидно, нуждается в смягчении или пересмотре. При желании здесь можно увидеть некую аналогию той "жесткой апробации", которую длительное время испытывал на себе исследователь Высокой Могилы (ср. [Шилов 1995 : 7]).

Несомненной заслугой Шилова является попытка систематически обосновать в терминах археологии вышеназванную дифференциацию. Опираясь на свой полевой исследовательский опыт и суммируя состояние вопроса в литературе, он приходит к следующим формулировкам: "Итак, по имеющимся у нас... данным о мифотворчестве строителей степных курганов середины IV–I тыс. до н.э., арийская общность представляется... довольно-таки напряженным содружеством двух этнокультурных образований – кеми-обинского (затем таврского) и старосельского (новотитаровского)..." [Шилов 1995 : 36]. И там же, чуть выше: «И если "кеми-обинцев", исходя из их мифологии..., можно считать ядром индоарийцев, то "старосельцев"... – ядром праиранцев» [Шилов 1995 : 35, 36]. В этом труднейшем вопросе автором сделаны новые обобщения и разнообразные наблюдения, основанные на массовом, в том числе лично перелопаченном материале. Вероятно, адекватная оценка этих обобщений и наблюдений – задача специалистов-археологов. Но представляемый ими (наблюдениями и обобщениями Ю.А. Шилова) интерес все-таки, очевидно, выходит за рамки собственно археологии и непосредственно затрагивает более широкий круг дисциплин. Ср. хотя бы наблюдение о двух ареалах – курильниц, носители которых (в Предкавказье) почитали землю, огонь, луну, и чаш, носители которых (ингульская культура) почитали небо, воду, солнце, а также – о связи этих регионов (западного и восточного) с дуализмом противостояния асуров и дэвов [Шилов 1995 : 432, 433]. Далее "...ареал формирования кеми-обинской культуры и ее контактов с родственными культурами Кавказа распространялся от Прикубанья до Поднепровья; таков же ареал формирования гробниц (sc. lic. каменных гробниц. – *О.Т.*) Юго-Восточной Европы" [Шилов 1995 : 513]. Как видим, кеми-обинский археологический ареал практически идентичен сафроновской кубанско-днепровской культуре, осмысляющейся как индоарийская. Действительно, первое, что при этом приходит в голову из лингвистической аргументации, это повторяемость ономастики собственно Синдики и плиниевской Scythia Sindica, от чего отмахнуться невозможно, несмотря на то, что ряд исследователей всячески пытался это сделать. Таврские погребения с каменными ящиками и накрывающими их плитами, очевидно, занимают свое место в этой неиранской культуре (ср. [Шилов 1995 : 109], впрочем, выражаемое там предположение автора, что плита выступает как символ "каменного неба", похоже, не вписывается в индоарийскую модель мира ввиду крепнущего в научной литературе убеждения, что значение "небо" свойственно только иранскому *asman*- "камень; небо", тогда как др.-инд. *áśman*- «в Ригведе никогда не выступает в значении "небо"» [EWAi I, 2 : 138].

Как уже говорилось, "кеми-обинцы", по концепции Шилова, "представляли собой ядро индоарийской культуры" (см. еще [Шилов 1995 : 33]). Одновременно он склонен констатировать тяготение кеми-обинской культуры к трипольской (там же), ср., возможно, сюда же упоминаемое им "открытие календарей в орнаментации кеми-обинских гробниц" [Шилов 1995 : 40]. Попутно отмечу мнение автора об индоарийской принадлежности также киммерийцев ("белозерцев") [Шилов 1995 : 607], что можно лишь принять к сведению, имея в виду тот скудный минимум, которым располагает наука об этнолингвистической принадлежности киммерийцев (впрочем, и здесь позволительно вспомнить еще геродотовскую констатацию как бы двух ареалов киммерийского – у Боспора Киммерийского и у Тираса-Днестра, ср. уже упоминавшуюся повторяемость ономастики Синдики в азиатском Боспоре и в днепро-бугской Синдской Скифии). Несколько труднее воспринимается (после изложенного выше) то, что автор иногда ассоциирует "кеми-обинцев" с протогреками [Шилов 1995 : 453], наконец, говорит о кеми-обинской культуре как искусственно созданной и внедренной в среду протоариев кланом жрецов-брахманов [Шилов 1995 : 615]. По-видимому, до более определенных выводов об этой культуре предстоит еще немалая работа.

Как уже упоминалось, констатируется противостояние (alias сосуществование) кеми-обинской и старосельской культур. В иных терминах признается, вместе с такими исследователями, как В.Н. Даниленко и В.А. Сафронов, "тяготение основного массива ямной культуры к иранской ветви..." [Шилов 1995 : 36]. Вместе с тем хотелось бы внесения ясности в отождествление старосельской культуры как «хурритского или "иранского" полюса» [Шилов-АДД : 8], что элементарно взламывает рамки надежного понимания не только иранизма, но и индоевропеизма в целом. Резюмируя эту часть моего отзыва, могу лишь высказать дежурную мысль о том, сколь затруднительны не только идентификация, но даже соположение археологического плана и плана лингвистического.

Упомянув раз, вслед за автором, о хурритах, кратко скажу также о том, что Шилов, как мне показалось, несколько рискованно распространяет идею арийско-хурритского союза на Приазовье, как бы в порядке разработки гипотезы Трубачева [Шилов 1995 : 33, 481; Шилов-АДД : 45]. Мысль мая была проще и имела тесную лингвистическую привязку: констатировалось очевидное повторение самоназвания приазовских индоарийских меотов (а не Меотиды!), ср. эпиграфическое MAITAI, в названии хуррито-арийского государства на севере Месопотамии Митанни, точнее Maitanni (*maita*-"меоты" + хурритский формант *-nni*), на чем основывалось совершенно конкретное возражение, в частности, М.И. Артамонову, считавшему, что меоты в переднеазиатских походах не участвовали: напротив, участвовали даже в акте создания митаннийской государственности. Распространение арийско-хурритского союза в Приазовье меня пока не убедило. С другой стороны, надо, возможно, отнестись внимательно к этой "волне шумеро-вавилонской экспансии, связанного с ней миграционного движения и формирования ранней катакомбной культуры" [Шилов 1995 : 481]. "Указанная волна, – говорится там же, далее, – обусловила ощутимый контакт индоевропейских, картвельских и семитских этносов и языков...". Автор предполагает весьма широкие границы картвело-индоевропейского ареального союза, объясняя этим появление "протогрузинских элементов вплоть до низовьев Днестра" [Шилов 1995 : 71]. Предположения о возможности индоевропейско-картвельских контактов к северу от Кавказа высказывались и ранее, например М. Гимбутас (см. специально [Климов 1994 : 25]), хотя сам этот специалист по кавказским языкам склоняется к идее "некоторого более южного ареала" восприятия картвельским древнейших индоевропеизмов, то есть сочувствует версии Гамкрелидзе – Иванова о переднеазиатской прародине индоевропейцев [Климов 1994 : 213, 217]; однако существенно, что "как картвельские, так и урартские индоевропеизмы не обнаруживают сколько-нибудь заметной близости к соответствующим формам анатолийских языков" [Климов 1994 : 15, со ссылкой на Меликишвили]).

Памятуя об этих чрезвычайных трудностях соотнесения археологических культур с

этноязыковыми общностями, следует, думается, осторожнее отнестись к несколько предварительным выводам о том, что «сосуществование "ингульцев" (автор трактует ингульскую археологическую культуру как "гиперборейцев", см. [Шилов-АДД : 9] – *О.Т.*) Степного Поднепровья с прочими "катакомбниками, господствовавшими в первой четверти II тыс. до н.э. в более восточных регионах катакомбной культурно-исторической области, отвечает выделяемому лингвистами арийско-греко-армянскому диалекту индоевропейской языковой общности...» [Шилов 1995 : 617]. К тому же, некоторые древние лексико-ономастические изоглоссы показывают размещение носителей древних греческих ("данайцы") и армянских диалектов, а также их контактов между собой и с арийскими все же, скорее, на Среднем и Нижнем Дунае, то есть к западу от Северного Причерноморья.

Очередной большой комплекс вопросов этнокультурной истории, которого следует коснуться, можно сформулировать как земледелие в Северном Причерноморье исследуемого периода или еще как арии и земледелие. Этимологии "арии"-"пахари", которой наш автор отдает предпочтение, мы еще коснемся специально ниже, здесь же попытаемся взглянуть на положение дела из общей перспективы, не теряя, разумеется, из виду археологических итогов автора также по данному вопросу, ср. указание на "...прочные земледельческие традиции в среде скотоводов Азово-Черноморских степей" [Шилов 1995 : 532]. Ср. там же, ниже, конкретное свидетельство-изображение упряжки волов, плуга, мотыги на плите из кургана 1 у Бахчи-Эли, близ Симферополя [Шилов 1995 : 533]. Однако проблема, скорее всего, имеет свой ареальный аспект (вспомним об ареалах чаш на западе и курильниц на востоке у Шилова, см. выше). Любопытно следующее свидетельство: "...устойчивое земледельческое хозяйство существовало только на крайнем западе Скифии, на территории алазонов, каллипидов и скифов-пахарей... На восток от пахарей раскинулось бескрайнее море кочевых и полукочевых скифских, сакских, сарматских, массагетских племен" [Абаев 1981 : 76]. Остается сказать, что этот "крайний запад Скифии", очерченный Абаевым (страна алазонов, каллипидов, скифов-пахарей) в сущности идентичен геродотовской же "Старой Скифии", району с минимумом собственно скифских погребений, индоарийский, нескифский характер которого мы пытались обосновать на материале ряда лексико-ономастических изоглосс и этимологий. Вообще же вопрос о земледелии у ариев и специально об их терминах "плуг", "пахать" также имеет выразительно ареальный аспект на общеиндоевропейском фоне. Представим в связи с этим слово индоевропеисту Дж. Бонфанте, заключение которого об этом доступно нам в резюме рецензента: «отсутствие убедительных родственных соответствий и.-е. словам **sal-* "соль" и **H_2erH$_2$-(tro/tlo)-* "плуг" в индоиранском, контрастирующее с их наличием в тохарском (A *sāle*, B *salyiye* и, соответственно, AB *āre*) и армянском (*ał*, *arwr*) означает, что a) прародина индоевропейцев была в Европе; b) индоевропейцам были известны земледелие и соль; c) прототохары и протоармяне происходят из Европы; d) индоиранцы в процессе миграции в Азию утратили знакомство с земледелием и солью» [Blažek 1994 : 453].

Это, так сказать, крайняя точка зрения, ибо есть основания для другого взгляда, более открытого различным допущениям и, надо думать, более, вероятного: индоиранцы покинули Центральную Европу в ходе своего перемещения в Северное Причерноморье, Предкавказье и дальше, унося с собой сведения о культурно более древней стадии земледелия, по большей части еще мотыжного; европейская инновация **arətro/tlo-* совершилась уже после их ухода, но какую-то форму земледелия они не переставали практиковать, продолжая знать и древнюю форму плуга, ср. др.-инд. *sīra-*"плуг", вероятно, собственно "плуг-сеялка", если от и.-е. **sēi-* "сеять", даже первоначально – "сажать, вдавливать" (ср. [KEWA, III: 476, с литературой], а также семантическую реконструкцию **sē-* "сеять" < "вдавливать" у Ж. Одри, цит. по: [Климов 1994 : 57]). Кстати сказать, не следует преуменьшать значение связанной с земледелием ирригации в исследуемом регионе (ср. [Шилов 1995 : 564]) и специально в таких

нескифских его частях, как Таманский полуостров и Синдская Скифия в низовьях Днепра и Ю. Буга. Ср. свидетельство Плиния о канале в Синдской Скифии, называемом им *Coretus* и характеризуемом им словами manu factus alveus "рукотворное русло", на основании чего я сближал *Coretus* с др.-инд. *kṛtá-*"сделанный" [Трубачев 1977 : 20]. О каналах в низовьях Кубани было доподлинно известно Страбону (Geogr. XI.2), из авторов нового времени о них писали Риттер, Забелин и другие.

Возвращаясь к этимологическому аспекту проблемы, положение дела с отсутствием у ариев продолжений и.-е. **arə-*"пахать, раздирать землю плугом", **arətro-* "плуг, орало" приходится резюмировать в том смысле, что происхождение самоназвания ариев – др.-инд., иран. *ārya-* от указанной глагольной основы невозможно. Таково мое замечание на точку зрения автора, выраженную, так сказать, passim (см. [Шилов 1995 : 225, 241, 534, 566]). И это притом, что, как уже говорилось выше, арии Северного Причерноморья, и в первую очередь, по-видимому, индоарийцы, продолжали заниматься земледелием, о чем, естественно, говорят и шиловские археологические разыскания. Выбор правильных этимологических решений, нелегкий и сам по себе, в том числе и для специалистов-этимологов, не всегда удавался и автору этой большой, сложной, трудной для исполнения книги. Ошибочно сопоставление др.-инд. *árvā-* с укр. *урвище* "пропасть, овраг" [Шилов 1995 : 55], так как возможно только членение последнего *у-рв-ище*; др.-русск. *Мокошь* вероятнее всего понимать как божество плодородия и связывать с *мокрый* (ср. [Фасмер, II: 640]), а не объяснять из *ма + кош*, якобы "Мать вместилища (урожая)" [Шилов 1995 : 59]; укр. *стерно* "руль", польско-немецкое заимствование, нельзя связывать с гот. *stairno* "звезда" [Шилов 1995 : 76]; слово *вдова* нельзя произвольно членить как *в-дова* и связывать со слав. **daviti* [Шилов 1995 : 140]; произвольно и произведение гандхарвов и кентавров "от кунотавров", якобы "собако-быки" [Шилов 1995 : 198]; русск. зверь, слав. **zvěrь* никак этимологически не связано со сван. *джвар* (ср. [Шилов 1995 : 218]), первое из них – исконно индоевропейского происхождения, второе, собственно, груз. *ǯvari* "крест" объясняют как местное заимствование из иранского (см. [Абаев 1958 : 401, 402]); областное русское слово *саман* объясняется как заимствование из тюрк. *saman* "солома" [Фасмер III : 552], вне связи с хеттским *samana* "фундамент" [Шилов 1995 : 238]. В оправдание автора можно сказать, что таких и им подобных "вкусовых" этимологий еще немало попадается на страницах весьма серьезных трудов по истории и археологии, и в этом можно увидеть и нашу вину, отставание доступной пропаганды правильных этимологических знаний. Отрадно впрочем, также отметить, что наряду с этими, скорее, "вкусовыми" этимологиями автор высказывает отдельные тонкие этимологические наблюдения по сближению слов и стоящих за ними понятий, на фоне собственных археологических разысканий, нацеленных на реконструкцию древних представлений. Так, например, наблюдавшуюся им практику расчленения, измельчения человеческих жертвоприношений он соотносит с фактом схождения трактуемых обычно как омонимы ([Pokorny, I : 735 – *mer*-4 и *mer*-5]) и.-е. **mer-* "умирать, умирание" и **mer-* "размалывание" [Шилов 1995 : 138]. "Идея воспроизводства жизни посредством ментальных усилий", обсуждаемая автором на примере семантического схождения "мысли" и "семени" [Шилов 1995 : 187], привлекла меня созвучностью с моими собственными недавними размышлениями над древним синкретизмом **men-* "мужского" и **men-* "мыслительного" в индоевропейском и славянском.

Дальнейшие мои замечания носят преимущественно конкретный, порой частный характер, и их навеянность чтением труда Шилова по-своему свидетельствует о богатстве и разнообразии содержания этой книги.

Наш автор, кажется, не совсем прав, полагая, "что присущая позднейшим индоариям символика цветов на их прародине еще не устоялась..." [Шилов 1995 : 98, ср. еще 101]. Два примера. Первый из них говорит о наличии уже в Северном Причерноморье, в Предкавказье, не только такого цветообозначения, как **suvarna-*,

этимологически тождественного др.-инд. *suvárṇa-* "имеющий хороший, красивый цвет; блестящий; золотой; принадлежащий к благородной касте", но и этнонима, племенного названия Σουαρνοί (Ptol.), явно представляющего собой сознательное, устойчивое использование этого цветосимвола уже в кастовой, социальной терминологии. Второй пример интересен тем, что показывает не только наличие древнего, еще индоевропейского цветообозначения, но и факт его – тоже древнего – табуистического употребления. Речь идет о таком традиционно табуизируемом обозначении, как название зайца, – индоарийское **sasa-*"заяц", надежно выявляемое на базе личного имени Σάσας Σινδέου, Горгиппия (Корпус боспорских надписей № 1094). Ср. др.-инд. *śaśá-*"заяц, кролик" < **śasa-* < и.-е. **kaso-* "серый, светлый" (для скептиков отметим, что иранская форма имела бы вид **saha-*). Сюда же исконно родственное нем. *Hase* "заяц". Ср. и табуистическое обыкновение обозначать зайца серым, серяком по-русски. Попутно полезно напомнить и археологическое свидетельство о наличии зайцев в курганной культуре (см. [Mallory 1982 : 199, 200]). И это – тем более, что Ю.А. Шилов в своей специальной главе "Дикие животные" (с. 177–194) о зайце не упоминает. Таким образом, мы лишний раз убеждаемся в том, сколь многое из верований, символики и значений слов, не только первичных, но и вторичных, фигуральных, получило свое оформление и развитие у индоарийцев уже в Северном Причерноморье. Важность этого наблюдения и материала трудно переоценить, если иметь в виду, что в науке почти до последнего времени преобладает взгляд, связывающий оформление индоарийского чуть ли не с приходом индоарийцев в Северо-Западную Индию. Назвать все это можно примерно в духе высказывания самого Ю.А. Шилова: "Мудрость, собранная (преимущественно на берегах Днепра) и сохраненная (преимущественно на берегах Инда) арийскими брахманами...: [Шилов 1995 : 612].

О летучести и дальности проникновения арийского этнического элемента, арийских мифологем уже писалось другими, находившими отголоски в первую очередь – иранских (скифо-сакских, сарматских) культов на гигантских пространствах от британских до японских островов. Показательно, что индоарийский не проявил подобной летучести; он проделал свою известную трассу с северо-запада на юго-восток (Европа, Северное Причерноморье, Предкавказье, Месопотамия, Индия), но проделал ее видимо более тяжелой поступью, отличавшей севшего на коня земледельца от конников-иранцев с их способностью распыляться на необозримые пространства. Раньше всего арийский этнический элемент углубился в южном направлении. Феномен Митанни известен (см. также выше). Не меньше (а возможно – больше) проблем возникает в связи с иранскими – скифскими, сайскими (сайи, хсайи – "царские, царственные") походами, проникновениями в догеродотовское время от Приднепровской возвышенности до долины Иордана (ср. [Шилов 1995 : 10]: "...от долины Иордана до Приднепровской возвышенности..."). Здесь многое еще остается выяснить – от идентификации, этимологии отдельных форм до датировки явлений. Кое-что из этих сюжетов затронуто в моей статье "Слово о Русской энциклопедии и некоторых энциклопедических статьях на библейские темы" (рукопись сдана в "Палестинский сборник" и журнал "Palaeoslavica", Бостон, Гарвард). Начать с того, что уже само название реки Иордан – греч. Ἰορδάνης, др.-евр. *Yardēn* – нельзя объяснить, не прибегнув к помощи выразительного иранского **danu-*"река"; любопытно при этом, что название Иордан зафиксировано как древнеегипетское Jrdn уже в X в. до н.э.

Не менее любопытно, что, помимо древнеиндийского персонажа Ригведы по имени *Аджа* "Козел", катакомбные аналогии которому находит в Северном Причерноморье археолог (см. [Шилов 1995 : 151, 208 и сл.]), в древнееврейской религии прочное место занимает некий *Aza'el* (испорченное *Azaz'el*), то есть Aza-бог, в полном чтении – "Козел-бог", что подтверждается и наличием в библии в аналогичном употреблении древнееврейского *сеирим* "козлы", а в русской библии – своеобразной передачи "козел отпущения" (см. А.Б. Ранович [Ранович 1937 : 135; 136], без попытки осмысления

элемента *aza-*; из литературы см. еще Н.Н. Евреинов [Евреинов 1924]: о "козлопоклонничестве" в Евразии; Дм. Гулиа [Гулиа 1986 : 283]: культ козла (*ашьтәа*) у абхазов). Ясно, что форма *aza*-представляет собой иранское нарицательное слово со значением "козел". Остается лишь добавить, что этот узкоеврейский ритуальный *Аза'ел, Азаз'ел*, который расшифровывается как частичный скифский импорт, получил блестящее преломление и отражение в инфернальном образе Азазелло (Булгаков, Мастер и Маргарита), став таким образом и достоянием нашей культуры.

Автора очень интересует фольклорная преемственность. Сюжеты верований и представлений, выявленные в древних курганах доскифского времени, порой прослеживаются им в местных легендах и преданиях XX века [Шилов 1995 : 124]. Этот ряд феноменов может быть пополнен еще одним, вернее, его отражениями вплоть до недавнего времени и их более точной локализацией. Речь идет о так называемом журавлином мифе и гераномахии. Сюжет битвы журавлей с пигмеями выявлен специалистами в ряде древних индоевропейских литератур. К этому следует добавить также выявленную с некоторых пор в древних глоссовых контекстах и в топонимии – начиная с античной вплоть до наших дней – локализацию преемственной памяти этого мифа на небольшом пространстве земли в низовьях Днепра и Южного Буга. Сюда относится прежде всего реконструируемое индоарийское выражение **kank-uta-* "изгнанные журавлями", ср. εἰς Κάγκυτον, декрет в честь Протогена, Ольвия, III в. до н.э., и близкую форму в вариантах к Plin. NH IV, 44, глоссируемую с помощью латинского: a gruibus fugatos (вар. pulsos) "журавлями изгнанные". Подробнее см. [Трубачев 1987 : 119 и сл.] (а также в книге INDOARICA в Северном Причерноморье, в печати). Ср. др.-инд. *kaṇká-*"цапля", с одной стороны (традиция обозначать журавля и цаплю одним словом, то есть смешивать их, известна), а с другой стороны – ее продолжения в современной гидро- и топонимии этих мест, ср. сюда прежде всего река бассейна Нижнего Днепра *Конка* и наличие там же производных названий мест от укр. *чапля* "цапля". Эта традиция четко ощущалась в античное время, ср. существование там названий Gerania (oppidum, Plin., там же), собственно греч. "журавлиная", точнее "журавлиный" ("город", в греч. – женского рода), а также еще более древнее калькирующее отражение в Γέρρος, если из **ger(ə)nos* "журавль", "албанская" фонетика которого (*-rr-* < *-rn-*) позволила бы вспомнить о фракийской атрибуции киммерийского, тем более, что арийским характеристикам это просто не соответствует. Эту возможность мы рады подсказать автору, поскольку он ищет на несколько иных направлениях [Шилов 1995 : 471: о тяготении мифа о битве с журавлями к кавказско-малоазийскому ареалу] и все еще озабочен стремлением "заполнить лакуну между античным оформлением данного мифа и его индоевропейскими истоками..." (там же: 471, 472).

Переходя напоследок к славянским параллелям и славянским отражениям, мы имеем в виду, что Поднепровье, тем более – Нижнее, представляет собой периферию древних славянских ареалов (а от древнейших ареалов славян оно вообще лежало в стороне). Славянские параллели древним арийским состояниям носят поэтому свободный характер, что не умаляет, однако, значения феномена традиционной унаследованности явлений скифской и далекой, доскифской древности перекрывающим слоем славянского, украинского населения, к которому так внимателен Ю.А. Шилов. Во-первых, при этом легче всего было бы занять позицию во всем сомневающегося скептицизма, позицию, сплошь и рядом бесплодную, тогда как разумнее было бы присмотреться к заявленным отражениям и преломлениям субстратного арийского культурного элемента среди местного славянского населения, той же украинской запорожской вольницы. Во-вторых, важно преодолеть эту ученую традицию неверия в культурную преемственность населения этой проходной степной полосы, против чего еще более столетия назад выступил И.И. Срезневский, в специальной работе показавший древность, даже архаичность славянских, древнерусских местных названий наших южных степей, обезлюдивание которых обычно систематически преувеличивалось. Наш вводный пример пары семантических преем-

ственных соответствий *Обиточное – *pari-sara* из этого разряда (подробнее об этом в нашей книге "В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси", второе, расширенное издание, в печати). В этом смысле целесообразно внимательно изучить унаследованность славянскими племенами традиций древней среднеднепровской культуры, но также и культуры, территориально более отдаленных синдов (ср. [Шилов-АДД : 9]).

Мы же здесь ограничимся одним-двумя спорадически взятыми примерами из области упомянутых славянских культурно-типологических параллелей или даже более тесных отражений. Одна из таких культурнотипологических параллелей дается нами к занимающему автора вопросу о "семантической связи повозок и молоточковидных булавок" [Шилов 1995 : 333]. Определенный пояснительный материал к этому находим в этимологии и семантике соответствующей славянской терминологии и ее реального фона, а именно связь и отношение слав. **jьgo* (русск., укр. *и́го* и в большинстве славянских языков – "ярмо") из праиндоевропейского **jugom* "(воловье) ярмо, иго" и слав. **jьg(ъ)la* (русск. *игла́*, укр. *го́лка* и др.) "игла, иголка". Главный интерес представляет последнее, в том числе, думаю, и для исследователя молоточковидных булавок и их связи с повозками в древнем Нижнем Поднепровье. Как это ни странно, "игла" в славянском обозначается не производным от глагола "шить", что казалось бы логично (ср. нем. *nähen – Nadel*). "Игла" – слав. **jьg(ъ)la* – это прежде всего "игла с ушком", то есть "с головкой", некий аналог "булавки", древнего названия которой, похоже, не сохранилось, точнее, его функцию первоначально выполняло слово **jьg(ъ)la, игла*. Преобладающее значение последнего – "швейная игла", как кажется, сменило более первоначальное – "шкворень, стержень", представленное сейчас в меньшинстве случаев или, как бывает с древними значениями, в производных. На это и обратил внимание В. Махек, которому мы обязаны проницательной этимологией **jьg(ъ)la, игла* как производного от **jьgo, иго*. Он обратил внимание на случаи вроде словацкого диал. *jehlice* (собственно, **jьgъlica*) "часть ярма", точнее – "прут, запирающий ярмо при надевании его на шею скотины". Без такой древней "иглы" (для фиксации, возможно, имевшей молоточковидную головку?) распадалось ярмо, без ярма не могла осуществляться тяга повозки (эпизод – **jьgo – *jьgъla* изложен по: [ЭССЯ, 8 : 213, 214].

Второй, краткий, пример славянского соответствия касается отмечаемой автором приверженности индоарийского Варуны западу, потустороннему океану и некоему острову посередине его [Шилов 1995 : 592]. Перед нами набор черт, возможно, свойственных и этимологически родственному слав. **volynь/*velynь* и, через его призму, производящему его теониму *velunъ, с такими характерными чертами семантики последнего, как распространение главным образом на западе славянства (украинская *Волинь* – самый восточный из случаев этого названия), долинность/низинность и прибрежность (см. [Трубачев 1994 : 14]). Этим, конечно, славянско-дославянские связи и культурные традиции не исчерпываются, ср. одно из общих заключений книги: "...уходящие в докурганные времена традиции святилищ-обсерваторий и Матери-Земли не прервались. Они сохранялись и у средневековых славян Восточной Европы" [Шилов 1995 : 607, со ссылкой на Б.А. Рыбакова).

Приближаясь к итогу, отмечу также, что кое-что осталось для меня загадочным или непонятным, как например письменность Триполья, "надписи среднедунайской Аратты" [Шилов 1995 : 237 и passim]. Насколько можно полагаться на этот проблематичный источник? Неясна для меня и концепция Триполья, отождествляемого то с шумерской Араттой (?), то с индоевропейской "Страной земледельцев" Аратта [Шилов 1995 : 31]. Чтение книги, и без того, надо сказать, нелегкое, несколько затрудняют довольно многочисленные опечатки; автор знает это, хотя и не смог справиться с этими, в основном техническими, помехами в трудном в нынешних условиях деле издания такой крупной книги. Неведомое мне киевское издательство СИНТО в целом справилось с печатанием книги Шилова, издав ее приличным

тиражом в 5000 экземпляров. Отмечу, может быть, только назойливое повторение одной и той же опечатки, искажающей смысл – алазано-баденская культура, надо: алазано-беденская. И еще отмечу одну досадную описку пера (авторскую? издательскую?). П. Кречмер опубликовал статью "Индийцы на Кубани" не в Англии (так [Шилов 1995 : 13]), а в Австрии (у Шилова ссылка на Трубачева [Трубачев 1976], где дано правильно). Указатели в этой большой книге отсутствуют, но автор намерен их дать в приложении ко II-ому тому, еще не напечатанному – сведение из личного письма.

Оценивая такую книгу, непростую, как и человеческая судьба Ю.А. Шилова, нельзя забывать, что оцениваешь почти нечеловеческий вложенный в нее труд, попросту неохватный одним взглядом. Смелая устремленность, готовность ставить и решать трудные задачи и искать подходы к труднейшим обычно делает таких исследователей легкой мишенью для критики. Но читатель непредвзятый, к тому же, интересующийся предметом, вынесет из этого чтения очень многое – из свежего материала, обобщений, бесчисленных наблюдений. Из них складывается положительный итог труда Юрия Алексеевича Шилова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. 1958 – Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958.

Абаев В.И. 1981 – Геродотовские *Skythai geōrgoi* // ВЯ. 1981. № 2 (= В.А. Абаев. Избр. труды. Т. 1. Владикавказ, 1990).

Гулиа Дм. 1986 – Собр. соч. Т. 6. Сухум. 1986.

Евреинов Н.Н. 1924 – Азазел и Дионис. Л., 1924.

Климов Г.А. 1994 – Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.

Ранович А.Б. 1937 – Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937.

Трубачев О.Н. 1976 – О синдах и их языке // ВЯ. 1976. № 4.

Трубачев О.Н. 1977 – Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6.

Трубачев О.Н. 1987 – Античная балканистика. М., 1987.

Трубачев О.Н. 1991 – Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.

Трубачев О.Н. 1993 – Древние славяне на Дунае (южный фланг). Лингвистические наблюдения // Славянское языкознание. XI МСС. Докл. российской делегации. М., 1993.

Трубачев О.Н. 1994 – Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // ВЯ. 1994. № 6.

Шилов Ю.А. 1995 – Прародина ариев. История, обряды и мифы. Киев, 1995.

Шилов Ю.А.-АДД – Прародина ариев. История, обряды и мифы: Автореф. дис. ... докт. филол. наук.

Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. М., 1981.

Blažek V. 1994. – AO. 1994. N. 62. Rec.: C. Bonfante. Il "sale" e l' "aratro" fra gl' Indoeuropei // Studia etymologica Indoeuropaea memoriae J.J. van Windekens dedicata. Leuven, 1991.

EWAi – *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I. Lf. 2. Heidelberg, 1987.

KEWA – *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. III. Heidelberg, 1976.

Mallory J.P. 1982 – Indo-European and Kurgan fauna I: wild mammals // JIS. 1982. V. 10. N 3–4.

Pokorny J. – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Bern. 1949–1959.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. В.Л. ЯНИН, А.А. ЗАЛИЗНЯК

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 1995 г.

Полевой сезон 1994 г. в Новгороде не дал ни одной берестяной грамоты: работы велись в напластованиях X – начала XI в., где поиски каких-либо текстов хотя и небезнадежны (орудия письма на бересте в прежние годы обнаруживались в слоях последней четверти X в.), однако до сих пор успехом не увенчались. В 1995 г. Троицкий раскоп был расширен, включив в себя участки, недавно освобожденные от застройки. Раскопки на нем велись в напластованиях XIII – начала XV в. Здесь, на раскопе Троицкий-XI (руководитель П.Г. Гайдуков) было найдено пять берестяных грамот (№ 754, 755, 756–759). Еще один документ (№ 756) обнаружен во время раскопок в Детинце, около Софийской звонницы (руководитель С.В. Трояновский). В предлагаемой ниже предварительной публикации в квадратных скобках помещены буквы, сохранившиеся частично, но читаемые однозначно, а в квадратных скобках – конъектуры издателей.

*

Грамота № 754. Троицкий раскоп. Конец XIV – нач. XV в. Усадьба Г. Документ, бывший до его обнаружения целым, находился в горелом слое и был в сильной степени пересохшим и хрупким. При извлечении из земли он распался на несколько десятков фрагментов, а некоторые его участки превратились в пыль. Благодаря беспрецедентному реставрационному подвигу В.И. Поветкина грамота была возвращена из небытия. Из шести ее строк последние четыре собраны полностью, а первые две приведены в состояние, позволившее предложить безальтернативные конъектуры. Ее текст после восстановления выглядит следующим образом:

ѿ ----нти(л къ) [м]атѳ(ию п)[о]нат- (тоби) [ж]ерди[ѥ] (у м)ене
н(а ли)[с]у к в----[л]аси[ц]-(-) (лю)бо са(мъ) по[и]ди ал[и т]и (при)ка-
жи а[т](є) н[є] изматуса · а · цто по[в]елило ѥс[и у п]ерхури
[ск](ота в)зат[и а] того не далъ · а скотьно-- дал[ъ] а [ц]то б[ы]-
ло ѿ би[л]ъ моя а того не далъ а у мене коне полъ [а] земля твоя
лежите а шмеши за (л)юдними

Имя автора не прочитано и имеет несколько возможных вариантов (Дементий, Леонтий, Оксентий и т.п.). Для *(п)[о]нѧт-* (в первой строке) имеются две допустимые конъектуры: *(п)[о]нѧт[е]* и *(п)[о]нѧт[о]*. В конце первой строки после *(у ме)не* в принципе могло бы уместиться еще две буквы; но более вероятно, что букв там не было. В четвертой строке допустимы конъектуры *а скотьно-(го) далъ* и *а скотьно(ѥ ѿ) далъ*.

Автор грамоты сообщает Матфею, что тот должен взять запас жердей у него (автора) в лесу в Лясиц(ах?). "Или сам пойди, или же распорядись, чтобы мне не было убытка", – пишет он. Дальнейший текст очевиден: "А что ты распорядился у Перхурия скот взять, то он скота не вернул, а деньги за скот (*скотьноѥ*) отдал. А что

у него было 6 бел моих, того он не отдал. А у меня конь пал. А земля твоя лежит [т.е. не обрабатывается], а сошники *(ѡмеши)* отданы тем, у кого есть люди [для обработки пашни]".

Упоминание некоего населенного пункта, написание которого в грамоте фрагментировано (*Лѧсиц...*), дает основание для его поисков среди древних селений Новгородской земли, что удобнее будет сделать, комментируя далее грамоту № 757.

Грамота № 755. Троицкий раскоп. Вторая четверть XV в. Усадьба И. Полностью сохранившийся документ, текст которого написан в восьми строках:

толко за мною и словъ позвале мене
ѿлекьсѣи на гумно ажь ѿсташька ѿ-
выдь молоти ѿлекъсѣи [ѥг]о воспро-
си цому молотишь безъ нашихъ сир-
отъ а намъ в землѣ половина а верь-
ши цасть и велѣлъ ми старѣшѣи
мои и сѣмѧна и ѣмѧна молотить ваш-
а иване

Грамота не имеет адресной формулы и начинается фразой *Толко за мною и словъ*. Подобное начало (*Толкко за нами словъ*), сопровождаемое сообщением о позове (*Онаньꙗ тебе зовета и Онкѣфъ*) ранее было встречено в грамоте № 312 первой четверти XV в. Такое же сочетание начальной фразы и сообщения о позове (*Позвале мене Ѡлекьсѣи*) характерно и для публикуемого документа, а сама начальная фраза, исходя из контекста, может быть трактована как юридическая формула, открывающая запись показаний ответчика.

Прежде чем предложить перевод этой грамоты, остановимся на толковании слов, впервые встреченных в текстах столь раннего времени. Слово *ѡвыдь*, отсутствующее в Словаре Срезневского, зафиксировано в хозяйственных книгах 1600 и 1658 гг. [СлРЯ XI–XVII, 12: 230] новгородского региона, а в форме *оводь, овыдня, овынка, овынь* – в [Новг. обл. сл., 6 : 122, 124]. Во всех случаях оно означает яровую рожь, а отсутствие его в Словаре Даля подтверждает локальный характер этого термина. Слово *ѣмѧна* (от *ѣсть*) означает зерно, предназначенное для употребления на еду, а сочетание *сѣмѧна и ѣмѧна* отмечено Далем в речении *"хлѣбъ на ѣмины и хлѣбъ на сѣмены"* [Даль, 4: 660]. Не исключено, что та же формула присутствует в сильно фрагментированной берестяной грамоте № 556 рубежа XII–XIII вв.

Перевод: «Только за мною и слов. Позвал меня Олексей на гумно из-за того, что там Осташка молотит яровую рожь. Олексей его воспросил: "Почему молотишь без наших крестьян – ведь нам в земле принадлежит половина и урожая доля. А старейший мой Иван велел весь хлеб ваш молотить мне"».

Впрочем, последняя фраза может принадлежать не Олексею, а автору показаний, отстаивающему правомерность действий Осташки.

Грамота № 756. Раскоп в Детинце. Вторая половина XIV в. Фрагмент документа, от которого сохранилась лишь отрезанная правая часть. Текст грамоты написан в пяти строках:

(поклоно ѿ ... ко) [в]ладики цто єсо-
(мо) ... ...онми за то господи-
(нє) ... возарало на парє(-)
... (и клана)юсѧ да·и · господинє
... ...[л]и ниту

Письмо адресовано владыке, архиепископу, что не противоречит месту его находки (Владычный двор находился в Детинце). Повторное обращение *господине* и формула прошения (*кланѧюсѧ*) включает грамоту в круг крестьянских челобитий. *Возарало на паре*... следует понимать как "вспахал на паренине (паровом поле)". Поскольку во второй половине XIV–XV в. архиепископ был не только вотчинником, но и надзирателем за необояренным фондом черных земель, автором письма мог быть и владычный, и государственный крестьянин.

Грамота № 757. Троицкий раскоп. Конец XIV – начало XV в. Усадьба И. Целое письмо, текст которого написан в четырех строках:

ѡсподину ѥсиф[у] бл҃асловл(єн)иє цєл(о)-
битиѥ ѡто попа ѿ тѣмофиѧ гублѧнє
твоѥго слова нє слушають фєдорка
нє приимлютє волно бу҃ и тоб[и]

Письмо попа Тимофея адресовано землевладельцу Есифу и информирует его о том, что жители принадлежащей ему деревни Губа (*гублѧне*) ослушались распоряжения Есифа и не принимают Федорка, в котором возможно видеть нового сельского старосту или арендатора земли. Тексты подобного характера встречены неоднократно в напластованиях того же времени (ср., например, грамоту № 311, которая и кончается той же формулой: *волено бъ де і ты*).

По-видимому, имеются должные основания для локализации местонахождения церковного прихода попа Тимофея и объекта его доносительства "гублян". Деревня Губа расположена в Ситенском погосте Деревской пятины (к северу от Валдайского озера) в ближайшем соседстве с центром погоста – сельцом Ситно (с церковью Успения) и деревней Ласицы [Новг. писц. кн. 1: 589]. Сама кучность топонимов подтверждает правильность прочтения одного из них в грамоте № 754, присланной из той же местности.

Грамота № 758. Троицкий раскоп. Найдена в слоях конца XIII в., однако может происходить из перекопа, поскольку по данным палеографии она относится скорее к первой половине XIII в. Усадьба И. Текст был написан на большом листе бересты, от которого неаккуратно оторван (в нижней части листа остались полторы строки начала записи):

прольжь : три гривнє
б[єс] п[ѧ]т[и] ... (| ...)

Слово *прольжь* до сих пор в древнерусских текстах не встречалось, но смысл его прозрачен: убыток от неиспользованного для дохода товара или некой суммы денег. В данном случае убыток составил 3 гривны без пяти каких-то более мелких единиц (кун, резан, ногат?).

Грамота № 759. Троицкий раскоп. Рубеж XIII–XIV вв. Канава частокола между усадьбами И и Г. Дно берестяного туеса с процарапанной на нем строкой цифр:

:а҃ :в҃ :г :д҃ є҃ ѕ҃

Ниже этого ряда цифр выписаны отдельные буквы и буквообразные знаки. Опознаваемые буквы (в строках 3–5): **ъ| едал|е**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Даль В. – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.; М., 1882.
Новг. обл. сл. – Новгородский областной словарь. Вып. 6. Новгород, 1994.
Новг. писц. кн. – Новгородские писцовые книги. Т. 1. СПб., 1859.
Сл. РЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 12. М., 1987.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. Р. МАРОЕВИЧ

ЭТЮДЫ ПО ГРАММАТИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. I

(К прочтению Свинцовой грамоты)

1. Свинцовая грамота, среди берестяных находок единственный памятник письменности, выполненный на металлическом основании, была найдена археологами при раскопках 1956–1957 гг. и опубликована А.В. Арциховским в качестве приложения к Грамотам 195–318. Стратиграфическая дата найденной грамоты определена двумя соседними ярусами – как "рубеж XI–XII вв. или первая половина XII в." [НГБ 1956–1957: 154].

Текст Свинцовой грамоты разделим на слова, дефисом обозначим случаи переноса из одной строки в другую, а в скобках приведем сокращенное обозначение памятника в списке источников [СДЯ. Т. I: 29]:

ѿ носъка къ мѣ-
стѧтѣ заожеричъ
отрокъ лони крили
соужъдалъцъ ходоу-
тиничъ възъми до-
вѣ гривънѣ на на-
мъ [Гр XI/XII (новг.)].

Текст Свинцовой грамоты истолковывали с грамматической и лексико-семантической стороны по-разному. Эти толкования в настоящей статье будут критически рассмотрены с точки зрения лингвистической достоверности, а в заключение будет предложена наша уточняющая версия прочтения текста.

2. Первый опыт прочтения Свинцовой грамоты принадлежит ее издателям. А.В. Арциховский полагал, что словоформа *заожеричъ* "не имя и не отчество. Упомянутый здесь отрок, надо полагать, происходил из Заозерья, т.е. с южного берега Ильменя". Слово *лони* определено как наречие в значении "в прошлом году". Словоформа *крили* семантизируется как "крыли" без каких-либо комментариев. Словоформа *соужъдалъцъ* определяется как этноним "суздалец" со следующим уточнением: "Средняя Россия в Новгородской летописи постоянно называется Суздальской землей, а жители ее суздальцами". Словоформа *Ходоутиничъ* определена как отчество. "Что же крыли в прошлом году заозерич отрок и суздалец Ходутинич? Надо полагать, они крыли свинцом крышу церкви или иного каменного здания. Поэтому и письмо написано на свинце." Текст Свинцовой грамоты А.В. Арциховский переводит следующим образом: "От Носка к Местяте. Заозерич отрок и суздалец Ходутинич в прошлом году крыли. Возьми две гривны для нас" [НГБ 1956–1957: 155].

В.И. Борковский дополняет толкование А.В. Арциховского фонетическими и синтаксическими комментариями. Он указывает, что в Свинцовой грамоте "нет ни одного случая употребления *ь*". Случаи с *ъ* на месте *ь* в словоформах (приведем их в нормализованном виде) *заожеричь, соужьдальць ходоутиничь възьми, гривьнѣ* считает

"графическим явлением" [НГБ 1956–1957: 195, 194]. В словоформе *заожеричъ* употребление *ж* на месте *з*. В.И. Борковский определяет как псковскую черту; то же явление в словоформе *соужъдалъцъ* – как "сохранение древней формы" [НГБ 1956–1957: 218]. Выделяя вслед за своим соавтором археологом в качестве предложения фрагмент **заожеричъ отрокъ лони крили соужъдалъцъ ходоутиничъ**, историк языка утверждает, что в этом примере "одно подлежащее стоит в препозиции к сказуемому, другое подлежащее – в постпозиции [НГБ 1956–1957: 275–276].

Толкование А.В. Арциховского и В.И. Борковского в шестидесятые годы принималось и другими исследователями и уточнялось в культурно-историческом отношении. «Некий новгородец с редким именем Носок, принимавший участие в покрытии какой-то церкви свинцом, требует уплаты ему и его товарищам двух гривен за работу. Этот свой "счет" он написал даже не на бересте, а на образчике строительного материала – листочке свинца» – конкретизирует толкование А.В. Арциховского В.Л. Янин [Янин 1965: 169]. Своеобразную попытку реконструкции культурно-исторической ситуации делает Л.В. Черепнин: "Опять выступает артель, причем артель, члены которой являются жителями разных местностей (Суздальской земли, Заозерья, Новгорода) и работают также в разных городах. Носко – очевидно, старейшина артели (мастер), Местята и Ходутинич – его помощники (подмастерья), отрок – ученик. Как глава артели Носко просит Местяту, находящегося сейчас в другом месте, получить деньги за работу по покрытию крыши какого-то здания (скорее всего – церкви), которую в прошлом году проделали Ходутинич и Заозерич" [Черепнин 1969: 261].

Слабые стороны толкования Арциховского и Борковского налицо. Во-первых, форма мужского рода множественного числа *крили* не согласуется с д в у м я однородными подлежащими. Поэтому приходится предполагать, что подлежащее частично выражено (**заожеричъ отрокъ ... соужъдалъцъ ходоутиничъ**), частично же выявляется из контекста (*вѣ* "мы с тобой"). Во-вторых, словоформа *крили* содержит фонетизм словоформы другого глагола (*крити* "купить"). На это возражение можно было бы ответить, что в памятнике наблюдается графическое неразличение между *ъ* и *ь*, а также между *ы* и *и*, как в сербском диалекте праславянского языка (вообще многочисленны параллели между древнесербским и древненовгородским диалектом). Притом прецедент в использовании *кри-* вместо *кры-* уже имеется в записи в Милятином евангелии 1215 г.: **и крилъ обоѣ книгы на сїсеніе собѣ і на съдравіе** [СДЯ. Т. IV: 311]. В-третьих, отсутствие прямого дополнения (что крыли?) и разрыв однородных подлежащих сказуемым и обстоятельством времени нельзя объяснить фактами живой славянской речи – можно было бы только предположить, что автор грамоты (писец) забыл указать второго кровельщика и об этом вспомнил только после того, как он уже написал сказуемое.

3. Новое прочтение Свинцовой грамоты принадлежит А.В. Кузе и А.А. Медынцевой. Они исходят из того, что глагол *крити* «часто употребляется в письменных памятниках в смысле "купить"... При таком переводе этого слова содержание текста на свинцовой пластинке приобретает совершенно иное значение: "От Носка к Местяте. Отрока из Заозерья в прошлом году купили [и] суздалец Ходутинич. Возьми две гривны на нем [с него]". Словом, в грамоте говорится о покупке холопа-отрока из Заозерья, совершенной в прошлом году, по-видимому, совместно Носком, Местятой и Ходутиничем. Все они связаны общим делом, для которого и нужен был отрок. По какой-то причине Ходутинич не заплатил своей доли (жизнь холопа оценивается "Русской правдой" в 5 гривен) и теперь Носок напоминает Местяте о необходимости получить долг с их товарища» [Куза, Медынцева 1974: 217].

К слабым сторонам толкования А.В. Кузы и А.А. Медынцевой относятся, во-первых, несогласованность числа сказуемого *крили* с гипотетическим подлежащим *сужъдалъцъ ходоутиничъ*, во-вторых, неубедительность реконструкции взаимоотношений между упоминаемыми лицами, в-третьих, сомнительность коррекции пред-

ложно-падежной формы личного местоимения. Все же заслугой авторов является то, что они первыми предложили принципиально новую основу толкования (семантизация ключевого слова *крили*).

4. К толкованию А.В. Кузы и А.А. Медынцевой присоединяется А.А. Зализняк. Он считает, что их прочтение *крили* как "купили" "не требует никаких буквенных исправлений и согласуется с наличием в грамоте термина *намъ*, принадлежащего тоже к сфере денежных отношений... Следует, правда, признать, что конкретное содержание финансовой операции здесь остается неясным: писавший явно исходил из того, что основная суть дела адресату известна, и сообщил ему лишь необходимые детали. Возможно, что речь идет о покупке отрока из Заозерья, как полагают А.В. Куза и А.А. Медынцева; при другом понимании отрок из Заозерья и суздалец Ходутинич сами что-то купили (может быть, свинец). Заметим, что множественное, а не двойственное число словоформы *крили* скорее всего говорит о том, что покупателей было более двух (следовательно, кто-то из них прямо не назван)" [НГБ 1977–1983: 175]. Считая, что смысл начальной части Свинцовой грамоты спорен, А.А. Зализняк указывает, что заключительная фраза несомненно содержит слово *намъ* "проценты, лихва": **възъми довѣ гривънѣ на н а м ъ** «возьми две гривны на лихву (или: на плату за наем)». "Из контекста неясно, в каком из двух названных значений здесь выступает слово намъ" [НГБ 1977–1983: 167–168, 285].

К слабым сторонам альтернативного толкования А.А. Зализняка относятся следующие. Во-первых, несогласованность формы множественного числа *крили* с д в у м я однородными подлежащими (поэтому А.А. Зализняк исходит из частичной невыраженности подлежащего: из трех или более однородных подлежащих в тексте представлены только два). Во-вторых, не указано, что́ купили частично названные лица (нет прямого дополнения); в ряд подлежащих вставлены сказуемое и обстоятельство времени, что противоречит, как мы уже сказали, непринужденности живой славянской речи. К несомненным достоинствам трактовки А.А. Зализняка относится лексико-семантическая интерпретация предложно-падежного сочетания *на намъ*.

В недавно вышедшей обширной монографии, посвященной древненовгородскому диалекту древнерусского языка, А.А. Зализняк вносит самую большую дозу лингвистического сомнения, т.е. возможности двойного прочтения: «Единой надежной интерпретации грамота, к сожалению, до сих пор не имеет. Основные пункты, где возможны альтернативные решения: 1) *отрокъ* – В. ед. или И. ед. (та же проблема и для *соужъдалъцъ Ходоутиничъ*); 2) *отрокъ* – 'должностное лицо' (см. А 12) или 'юноша', 'слуга'; 3) *крили* – 'купили' или 'оплатили' (помимо перевода 'крыли', предложенного издателями, к которому считает нужным вернуться А.Б. Страхов [1994]); 4) *заожеричъ отрокъ* и *соужъдалъцъ Ходоутиничъ* – два лица или одно. Отсюда множественность возможных интерпретаций основной фразы данной грамоты. В принципе возможны, среди прочих, например, переводы: 'Заозерского отрока (чиновника), суздальца Ходутинича, в прошлом году оплатили (т.е. расплатились с ним)'; 'Слугу из Заозерья в прошлом году купили, [купил] суздалец Ходутинич'; 'Заозерский отрок [и] суздалец Ходутинич [и их люди] в прошлом году купили (не указано, что)'» [Зализняк 1995: 238]. И далее: "Морфологические данные из-за неясности интерпретации неопределенны. Заметим, что *заожеричъ* может либо быть согласовано с *отрокъ*, либо стоять в Р. мн. (с точки зрения перевода это различие малосущественно)" [Зализняк 1995: 239].

Интересно, что А.А. Зализняк в список грамматических омонимов не включает форму *възъми*, имевшую потенциальное значение 2-го или 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения, хотя в Берестяной грамоте № 241 (по хронологической классификации Зализняка – А 12), анализ которой непосредственно предшествует анализу Свинцовой грамоты и на которую автор ссылается в связи со значением 'младшее должностное лицо, род судебного исполнителя' лексемы *отрокъ*, – морфологически идентифицируется "императив 3-го лица *бѫди*" [Зализняк 1995: 238].

5. В.Г. Барановская, автор словарной статьи *крыти* в [СДЯ. Т. IV: 216], возвращается к толкованию А.В. Арциховского и предпочитает глаголу *крити* "купить" глагол *крыти*, но в другом значении – "скрывать, прятать, укрывать". Притом она цитирует следующий фрагмент грамоты как подтверждение засвидетельствованного значения: **Заожеричь (!) отрокъ лони крили суждалъцъ.** Однако автор в словарной статье не смог охарактеризовать сочетаемостные свойства глагольной словоформы *крили*, поэтому остается неясным, кто кого скрывал (отрок суздальца или наоборот) или что скрывали (отрок и суздалец).

К толкованию А.В. Арциховского возвращается и А.Б. Страхов в специальной работе [Страхов 1994: 205–233]. При этом он существенно дополняет толкования А.В. Арциховского и В.И. Борковского: "Как ни толковать фразу: **заожеричъ отрокъ лони крили соужъдалъцъ ходоутиничъ**, но налицо неправильный порядок слов. Ввиду этого ошибка в употреблении формы мн. ч. *крили* вместо ожидаемой формы двойств. ч. **крила* возможна. Но возможно и то, что тут упомянуты не два, а три (!) человека: 1) отрок из Заозерья; 2) суздалец и 3) х о д о у т и н и ч ъ " [Страхов 1994: 216]. В предложении: **възъми довѣ гривънѣ на намъ,** " с правильным вин. п. дв. ч.", А.Б. Страхов видит «не н а м ъ 'процент', а н а (и) м ъ 'наем, плата'» [Страхов 1994: 218].

Написание *крили* вместо *крыли* А.Б. Страхов объясняет не диалектными фонетическими особенностями, а влиянием церковнославянской книжной традиции. Принципиальное значение имеет заключительный вывод автора: "Думается, что обсуждение проблемы древних южнославянско-новгородских и, в частности, сербо-новгородских культурных контактов, начатое в начале XX в. искусствоведами и порою ими же возобновляемое, необходимо продолжить и углубить филологам, не дожидаясь наступления лучших – для сербов и новгородцев – времен" [Страхов 1994: 226].

6. Опираясь на трактовки А.В. Кузы, А.А. Медынцевой и А.А. Зализняка, В.Б. Крысько предложил новое, оригинальное прочтение: «Наиболее правдоподобно, на наш взгляд, квалифицировать данную конструкцию как родительный принадлежности (РП мн. ч.), обозначающий прежних владельцев холопа – семью суздальцев Ходутиничей ... В целом все предложение (несомненно, неопределенно-личное) может быть переведено так: "В прошлом году купили заозерца – холопа суздальцев Ходутиничей"» [Крысько 1993: 71–72; 1994: 81–82].

Новизна трактовки В.Б. Крысько касается толкования словоформы *крили* как сказуемого неопределенно-личного предложения (и эту часть толкования можно принять с оговоркой – см. ниже) и словосочетания *соужъдалъцъ ходоутиничъ* как дополнения (и приложения к нему) в форме беспредложного родительного падежа множественного числа. Эта часть толкования несостоятельна прежде всего потому, что она выходит за пределы возможного древнерусского синтаксиса: приименный или адноминальный генетив и есть приименный постольку, поскольку он занимал позицию при имени (причем постпозиция родительного принадлежности была стилистически нейтральной, препозиция – стилистически окрашенной). Дистантное расположение беспредложного родительного (посессивного генетива) в древнерусском языке, да и не только в древнерусском – было грамматически невозможным. Поправку Крысько нельзя принять и по соображениям культурно-историческим: в древнерусском языке конца XI – первой половины XII в. еще не было фамилий даже в зачаточной стадии развития: форма *Ходутиничь* имела только патронимическое значение – *Ходутинъ сынъ* "сын Ходуты". А без фамильного значения суффикса *-ичь* не приходится говорить о феодальном роде суздальцев Ходутиничей.

7. Можно было бы уточнить с грамматической точки зрения трактовку В.Г. Барановской: словоформа *крили* (вместо *крыли*) является сказуемым неопределенно-личного предложения; словоформами же *заожеричь отрокъ... соужъдалъцъ ходоутиничъ* представлен двойной косвенный (винительный) падеж: заозерского отрока

скрывали (прятали, укрывали) как суздальца Ходутинича (под именем суздальца Ходутинича). Грамматически безупречная трактовка (окончание *-ъ/-ь* в винительном падеже ед. числа *ŏ/jŏ*-склонения по отношению к диалектному окончанию *-е* именительного падежа) имеет однако слабые стороны, и не только фонетическую (*кри-* вместо *кры-*), но и смысловую: зачем же Местяте брать две гривны в качестве лихвы (платы на наем)?

8. Критически рассмотрев все известные нам попытки истолкования загадочной грамоты на уникальном материале, мы полагаем, что ни одна из них не может быть принята полностью, как целостное объяснение текста. Тем не менее, все названные выше авторы внесли свой вклад в изучение грамматики и семантики Свинцовой грамоты. Опирающееся на трактовки предшественников наше прочтение рассматриваемого текста состоит в следующем.

Текст Свинцовой грамоты разбивается на три синтаксически самостоятельные единицы.

Первая: **ѿ Носъка къ Мѣстѧтѣ.** Адресант: *Nosъko* (древненовгородская диалектная форма именительного падежа могла гласить: *Nosъke*). По происхождению, несомненно, псковичь (псковитянин), поскольку в грамоте отражена псковская диалектная черта (*ж* на месте *з*). Предложенный еще Арциховским вариант *Носок* < **Nosъkъ* не принимается, поскольку в праславянском существовали гипокористические формы личных имен на *-ъko*, суффикс же *-ъkъ* встречается только в апеллятивах. *Носъко* (необязательно исходить из диалектной формы *Носъке*), по-видимому, грамоту писал в своем родном городе и направлял ее в Новгород к Местяте. Адресат реконструируется с гласным *ä* < *ѧ*: *Městäta*.

Второе предложение: **Заожеричъ отрокъ лони крили.** *Отрокъ* – прямое дополнение (винительный падеж *ŏ*-основы с окончанием *-ъ*, характеризующим эти основы до возникновения категории одушевленности). *Заожеричъ* < *zaozeričь* – объектное приложение в том же падеже (флексия *-ь* вин. п. основ на *jŏ* до возникновения категории одушевленности). Этноним образован с помощью суффикса *-ičь* (этнонимического суффикса!) от основы предложно-падежного сочетания в творительном падеже *za ozer(отъ);* от основы того же сочетания при помощи суффикса *-ьje* был образован топоним *Zaozerьje*. *Крили* – форма мн. числа муж. рода перфекта без вспомогательного глагола (отсутствие вспомогательного глагола несет определенную стилистическую нагрузку). Форму *крили* можно толковать или как сказуемое неопределенно-личного предложения (если исходить из того, что опущена форма 3-го л. мн. числа вспомогательного глагола), или как сказуемое личного предложения с опущенным подлежащим в форме личного местоимения первого или второго лица мн. числа (если отсутствующую форму вспомогательного глагола реконструировать как форму 1-го или 2-го л. мн. числа). (Естественно, в грамоте представлен не глагол *крыти* "покрывать, скрывать", а глагол *крити* "купить".) Поэтому форму *крили* можно семантизировать по-разному – "купили (его)", "(он) был куплен" (неопределенно-личное значение), "мы (его) купили", "вы (его) купили" (определенно-личные значения). *Лони* – обстоятельство времени (ср. серб. *лани* "в прошлом году").

Третье предложение: **Соужъдалъцъ Ходоутиничъ възъми довѣ гривънѣ на намъ.** *Соужъдалъцъ* < *Sǫzьdal'ьсь* – этноним, образованный с помощью суффикса *-ьсь*, в роли подлежащего. *Ходоутиничъ* – отчество, образованное с помощью (патронимического) суффикса *-ičь* от основы посессива *Chodutinъ* (посессив же образован суффиксом *-inъ* от основы личного имени *Choduta*). В предложении выполняет роль приложения. *Възъми* < *vъzьmi* – форма повелительного наклонения не второго, а третьего лица ед. числа. *Довѣ гривънѣ* < *dъvě grivьně* – вин. пад. двойств. числа соответствующего числительного и субстантивной *ā*-основы. *На намъ* – форма вин. пад. *ŏ*-основы *намъ* с предлогом *на* в роли обстоятельства цели.

Примечание. Исходить из формы третьего лица единственного числа повелительного наклонения *възьми* возможно, поскольку такое употребление императива 3-го л. засвидетельствовано в других древних восточнославянских текстах того же времени (вторая половина XI – первая половина XII столетия): мънога же лѣ† *дароуи* бъ сътѧжавъшоумоу еуᶜлие се [ЕвОстр 1056–1057, 294в (запись)][1]; *даи* емоу гь бъ блние стыхъ. евангелистъ [там же]; да иже горазнѣе сего напише. то не *мози* зазьрѣти мьнѣ грѣшьникоу [там же]; а бъ *боуди* за тѣмь и стая бца [Гр ок. 1130] (первые два примера см. [СДЯ. Т. II: 429, 442]; см. также многочисленные примеры формы 3-го л. ед. ч. императива *боуди* в [СДЯ. Т. I: 347]).

После всего изложенного, можем предложить следующий перевод текста Свинцовой грамоты: "От Носка к Местяте. Заозерского отрока в прошлом году купили. Пусть суздалец Ходутинич возьмет две гривны в качестве лихвы (процентов)".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.

Крысько В.Б. 1993 – Категория одушевленности в древненовгородском диалекте // Славяноведение. 1993. № 3.

Крысько В.Б. 1994 – Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Куза А.В., Медынцева А.А. 1974 – Заметки о берестяных грамотах // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. .М, 1974.

НГБ 1956–1957 – *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородкие грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

НГБ 1977–1983 – *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Аванесов Р.И. Т. I. М., 1988; Т. IV. М., 1991.

Страхов А.Б. 1994 – Филологические наблюдения над берестяными грамотами. V // Palaeoslavica. V. II. Cambridge-Massachusetts, 1994.

Черепнин Л.В. 1969 – Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

Янин В.Л. 1965 – Я послал тебе бересту... М., 1965.

[1] Сокращения памятников см. в [СДЯ. Т. I].

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. Е.А. ЗЕМСКАЯ

КЛИШЕ НОВОЯЗА И ЦИТАЦИЯ В ЯЗЫКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Характернейшая черта современного дискурса вообще – будь это язык художественной литературы, официальное выступление по ТВ или радио, реклама, непринужденная устная речь, газета – широкое и даже широчайшее использование различного рода цитат и клише. В этой статье* используются данные разных сфер языка, особенно широко привлекаются материалы газет, так как язык современных газет может служить зеркалом современной жизни. Он отражает все хорошее и плохое, что свойственно нашей действительности: отказ от показухи и лицемерия, от казенного бюрократизма и безликости, демонстрирует раскованность, раскрепощенность, стремление выразить свое личное мнение, повышенную экспрессивность, порождающую и высокий гражданский пафос и резкость, доходящую до грубости, а временами безвкусия.

Цитация в современном дискурсе служит реализации поэтической (по Якобсону) функции языка (см. [Якобсон 1975]). Цитация, т.е. "текст в тексте", обостряет диалогичность текста, повышает момент игры, служит порождению подтекста (см. [Лотман 1992 : 155–156]). Что же служит источником цитации? Используются самые различные виды текстов. Один из наиболее значительных и важных по социальному звучанию тот пласт, который идет от бюрократического языка тоталитарной эпохи.

2. Для названия языка тоталитарного советского общества применяются разные термины: "деревянный язык" (langue de bois), "язык лжи", "новояз". Я выбираю последний. Термин "новояз" (калька англ. new speak) получил распространение после перевода на русский язык знаменитой антиутопии Оруэлла "1984 год" [Orwell 1949]. Аналогичные структуры употребляются и в других славянских языках, например, польск. nowomowa.

Важнейшие черты новояза – высокая степень клишированности, эвфемистичность, нарушение основных постулатов общения, применяемое с целью лингвистического манипулирования, ритуализованное использование языка, десемантизация не только отдельных слов, но и больших отрезков дискурса. Клише новояза, как правило, ориентированы либо на абстрактный, условный референт, либо на референт отсутствующий в действительности.

Примеров можно было бы привести сколько угодно. Один из самых ярких – слово *выборы*. Как известно, в советское время выбирали одного из одного. Таким образом семантика слова была полностью разрушена, оставался лишь механический ритуал. Недаром, в начале эпохи перестройки, когда появилась возможность действительно *выбирать*, стали прибавлять к десемантизированному термину "выборы" прилагательное *альтернативные*. Как будто выборы могут быть неальтернативными! Словечко *альтернативный* – как показатель изменения ситуации – очень характерно для эпохи перестройки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГФФИ, грант № 9506–17479 за 1995 г.

Об особенностях новояза много писали ученые разных стран. Полную библиографию дать здесь невозможно. Назову лишь некоторые работы: [Seriot 1985; Weiss 1986; Rathmayr 1990; Земская 1991; Głowinski 1991; Puzynina 1992; Вежбицка 1993; Кронгауз 1993; Крысин 1994; Мова... 1995; Купина 1995].

Что представляет собой новояз – стиль языка, речь или особый язык? Сошлюсь на мнение М. Гловиньского, который предлагает считать язык тоталитарной эпохи квазиязыком, рассматривая польскую ситуацию: "Хотя nowomowa имеет черты функционального стиля (отбор элементов, из которых складывается стиль: репертуар форм, определенная фразеология, отчетливое предпочтение в выборе лексики) и родилась в политической публицистике, она атакует и другие сферы языка, стремится подчинить их себе, становится образцом более широкого общения и претендует на универсальность [Głowinski 1991 : 9–10].

Я считаю, что термин "к в а з и я з ы к" верно отражает основные черты новояза, подчеркивая его "ненастоящность" ('как бы' – квази-) и претензии на универсальность (язык).

3. Встает вопрос: как влияет крушение тоталитарной системы, изменения в государственном устройстве, в политике и экономике, на русский язык? Продолжает ли существовать новояз или он уступил место иным формам языкового общения?

Наблюдения показывают, что новояз не сразу сходит со сцены. Многие люди еще не смогли порвать его путы и начать говорить и писать свежим языком. Рефлексы новояза, особенно из сферы фразеологии, расхожих формул, лозунгов, призывов, цитат не сходят со страниц газет, с экранов телевизоров. Широко употребительны они – обычно в ироническом ключе – и в устной речи наших современников. Редкий разговор обходится без иронических отзвуков новояза. Два примера из множества возможных: (1994 г.; разговор двух немолодых женщин-филологов об их общей знакомой, чуждой им по духу) А. Она мне человек чужой // Б. Я это называю: *"два мира – две системы"* //; (1990 г.; разговора врача 50 лет с пациенткой 60 лет) В. Ну как желудок? Нормально работает? П. Не жалуюсь. В. *Продовольственную программу выполняет?*

Часто иронически используются в бытовых контекстах и более новые явления – цитаты из речи вождей перестройки и постперестройки типа горбачевских "процес пошел", "кто есть ху?", "надо определиться", черномырдинское "хотели как лучше, а вышло как всегда".

Пародирование, вышучивание, травестирование официальной фразеологии, лозунгов, призывов, всем известных цитат, названий марксистско-ленинских статей и книг – одно из самых частых средств выразительности в современной публицистике. Текст сугубо официальный, идеологически нагруженный, известный всем деформируется вставкой элементов иных тематических пластов, иной идеологической ориентации и помещенный в чуждый ему идеологический контекст приобретает пародийное звучание.

Особую роль в развенчании официальной политической речи играл и играет жаргон и та его разновидность, которую называют словом *стёб*[1]. А. Агеев отмечает: «Что такое *стеб*, все более или менее знают; грубо, приблизительно говоря, это специфический язык, на котором общалась интеллигентская и молодежная тусовка в 70–80 годы. Андрей Вознесенский тогда писал: "Когда спекулянты рыночные / прицениваются к Чюрленису, / поэты уходят в рыцари / черного ерничества". ... ерничество и стёб были тогда противопоставлены официальному политико-патетическому жаргону, а заодно и всему "великому русскому языку", позволившему себя редуцировать до партийного "новояза". Это была своеобразная культурная самооборона, весьма, впрочем глухая и не всегда ясно осознаваемая "носителями языка"» (ЛГ. 1994.

[1] Жаргонизм *стёб*, вероятно, восходит к глаголу *стебать*, который Словарь Ушакова характеризует так: "*стебать* (обл.) – хлестать, стегать, бить плеткой, кнутом".

3 авг. С. 4)[2]. Следует заметить, что ерничество и прочие виды иронизации над партийным языком в 90-е годы используется еще более широко, чем в 70–80-е годы.

Последние три-четыре года стали временем триумфа стёба. «Стебают нынче все! Вслед за удалым "Московским комсомольцем" застебали "Независимая", респектабельная "Сегодня", гордый "Коммерсант"» (ЛГ. 1994. 3 авг. С. 4).

Феномен ерничества (предпочитаем это русское слово жаргонному стеб) на основе новояза свойственен, по всей видимости, всем языкам посттоталитарных обществ. Приведем определение стеба, данное социологами Л. Гудковым и Б. Дубиным: «Стёб – род интеллектуального ерничества, состоящий в "публичном", печатном снижении символов через демонстративное использование их в пародийном контексте...» (Знамя. 1994. № 1. С. 166).

Языковую ситуацию, характерную для постсоветской России начала 90-х годов, интересно сопоставить с ситуацией, наблюдаемой в других странах Восточной Европы, например, в Польше. Вот как оценивает положение М. Гловиньски (высказывание 1978 г.). Подчеркивая, что влияния новояза трудно избежать, поскольку он охватывает все стороны жизни, автор указывает на наличие "обороны" со стороны говорящих, выделяет защитную реакцию, видя ее в молодежном жаргоне, гротеске, пародиях на новояз [Głowinski 1991 : 22]. Он отмечает «Хотел бы обратить внимание на роль новояза в современной польской языковой ситуации. Кажется несомненным, что очень трудно уберечься от его влияния, потому что он "прилепляется" к говорящему со всех сторон. ... Новояз атакует всю языковую практику, протискивается всюду. Даже тогда, когда вызывает отпор, когда является предметом критической рефлексии. А в последнее время он все чаще становится таковым» [Głowinski 1991 : 29].

4. Ерническое использование клише новояза имеет очень широкое распространение. Высоко частотны трансформированные клише новояза и цитаты в позиции газетных заголовков. Вот несколько примеров: "Призрак бродит по Европе и через СНГ бредет дальше, в Азию" (ЛГ. 1995. 31 мая; речь идет о внешней политике России); "Телевизор как зеркало русской революции" (Изв. 1993. 26 апр.); "Россия как зеркало американской революции" (Сег. 1994. 12 дек. – о проблемах геополитики); "Гамсахурдиа умер, но дело его живет" (Сег. 1994. 14 янв.); "Влюбленные всех полов, соединяйтесь!" (Сег. 1994. 16 февр.); "Фермер споткнулся о противоречия между городом и деревней" (Сег. 1993. 30 апр.).

Клише новояза используется не только в заголовках, ими "набиты" и тексты статей разной тематики – политической, экономической, искусствоведческой, бытовой и др.

Приведем пример саркастического перевода официального штампа "социальный заказ" в сниженно-бытовой план. В ответ на демагогическое письмо читателя, обвинившему автора газетной статьи С. Мостовщикова в выполнении *социального заказа* (по правилам новояза, читатель не указывает, чей социальный заказ он имеет в виду), журналист пишет: "... хочу сообщить ему [читателю] некоторые соображения о социальном заказе. Что это такое, я отдаленно догадываюсь. Три раза в жизни я даже делал такой социальный заказ в прачечной по месту постоянной прописки. Там его выполняли быстро, примерно через неделю. Так что... – Але! Это не прачечная. Вы не туда попали" (Изв. 1995. 21 окт.).

Особая выразительность достигается объединением клише новояза с жаргонизмами. Вот характерный отрывок из статьи В. Болохова ("Члена Союза российских писак"): «Воры в законе! Урки и блатяки! Жиганы и шпанюки! И т.д. и т.п. К вам обращается бывший "рядовой" не из последних не последнего "отряда" фанатичных "пацанов", что служили (светлой для них тогда) воровской идее...» (В. Болохов. Соловей разбойник не по лжи – НГ. 1993. 20 июля).

---

[2] В статье приняты следующие сокращения: АиФ – Аргументы и факты; Изв. – Известия; ЛГ – Литературная газета; НГ – Независимая газета; Сег. – Сегодня.

В этом фрагменте можно видеть пародийную перекличку, создаваемую как лексикой и фразеологией, так и интонационным строением с тремя текстами: речь Сталина 3 июля 1945 г. ("Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои..."), которая в свою очередь опирается на типические зачины церковных проповедей; третий план – традиционные призывы ЦК КПСС к народу перед праздниками.

Расхожие общеизвестные цитаты советской художественной литературы часто скрещиваются с клише новояза, создавая резкий пародийный эффект. При этом цитата обычно дается без кавычек, вплавляясь в авторский текст, как бы имитируя свою принадлежность автору. Однако ее общеизвестность столь велика, что цитатность не только не вызывает сомнений, но бросается в глаза. Наиболее частая функция такого цитирования – снижение высокого, пародирование, развенчание кумиров. Вот пример. В статье "Вся наша жизнь – вокзал" (АиФ. 1993. № 1) читаем: «Входишь в здание Казанского вокзала и... *Среднего роста, плечистый и крепкий*, возвышается вождь на постаменте и указывает рукой в сторону, противоположную табличке "выход к поездам"». Слова "*Среднего роста, плечистый и крепкий, / Ходит он в желтой футболке и кепке...*" – строки из стихотворения Маршака, известного всем детям, учившимся в советской школе. Отнесение этой цитаты к образу Вождя и Учителя дает резкое снижение, пародийно изображая Ленина в нарочито бытовом плане. Вождь, как пишет журналист, «указывает рукой в сторону, противоположную табличке "выход к поездам"», и далее – едко иронический комментарий: "Но народ не верит жесту и идет *теперь* (выделено мной. – *Е.З.*) своим путем...".

Особенно часто в составе интеллигентского стёба используются строки (неизмененные или слегка трансформированные) Маяковского. Видимо, пафос позднего Маяковского "удобнее" всего для пародийного изображения революционной патетики. Вот пример из газетного интервью: – Олег, расскажите, как вас в депутаты занесло? – *Юноше, обдумывающему бытие, думающему жизнь лепить с кого, предлагаю лепить ее с Васи Липицкого* (Сег. 1993. 28 мая).

Статья "Купеческая внучка требует вернуть часть ленинского мемориала" начинается словами: "Ильича, *который живее всех живых*, продолжают притеснять даже в легендарном Шушенском" (Изв. 1993. 1 дек.).

А вот как изображает журналист М. Ланцман в газете "Сегодня" переговоры Б. Ельцина с В. Черномырдиным, проходившие в октябре 1995 г. Речь премьера озаглавлена "Разговор с товарищем Ельциным", так что мы сразу узнаем название стихотворения Маяковского "Разговор с товарищем Лениным". Звучит речь так:

"Товарищ Ельцин, я вам докладываю
Не по службе, а по душе,
Товарищ Ельцин работа адова
Будет сделана и делается уже.
Освещаем, одеваем нищь и оголь,
Ширится добыча газа и руды...
(Сег. 1995. 2–8 окт.).

И далее следует с легкими изменениями – по тексту Маяковского, до конца стихотворения:

"Товарищ Ельцин, по фабрикам дымным,
По землям, покрытым снегом и жнивьем,
Вашим, товарищ, сердцем и именем,
Думаем, дышим, боремся и живем..."

Журналист сам объясняет, почему «обычно сухой и зажатый Черномырдин вдруг отбросил прозу и заговорил поэзией? ... А очень просто. Премьер у нас умный. Ему ли не знать, что *поэт в России – больше, чем поэт*. От поэта в России просто так не отмахнешься. ... Президент задумался: "Ведь если я сейчас отправлю премьера на

предвыборный фронт, то кто реализует *планов громадье*? Скоков, что ли? Или Сосковец?"» (Сег. 1995. 2–8 окт.).

5. Интересен вопрос об адресате дискурса, включающего трансформированные клише новояза и цитаты советской поэзии. Очевидно, что адресат должен знать или хотя бы чувствовать наличие подтекста, следовательно, адресатом может быть лишь человек среднего и старшего возраста, выросший в советское время. Зеленая молодежь и дети в большинстве своем не знакомы с "включенным" текстом, они не воспринимают пародийного эффекта.

Мне известен такой эксперимент. Студентам были предъявлены газетные заголовки, в которых заключались перифразы широко известного выражения об *успешном строительстве / победе коммунизма / социализма в одной отдельно взятой стране*, например: "Успешное строительство капитализма в отдельно взятом пионерском лагере" (Изв. 1994. 21 окт.); "Коммунист победил окончательно в отдельно взятом Непале" (Изв. 1994. 1 дек.).

Студенты иронического подтекста не ощутили. Поэтому можно предположить, что скоро расцвету "новоязовского ерничества" придет конец. Его сменят другие формы выразительности.

Стёб начинает надоедать. Примечательно в этом отношении высказывание мастера стёба В. Аксенова. В статье "Странности ностальгии" он пишет: "... пресса наша погрязла в постдемократическом цинизме, в отупляющем *стёбе*, когда для того лишь, чтобы продемонстрировать независимость, путаются все ориентиры..." (Изв. 1995. 21 нояб.).

Уходят на наших глазах и многие стереотипы ритуальных действий. 7 ноября 1995 г. я наблюдала такую сцену. Девятилетний мальчик с удивлением увидел на экране телевизора демонстрацию с красными флагами и сказал маме: "Представляешь, там даже дети были, кажется, сегодня какой-то коммунистический праздник".

Таким образом, смена поколений должна естественным образом снести на нет ироническое использование новояза.

В 1994 г. одна из газет опубликовала "Букварь современного первоклассника". Он содержит разные временные пласты клише, отражающие нашу микроисторию. Таким образом, у детей и молодежи рождаются свои стереотипы, на уровне номинаций, фразеологии, целых высказываний.

6. Встает вопрос: можно ли сказать, что новояз существует в наши дни только в форме ерничества (стёба)?

Увы, нет. Новояз не умер. Он очень живуч и пронизывает сознание современного человека. Новояз используется не только в виде ернических трансформаций, но и всерьез в составе официальных приказов, речей, распоряжений. Приведу (из газеты) один, но очень красноречивый пример – распоряжение премьера правительства Москвы Ю. Лужкова от 27 марта 1995 г.:

"Об организации основных мероприятий в связи с празднованием Святой Пасхи.

В связи с проведением праздника Святой Пасхи

3 апреля 1995 г.:

1. Одобрить план основных общегородских мероприятий по проведению праздника Святой Пасхи.

2. Департаменту по делам печати и информации организовать проведение работ по праздничному оформлению города" (Центр plus. 1995. 17 апр.).

И далее в таком же стиле 5 пунктов.

Новояз живет и в обыденной речи. Следы новояза, употребленного без тени иронии, встречаются в бытовой речи, чаще, конечно, у пожилых людей. Вот два домашние разговора.

(У ребенка нарывает палец. Бабушка спрашивает у матери.) – А кто ему *ведет нарыв*? Ответ звучал несколько раздраженно – Я. Но я не веду нарыв. Я ему перевязываю палец; (Хозяева квартиры на некоторое время уезжают из дома. Пожилая

родственница говорит знакомой) – Я буду приходить туда регулярно, *вести квартиру*. Собеседница, недоуменно глядя на нее, спросила: – Что вы имеете в виду?

Глагол *вести* в официально-канцелярском языке "в немногих выражениях" (Сл. Ушакова) имеет значение 'руководить', 'заведовать'. Глагол в этом значении сочетается с процессуальными существительными. Можно *вести собрание*, *вести – проводить мероприятие*, наконец, *вести хозяйство*. Использование этого глагола в сочетании с названиями конкретных предметов – реликт новоязовского концелярита, отражающий очень важную особенность менталитета человека, прожившего жизнь при тоталитаризме: стремлении любое действие рассматривать как руководство (будь то нарыв, – когда речь идет о лечении и перевязывании пальца, или квартира, комната, когда речь идет о присмотре за пустым помещением).

Позиции отправителя и получателя речи в подобных случаях противоположны тем, о которых говорилось выше; там молодой адресат не чувствовал иронии, сарказма в речи более старшего; здесь пожилой говорящий даже не предполагает о комическом или ином нежелательном для него эффекте, который могут вызвать его слова.

7. Итак, новояз в языке постсоветского общества используется в трех функциях:

1) как важнейший элемент пародирования, ерничества (стёба);

2) как серьезный элемент бюрократического языка, идущего из прошлого;

3) реликты новояза, живущие в бытовой речи без установки на шутку, свидетельствуют о сохранении у многих говорящих особенностей советского менталитета.

8. Размышления о природе новояза и особенностях его функционирования в обществе заставляют затронуть еще одну проблему. Являются ли признаки, свойственные новоязу, присущими только языку тоталитарных социалистических режимов? Иначе эту проблему можно назвать так: "Язык и Догма".

Наблюдения показывают, что признаки новояза – высокая степень клишированности, демагогическое манипулирование языком с целью сокрытия подлинного смысла, использование условных эвфемистических наименований, избегание прямых номинаций составляет особенность не только советского тоталитарного языка. Приведу примеры, касающиеся языка двух стран – США и Канады, стран с высокоразвитыми демократическими системами. В этих странах в наше время велика сила понятия "политической корректности". Принято даже сокращение "р.с."

Явление "р.с." вторгается во все области жизни, влияя на судьбу многих членов общества.

В газете "Сегодня" читаем: «В известном фольклорном исполнении идея "р.с." звучит так: если хочешь оказаться самым счастливым человеком в США, тебе лучше быть средних лет безработной многодетной негритянкой-лесбиянкой (можно и наркоманкой, а если повезет – жертвой сексуального насилия со стороны родителей в детстве). В этом случае ты подпадаешь под все мыслимые льготы, квоты и привилегии, какие только может представить своему гражданину столь развитое и процветающее государство, как США» (Сег. 1995. 5 окт.).

Боязнь нарушить политическую корректность влияет и на язык. А. Россинская, эмигрантка из России, живущая в Торонто, пишет: «Сегодня политическая корректность внедрилась уже и в область языка и управляет теперь лингвистическим арсеналом современного английского. Всех нас когда-то учили, что нельзя говорить "негр" – обижаются. Надо говорить "черный". Теперь уже и "черный" нельзя. "Я не черная, я коричневая" – говорит героиня негритянски–расистского фильма... Что же, – соглашаются добрые канадцы – им не нравится быть черными, переименуем! Теперь *принято говорить* "афро-канадцы". Если где-нибудь в официальной обстановке скажешь иначе – можешь опять-таки и работу потерять» (Сег. 1995. 7окт.).

Требования политической корректности – мощный фактор порождения бюрократических клише. Все они имеют эвфемистический характер. Про бедных надо говорить "социально недопривилегированные", про умственно неполноценных – "судьба бросила вызов их умственному развитию". Много эвфемизмов порождает сексуальная сфера: гомосексуалисты и лесбиянки именуются "лицами альтернативной

сексуальной ориентацией". Обращу внимание на словечко *альтернативный*, которым богат и наш официальный язык.

Любопытна фразеология, используемая в сфере образования. В Канадских справочниках альтернативных школ есть школы для "особо одаренных неуспевающих" и для "способных умственно неполноценных". Ругать плохих учеников непозволительно, можно только хвалить. Иначе учителю грозит увольнение. Даже толстяку нельзя сказать что он толстый – "следуя политической корректности надо писать так: имеющий проблемы в горизонтальном измерении" [Российская 1995].

Приведенных примеров достаточно. Политическая корректность стала в американском и канадском обществах средством получения выгод и рождения несправедливости. Как пишет Т. Малкина, в университете Беркли пришли к выводу, что "самый бесправный и неперспективный тип американца – молодой, с университетским образованием, имеющий работу и нормальную семью здоровый белый мужчина – гетеросексуал. Говорят, что сам мэр Сан-Франциско публично признал правоту этого заключения" (Сег. 1995. 5 окт.).

Требованиям политической корректности способствует тому, что снижается уровень образования (многие школьники не умеют читать и писать, не знают даже таблицу умножения), совершаются несправедливости при приеме на работу и увольнении. На работу нередко берут плохих профессионалов черных вместо более компетентных белых, в суде (из боязни нарушить "писи") оправдывают убийства (см. об этом в статье М. Зимина "Преступление без наказания" – Сег. 1995. 5 окт.).

Сказанное позволяет сделать такой вывод: доведение даже очень хорошей социальной идеи до абсурда (в данном случае – догматизм и бескомпромиссность в борьбе за права слабых и ущемленных) могут давать результаты, аналогичные тем, которые порождает тоталитаризм.

При этом аналогии наблюдаются как в социальном плане, так и в языке.

Близкие наблюдения были высказаны Т.М. Николаевой при рассмотрении градуальных и бинарных стереотипов оценок. Указывая, что бинарные (дуальные) стереотипы характеризуют традиционные культуры, автор пишет: «Естественно, что к бинарности ментальных структур тяготеют и авторитарные (тоталитарные) политические системы, поэтому в таких случаях исчезает (или не присутствует) все среднее... Таким образом, любое развитие авторитарных тенденций "опрокидывает" общество и/или индивида к более ранней ступени развития homo sapiens» [Николаева 1995 : 88].

9. Включение в современный дискурс цитат иного рода (идущих не из новояза) – в высшей степени характерно для различных сфер современного языка. Используются прецедентные тексты (см. [Караулов 1987]) из разных источников, имеющие разную степень известности. Это прежде всего строки поэтических и прозаических художественных произведений (современных и старых, русских и переводных), названия художественных произведений, кинофильмов, отрывки из песен, пословицы и поговорки. Цитаты включаются в текст как в неизменном, так и в трансформированном виде (квазицитаты).

Виды трансформаций и функции цитации и квазицитации рассматривались нами в работе [Земская 1996]. Здесь лишь постараемся показать, что функции цитации в широком смысле слова более сложны и многообразны, чем функции включения в текст клише новояза. Это не обязательно пародирование, развенчание кумиров, снижение символов.

Цитата нередко – загадка, которую автор предлагает читателю разгадать. Вот, например, заголовок рецензии на постановку оперы "Руслан и Людмила": "*Неверный Руслан. Гусарская баллада, или Скверный анекдот*" (НГ. 1993. 28 мая). Почему Руслан "неверный"? Причем здесь "Гусарская баллада" и "Скверный анекдот"? – гадает читатель. Ответ дает сам автор, который в начале статьи раскрывает инвертированность используемых заглавий: «Начав со слов "неверный Руслан", я вовсе не думал пародировать название знаменитого романа Георгия Владимова. "Гусарская

баллада" – опять же не реверанс советскому кинематографу, а попытка определить жанр оперы, которая дается в музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. "Скверный анекдот" – робкая надежда ответить на сакраментальный вопрос: "Зачем?" Зачем уважаемый театр так поставил "Руслана и Людмилу" Глинки?»

Отметим, что авторы не часто дают пояснения своей цитации и квазицитации. Чаще читатель сам должен найти ответ.

Иллюстрацией такого случая может служить заглавие статьи Ю. Гладильщикова "*Оземь с половиной*". Эта статья помещена в рубрике "Кино 1995" (Сег. 1995. 18 нояб.) и является рецензией на новый американский фильм, о чем сообщает подзаголовок: "The doom Generation: первый почти как настоящий фильм Грегга Араки". В заголовке "Оземь с половиной" явно слышится отзвук названия знаменитого фильма Феллини "Восемь с половиной". В чем же смысл замены *восемь* на *оземь*? При формальной близости этих слов (ср. *восемь* и простор. диал. форму *осемь*; близость звуков *з* и *с*, различающихся лишь признаком глухость / звонкость) разница в их значении выступает особенно ярко. Слово *оземь* (разг. 'сверху вниз', 'на землю') вносит в смысл заголовка семантику резкого, грубого удара: наречие *оземь* сочетается с глаголами, обозначающими резкие движения, производимые с особой силой, оземь можно только швырнуть, бросить, но не положить.

Рецензент пишет, что фильм построен на чередовании шок – стёб – шок – стёб – шок – стёб, а жанр фильма характеризует как соединение гротескной комедии с ужасником (именуя этим жаргонным словом фильм ужасов). Названием рецензии автор как бы воспроизводит для читателя газеты эффект, который фильм оказывает на зрителя. Соотнесенность с феллиниевским названием многопланова. В ней можно видеть и эпатаж – указание на абсурдность (наречие *оземь* по нормам языка не сочетается со словами *с половиной*, это соединение бессмысленно), и указание на то, что Араки не дотягивает до Феллини, и намек на перебор грубости, и...

Читатель призван размышлять, угадывать. Удачная разгадка порождает чувство удовлетворения и повышает читательский интерес. Трансформированная цитата создает языковую игру, которая составляет типическую особенность русского языка 90-х годов.

Текст целой газетной статьи может представлять собой монтаж из цитат (и их трансформаций) художественного произведения, проецируемого на современную политическую (или иную) ситуацию. Так, например, строит свою характеристику предвыборной ситуации в России зимой 1995 г. М. Ланцман, используя пьесу Гоголя "Женитьба". Положение современного избирателя, вынужденного найти хоть что-нибудь подходящее среди кандидатов 43 партий и блоков уподобляется положению гоголевской невесты. Статья, озаглавленная словами Агафьи Тихоновны "Пошли вон, дураки!", начинается так: "Николай Васильевич Гоголь был гениальный человек. Интригу, закрученную вокруг выборов – 95, Николай Васильевич разложил по нотам еще 150 лет тому назад. Нам, недостойным потомкам гения, остается только изменить имена действующих лиц. И это было бы справедливо: ведь за 150 лет сменилось по крайней мере пять поколений". (Сег. 1995. 18 нояб.). И далее автор рисует современную ситуацию, изображая ее посредством пьесы в трех актах, в которой действуют кандидаты, электорат (избиратели) и телевизор. Реакция читателя – смех сквозь слезы.

10. Итак, игра с цитатами разного рода (в том числе и с клише новояза) – излюбленное средство выразительности в современном языке.

Присутствие "чужого слова" придает резкую экспрессивность современному дискурсу. "Текст в тексте" создает двуплановость или многоплановость восприятия. Функции цитации и квазицитации многообразны: пародирование, травестирование, осмеяние догм, поэтизация, создание загадки и др. Дискурс приобретает диалогичность, что свойственно современному языку (см. [Панов 1988]). Читатель из пассивного получателя текста превращается в соавтора. Манипулирование с цитатами при-

суще не только языку публицистики, но и разговорному языку, а также языку современной художественной литературы. "Энергия клишированных форм" [Кронгауз 1995 : 57] составляет специфику ряда направлений (например, постмодернизм, концептуализм) современной художественной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вежбицкая А. 1993 – Антитоталитарный язык в Польше // ВЯ. 1993. № 4.

Земская Е.А. 1991 – Язык современных газет и перестройка // Zielsprache russisch. 1991. № 1.

Земская Е.А. 1996 – Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996 (в печати).

Караулов Ю.Н. 1987 – Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кронгауз М.А. 1993 – Новейшая история русского языка: эпоха социализма // Języki słowian'skie wobec współcresnych przemian w kraiach Europy srodkowei i Wschodniej. Oppole, 1993.

Кронгазу М.А. 1995 – Энергия клишированных форм // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1995.

Крысин Л.П. 1994 – Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. В., 1994. № 1–2.

Лотман Ю.М. 1992 – Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992.

Купина Н.А. 1995 – Тоталитарный язык. Екатеринбург – Пермь, 1995.

Мова... 1995 – Мова тоталітарного суспільства. Київ, 1995.

Николаева Т.М. 1995 – Качели свободы / несвободы: трагедия или спасение? // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1995.

Панов М.В. 1988 – Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.

Якобсон Р. 1975 – Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против". М., 1975.

Głowinski M. 1991 – Nowomowa po polsku. Warszawa, 1991.

Orwell G. 1949 – Nineteen eighty-four. L., 1949.

Rathmayr R. 1991 – Von Коммерсант bis джаст-ин-тайм: Wiederbelegungen, Unwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestrojka // Slavistische Beiträge. Bd. 274. Slavistische linguistik 1990. München, 1991.

Seriot P. 1986 – Analyse du discours politique soviétique // Cultures et sociétés de l'est. 2. P., 1986.

Weiss D. 1986 – Was ist neu am "newspeak"? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische linguistik 1985. München, 1986.

Puzynina J. 1992 – Język Wartości. Warszawa, 1992.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. Э.М. БЕРЕГОВСКАЯ

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Эту работу я посвящаю светлой памяти акад. Г.В. Степанова, который всячески поддерживал мой интерес к арго в годы, когда эта тема многим казалась крамольной, невозможной для нашей лингвистики.

Русский молодежный сленг представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенными возрастными рамками, как это ясно из самой его номинации, но и социальными, временными и пространственными рамками. Он бытует в среде городской учащейся молодежи – в отдельных более или менее замкнутых референтных группах.

Как все социальные диалекты, он представляет собой только лексикон, который питается соками общенационального языка, живет на его фонетической и грамматической почве.

Первым документом, где этот субъязык (воспользуемся термином Ю.С. Скребнева) зафиксирован, являются "Очерки бурсы" Н.Г. Помяловского, которые описывают нравы и быт Петербургской духовной семинарии середины прошлого века. Е.Д. Поливанов вспоминает, что в годы его учения, которые пришлись на начало нашего века, среди его гимназических товарищей были в ходу разные специфические словечки: «Я помню, как нам во втором-третьем классе, например, в голову не приходило употребить в разговоре между собой слово "угостить": оно регулярно заменялось через "фундовать", "зафундовать"; вместо "предприятие" или "задуманный план" всегда говорилось "фидуция"; совершенно не употреблялось и слово "товарищ": надо было сказать "кулей"; "хороший товарищ" – "штрам кулей", и т.д. и т.д.» [Поливанов 1931а: 161].

Поток этой лексики никогда не иссякает полностью, он только временами мелеет, а в другие периоды становится полноводным. Это связано, разумеется, с историческим фоном, на котором развивается русский язык. Но связь эту нельзя трактовать слишком прямолинейно, объясняя заметное оживление и интенсивное словообразование в сленге только историческими катаклизмами. С начала века отмечены три бурные волны в развитии молодежного сленга. Первая датируется 20-ми годами, когда революция и гражданская война, разрушив до основания структуру общества, породили армию беспризорных, и речь учащихся подростков и молодежи, которая не была отделена от беспризорных непроходимыми перегородками, окрасилась множеством "блатных" словечек. Вторая волна приходится на 50-е годы, когда на улицы и танцплощадки городов вышли "стиляги". Появление третьей волны связано не с эпохой бурных событий, а с периодом застоя, когда удушливая атмосфера общественной жизни 70–80-х породила разные неформальные молодежные движения, и "хиппующие" молодые люди создали свой "системный" сленг как языковый жест противостояния официальной идеологии.

Русский молодежный сленг 70–80-х годов активно изучается [Копыленко 1976; Борисова-Лукашанец 1980, 1982; Дубровина 1980; Жураховская 1981; Мазурова 1988; Радзиховский, Мазурова 1989; Грачев, Гуров 1989; Волкова 1990; Лапова 1990; Троицкий 1990; Рожанский 1992; Стернин 1992; Щепанская 1992; Зайковская 1993

и др.]. Правда, надо отметить одну своеобразную особенность отечественных работ, посвященных этой теме; некоторые лингвисты, словно стыдясь, что взялись за исследование такого "недостойного", "низкого" предмета, начинают или кончают призывами к борьбе с ним и свое исследование оправдывают необходимостью глубоко изучить зло, чтобы знать, как лучше с ним бороться[1]. Такой подход представляется нам ненаучным: лингвист не может и не должен бороться с языком, задача лингвиста – исследовать его многообразие, в том числе и ненормативные проявления.

Для изучения молодежного сленга 70–80-х годов в нашем распоряжении есть три рода материалов: 1) дополняющие друг друга словарные списки, вышедшие в последнее десятилетие (как отдельные издания, так и лексиконы, которые включены в работы о молодежи и ее языке); 2) многочисленные материалы из газет и журналов, в языке которых появляется все больше сленгизмов; 3) лингвистические анкеты, заполненные информантами-носителями русского языка, которые представляют интересующую нас социально-возрастную группу.

Формирование словаря так называемого "системного" сленга происходит за счет тех же источников и средств, которые свойственны языку вообще и русскому в частности. Разница только в пропорциях и сочетаниях.

а) На первое место по продуктивности выходят **иноязычные заимствования,** причем почти исключительно англоязычные заимствования. Зафиксировано лишь два испанских (*загордиться* "растолстеть" и *фумарить* "курить"), два немецких (*бундеса, бундесовый* "немцы из ФРГ", "западногерманский" и *кинд* "ребенок") и одно финское (*юкс* "один рубль"). Этот способ органично сочетается с аффиксацией, так что слово сразу приходит в русифицированной форме. Как правило, это пародийно русифицированная форма – à la Mme Курдюкова: из *thank you* получается *сенька*, из *parents* "родители" – *пренты, пэренты* или *парента*, из *birthday* "день рождения" – *бёздник* или *бёзник* и т.п.

Появившись в таком гротескном облике, заимствованный сленгизм сразу активно вступает в систему словоизменения: *герла́ – герлы́, герло́в, стрит – на стриту́, пэренты – с пэрента́ми, зиппер* "молния" – *зиппера́, вайто́вый* "белый" – *вайто́вого, вайто́вые, лукну́ть* "смотреть" – *лукни́*.

И сразу активно включается механизм деривации:

– *герла́, герлёныш, герли́ца, герлу́ха, герлу́шка, герло́вый;*

– *дринк (дринч)* "спиртные напитки", *дринка́ч, дри́нкер, дринк-кома́нда, дринча́ть, дринка́ть, вы́дринкать, задри́нчить, удринча́ться, надри́нчаться, дринко́ванный, надринко́ванный, надри́нченный, дринкану́тый;*

– *креза́,кре́зи-хаус, крезо́вник, крезу́шник, крейзу́ха* "психбольница", *крезану́тый, крезо́вый* "ненормальный", "экстраординарный";

– *ка́нтри* "дача", *кантро́вый* "деревенский", "провинциальный", *кантру́шник, кантру́шница*.

Интересно отметить, что некоторые иноязычные слова, давно ассимилированные русским языком, как бы заново заимствуются в другом значении (а иногда и с другим ударением) и уже в этом значении образуют дериваты: *ре́корд (рекорда́)* "грампластинка" – *рекордо́вый* "пластиночный"; *ми́тинг* "встреча" – *смитингну́ться* "встретиться"; *ринг* "телефон" – *ринга́ть, ринганý́ть* "позвонить по телефону", *рингу́шник* "записная книжка с номерами телефонов"; *спич* "разговор" – *спи́чить, спи́кать* "разговаривать".

---

[1] Подобный пуризм по отношению к арго – не новость. Всюду, где есть арго, есть люди, которые его не приемлют, не понимая, что это гумус, необходимый живому, естественному языку для его нормального развития. Жан-Пьер Гудайе констатирует, например, противостояние французских "арготофилов" и "арготофобов" [Goudailler 1991]. Но чтобы признаки арготофобии проявились у лингвистов, активно изучающих арго, – это явление совершенно исключительное.

б) **Аффиксация** как средство весьма продуктивна и с исконно русскими корнями:
– *оттяг* "наслаждение", *оттягиваться* "получать наслаждение, предаваться веселью", *оттяжник* "человек, который любит предаваться веселью", *оттяжный* "дающий возможность повеселиться, приносящий наслаждение",
– *приколоться* "обращать внимание; цепляться, насмехаться; увлекаться", *прикол* "то, над чем можно насмехаться, чем можно увлечься", *приколист, прикольщик* "тот, кто любит придираться, шутить над кем-либо", *прикольный* "забавный, интересный", *прикольно* "весело, оригинально".

Молодежный сленг обходится самыми стандартными суффиксами и префиксами. Например, большинство прилагательных, происходящих от английских корней, образованы с ударным суффиксом -ов-: *брендовый* "совершенно новый", *олдовый* "старый", *янговый* "молодой", *лонговый* "длинный", *френдовый* "принадлежащий другу", *прайсовый* "денежный", *лэфтовый* "левый", *еловый* "желтый", *хитовый* "популярный", *файновый* "хороший", *френчовый* "французский" и т.п.

Исключение составляет редкостный в системе русских формантов, которые используются при образовании имен нарицательных, суффикс *-лов-о: зависалово* "сильное увлечение", *глюкалово* "состояние галлюцинации", *стремалово* "ощущение опасности", *стебалово* "атмосфера, располагающая к шутке", *ширялово* "наркотик для укола", *гасилово* "драка", *мочилово* "избиение", *винтилово* "массовое задержание" [Рожанский 1992: 60].

в) Следующим мощным источником формирования лексического состава сленга является **метафорика.** Здесь и собственно метафоры (такие, как *киски* "узкие треугольные темные очки", *аквариум* или *обезьянник* "скамейка в милиции для задержанных", *струна* "игла от шприца", *колесо* "таблетка", *горшок* "мотошлем", *мочалка* "девушка", *мустанг* "вошь", *голяк* "полное отсутствие чего-либо", *гасить* "бить", *улетать* "испытывать восторг"), и метонимии (такие, как *волосатые* "хиппи", *корочки* "диплом").

Метонимии типа *стекло* "лекарства в ампулах, употребляемые как наркотики", *трава* "наркотики для курения", *пыхать* "курить наркотики", метафоры типа *дорога* "идущие подряд следы на вене от систематических уколов" носят эвфемистический характер, затушевывают негативную суть называемых денотатов.

В метафорике часто присутствует юмористическая трактовка означаемого[2]. В качестве примера назовем метонимии *соплевич* "эфедрин, лекарство от насморка, которое используется как наркотическое средство", *лохматый* "лысый" или метафоры с иронической коннотацией *баскетболист* "человек маленького роста", *мерседес педальный* "велосипед".

По сравнению с тремя названными (иностранные заимствования, аффиксация и метафорика) удельный вес остальных источников формирования лексического фонда молодежного сленга незначителен:

г) **заимствование блатных арготизмов:** *беспредел* "полная свобода, разгул", *ксива* "документы", *клево* "хорошо", *мочить* "бить, убивать", *канать* "сгодиться";

д) **развитие полисемии:** *кинуть* – 1) украсть что-либо у кого-либо; 2) взять что-либо у кого-либо и не отдать; 3) смошенничать при совершении сделки; 4) не сдержать обещание, обмануть;
– *ништяк* – 1) все в порядке! все хорошо! 2) это неважно! это несущественно! 3) неплохо, сносно; 4) великолепно; 5) пожалуйста; 6) ладно, договорились!

---

[2] Говоря о комическом, озорном характере арготической лексики, Д.С. Лихачев справедливо подчеркивает, что "остроумие арготического слова в значительной мере стерто и разменено в процессе длительного употребления. Это не шутка, а некоторый намек на шутку, не смешное, а знак смешного... Эмоция арготического слова точнее всего может быть определена как смешное в потенции" [Лихачев 1964].

е) **антономасия** (имя собственное как нарицательное): *левиса, луисы* "джинсы", *катюша, маруша, марфа* "наркотики", *машка, наташа* "девушка", *слушать мендельсона* "присутствовать на акте бракосочетания", *гнать муму* "врать";

ж) **синонимическая или антонимическая деривация** (один из компонентов фразеологизма заменяется близким или противоположным по значению словом общенационального языка или сленга): *забить косяк* "набить папиросу наркотиком для курения" → *заколотить косяк* → *приколотить косяк* → *прибить косяк; сесть на иглу* "начать регулярно использовать наркотики" → *подсесть на иглу* → *подсадить на иглу* "приучить кого-либо к употреблению наркотиков" → *подсадить на винт* → *подсадить на джеф* → *слезть с иглы* "перестать употреблять наркотики" → *соскочить с иглы* → *спрыгнуть с иглы;*

з) **усечение корней** (апокопа): *юг* "югослав", *транк* "транквилизатор", *фен* "фенамин";

и) **сложение корней:** *кайфолом, кайфоломщик* "человек, прерывающий своим действием состояние кайфа у других людей", *рингофон* "телефон", *чикфаер* "зажигалка";

к) **телескопия:** *мозжечокнуться* "сойти с ума" (от мозжечок + чокнуться), *ландафшиц* "учебник физики Ландау и Лифшица";

л) **универбизация** (стяжение): *академка* "академический отпуск", *линейка* "линейная алгебра", *автомат* "зачет, полученный автоматически";

м) **аббревиация:** *чмо* "дурак, тупица", *чмошный* "плохой" (от: человек морально опущенный), *клюха* "человек, сочувствующий хиппи, хиппи с небольшим стажем" (от: Клуб Любителей Хиппи), *зоя* "злюка" (от: змея особо ядовитая);

н) **замена слова паронимом** (так называемая фонетическая мимикрия): *салют* "солутан", *семочка* "семинар", *ракетчик* "рэкетир", *валя* "валюта", *шпора* "шпаргалка";

о) **каламбурная подстановка:** *бухарест* "молодежная вечеринка" (от: *бух* "спиртное"), *безбабье* "безденежье" (от: *бабки* "деньги"), *лоханка* "необеспеченная жизнь" (от: *лох* "глупый человек"), *чайковский* "чай", *белинский* "белый хлеб", *чернышевский* "черный хлеб";

п) **метатеза** (перестановка звуков или слогов): *футли* "туфли", *фаршик* "шарфик", *рукить* "курить", *сабо самой* "само собой".

р) **эпентеза** (вставка звука или слога): *тачанка* "такси, машина" (от тачка), *шпалера* "высокий, худой человек" (от шпала).

Сводный словник уже зафиксированных в различных публикациях сленгизмов насчитывает около 1000 единиц. Исследователи, занимающиеся молодежным сленгом, включают в сферу изучения возраст с 14–15 до 24–25 лет. Сравнение показывает, что лексикон разных референтных групп совпадает лишь отчасти. Наиболее развернутый лексикон у хиппи.

Попробуем очертить хотя бы приблизительно портрет типичного носителя сленга. Известны знаковые моменты в облике и поведении хиппи: у мужчин длинные волосы (недаром хиппи называют себя "волосатыми"). Молодые люди и девушки носят на шее мешочек с документами – "ксивник", а на руке бисерный браслет – "феньку", "фенечку". Все они путешествуют автостопом по "трассе", любят собираться в шумные сборища – "тусовки" и "сейшоны" – вечеринки, рок-концерты. Но настоящих странствующих хиппи, порвавших с родителями и не имеющих определенных занятий, в России совсем немного. Основная часть носителей сленга – это "хиппующие" старшеклассники и студенты. Газета "Вечерний Петербург" (6 октября 1992) описывает, например, двух таких юношей – Александра Турунова и Дениса Астахова. Зимой они слушают лекции в институте, сдают зачеты и экзамены, а летом, заранее составив маршрут, отправляются в путь с флейтой и гитарой. На "трассе" голосуют, но сразу предупреждают, что они студенты и денег у них нет. За услуги расплачиваются песнями. В городах ночуют на вокзалах. А если повезет, местные "хиппи"

дадут адрес "вписки" – квартиры, где можно остановиться. В такую квартиру "вписываются" иногда до десяти человек. К началу учебного года Денис и Александр возвращаются домой.

А. Запесоцкий и А. Файн в книге "Эта непонятная молодежь" [Запесоцкий, Файн 1990 : 53] рисуют другой портрет: девушка-филолог, закончила Ленинградский университет в 1986 г. Училась на вечернем, днем работала в библиотеке. Контактируя с массой людей, познакомилась с хиппи. Почувствовала, что их взгляды ей созвучны, быстро освоила их манеру общения, стала своей в их среде. Дипломную работу она писала по американскому сленгу. Ради собственного удовольствия составила "Словарь системного сленга", 3-ю редакцию которого А. Запесоцкий и А. Файн приводят в своей книге.

Еще один портрет, провинциальный: смоленская аспирантка из "глубинки". С первого курса серьезно занимается историей литературы. Речь вполне соответствует норме. На фольклорном фестивале обнаруживается вдруг, что девушка прекрасно владеет смоленским территориальным диалектом. А на межвузовской научной конференции, в перерыве между заседаниями, удивленный профессор случайно слышит, как его подопечная докладчица бойко болтает с коллегами из Москвы и других городов, уснащая свою речь живописными сленгизмами.

Надо четко представлять себе, что во всех случаях, когда мы встречаемся со сленгизмами не в словаре, а в живой речи, это речь н е ж а р г о н н а я, а лишь ж а р г о н и з и р о в а н н а я – отдельные включения сленгизмов на фоне нейтральной или фамильярной лексики. Самая насыщенная она у московских и петербургских хиппи. В речи молодых людей на периферии концентрация сленгизмов гораздо меньше. Вот характерный образчик, записанный в Смоленске: – *Слышь, Кэн, у тебя завтра шнурки в стакане будут? – Не-а. А что? – Может устроим дискач? – Идея классная, давай! – Вот я и говорю. А наши герлы будут? – Спрашиваешь! Только новые пласты приволоки. – Ну так! Мне фазер своих Битлов отстегнул. – Да ну? Можно полматраса съесть! – Ладно, покеда. Мне ещё домашку учить надо. А конспект я завтра у Ушастого сдеру.*

В сленге отражается образ жизни речевого коллектива, который его породил. Наиболее развитые семантические поля – "Человек" (с дифференциацией по полу, родственным отношениям, по профессии, по национальности), "Внешность", "Одежда", "Жилище", "Досуг" (вечеринка, музыка, выпивка, курение, наркотики).

С досугом, с местами молодежных сборищ в Москве и Петербурге связана и топонимика сленга: *Пушка* "площадь Пушкина", *Плешка* "институт им. Плеханова", *Урядник* "кинотеатр Ударник", *Карман* "подъезд дома № 39 на Арбате", *Лужа* "Лужники", *Сайгон* (*Сайг, Загон*) "кафе на углу Невского и Владимирского в Петербурге", *Казань* "Казанский собор", *Маяк* «вестибюль петербургской станции метро "Маяковская"».

Гораздо меньше сленгизмов, которые относятся к учению или работе молодежи.

Сленгизмы очень интенсивно просачиваются в язык прессы. Почти во всех материалах, где речь идет о жизни молодых, об их вкусах и интересах, об их праздниках и кумирах, содержатся сленгизмы в большей или меньшей концентрации. И не только в молодежной прессе – "Комсомольской правде", "Московском комсомольце", "Смене", "Авроре", "Собеседнике", "Студенческом меридиане" или газете "Я – молодой", но и в таких адресованных читателям всех возрастов популярных газетах, как "Вечерняя Москва", "Вечерний Петербург", "Куранты", "Аргументы и факты". Газеты – ценный источник, потому что они оперативно отражают сегодняшнее состояние языка. Распространенная сленговая лексика попадает в них очень быстро, и мы получаем возможность объективно судить об ее частотности. Основываясь на материалах прессы, мы составили список из 60 самых частотных сленгизмов: *бабки, бакс* "доллар", *балдеть* "веселиться, развлекаться", *ботан* "зубрила", *вписаться, вписка, врубаться* "понимать", *герла, глюки, кайф, качок* "культурист", *классный, клевый, колеса* "таблетки", *креза, крутой* "яркий, своеобразный, сложный", крыша "голова", *ломка*

"наркотическое похмелье", *мажор* "обыватель, примитивный, броско одетый человек", *маза* "возможность", *махаться* "драться", *машина* "шприц", *мент, ментовка* "отделение милиции", *ништяк, облом* "неудача, нежелание что-либо делать", *олдовый, пипл* "свои люди", *потрясный прикид* "модная одежда", *прикинутый* "модно одетый", *прикол, приколоться, пушка, разборка, рубать, снять* "познакомиться", *совковый, совок, стеб* "ирония, насмешка", *стремно* "страшно", *тачка, тащиться* "получать удовольствие", *телка, торчать* "веселиться", *трава, трасса, трахаться, тусоваться, тусовка, улетать, хайр* "волосы", *фенечка, фейс* "лицо", *хавать* "есть", *хиповый, чувак, чувиха, шпора, шузы* "обувь".

Этот источник позволяет также получить некоторые свидетельства эволюции молодежного сленга. Например, такое: «Отошли в прошлое "телки", "чувихи", "герлы". Теперь молодые люди называют девушек "тетки" или "пчелы". Если девушка странная или выпившая, то о ней могут сказать "отъехавшая". Молодых людей девушки соответственно называют "дядьки". Если молодой человек состоятельный, хорошо одетый ("упакованный", "прикинутый"), имеет машину ("тачку"), то о нем говорят: "Ну ты просто туз", – а также "крутой" или "нешуточный". Молодые люди бывают "повышенной крутизны", но попадаются и "подкрученные", то есть не очень "крутые". В свете вышесказанного стоит процитировать, наверное, ныне модную поговорку: "Круче тебя только яйца, выше тебя только звезды". Говоря друг о друге, молодые люди называют себя "чудаками" ("Мы тут с одним "чудаком" вчера ..."). Это необидное слово, синоним бывшего "чувака". Если собирается компания, то это называется "тусовка" или "сейшн". "Тусовка" может оказаться "парашливой", то есть неудачной, или удачной – "чумовой"» (МК. 1992. № 10).

Русский молодежный сленг клубится главным образом в Москве и Петербурге. Но какие-то его элементы доходят и до периферии, а некоторые и рождаются там. Лингвистическое анкетирование позволяет составить себе более или менее объективное представление об этом процессе. К анкетированию были привлечены 60 информантов-студентов Москвы, Смоленска, Иваново[3]. Мы использовали анкеты двух типов. В первую вошли 32 сленгизма, отобранные случайным образом из тех, что уже зафиксированы в разных публикациях. Задачей информантов было пояснить их значение, "перевести на русский язык". При выполнении этой задачи они обнаружили разную языковую компетенцию, разную степень понимания или непонимания. Одни просто не могли пояснить какое-нибудь слово, другие пытались вывести значение слова из этимологии (*фенечка* – подружка, *ботан* – ботаника, *тащиться* – идти), третьи совершенно правильно объяснили его нейтральным русским словом, а четвертые даже приводили сленговый синоним (например, *стеб* объяснили через *прикол*) или давали развернутый комментарий (*ботан* – все учит, сидит дома, сосредоточен на учебе). Среди предложенных в анкете слов оказались такие, которые хорошо знают как москвичи, так и смоляне или ивановцы: *качок, прикол, отфейсовать, тащиться, упакованный*. Но в целом процент семантизации оказался довольно низким. При обработке анкет мы разделили их на две группы: те, в которых правильно семантизировано больше половины слов, и те в которых семантизировано меньше половины. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

	Сильная семантизация	Слабая семантизация
Москва	65%	35%
Смоленск	20%	80%
Иваново	18%	82%

[3] Считаем приятным долгом выразить свою признательность В.А. Чесновицкой, которая существенно помогла нам в сборе материала.

Поэт Александр Смогул в интервью газете "Аргументы и факты" (январь 1993) на вопрос "Как ты относишься к сленгу?" ответил: «Я считаю, что язык – это нация. Но сейчас, даже если еще 85 организаций "Памяти" появится, они не способны спасти язык. Что это за язык – файфы, грины, герлы... Страна, где 80 процентов молодежи говорит на англизированном сленге и хочет уехать на Запад, – страна обреченная». Это очень типичное высказывание.

Наши данные красноречиво свидетельствуют о том, что подобного рода мнения не имеют под собой никаких оснований, со стороны молодежного сленга русскому языку ничего не угрожает.

Если первая анкета контролировала пассивное значение сленга, то вторая была направлена на выяснение, какими сленгизмами информанты оперируют более активно. Анкета предлагала список из 32 слов общенационального фонда, которые надо было "перевести на сленг" (задание формулировалось так: "Какие слова, кроме общепринятых, бытуют в Вашей среде для обозначения нижеследующих понятий?"). При анализе анкет выяснилось, что сленгизмы, бытующие в среде московских, смоленских и ивановских студентов, совпадают лишь частично. Покажем это на нескольких примерах, представленных в таблице 2.

Молодежный сленг попадает в городской фольклор. Это и распространенный жанр – пародирование классиков ("Кабы я была кингица – спичит ферстая герлица..."), и песня, и анекдот, построенный на каламбурах[4].

Как экспрессивный элемент, образующий "стилистический слом" (термин Ю.М. Лотмана), сленг эффективно используется в микродозах и в прозе и в поэзии. Такое использование молодежного сленга в стилистических целях является, как заметила Дениза Франсуа, способом превратить его из достояния корпоративной группы во всеобщее достояние [François 1968 : 643].

Сленг – это универсалия. Многие черты роднят русский молодежный сленг со всяким арго. Это, во-первых, его депрециативность: он весьма критически, иронически относится ко всему, что связано с давлением государственной машины. Здесь ощущается резко выраженный идеологический момент – "системный" сленг с самого своего возникновения противопоставляет себя не только старшему поколению, но прежде всего прогнившей насквозь официальной системе.

Второй чертой, которая роднит русский молодежный сленг со всяким арго, является его воспаленная метафоричность. Е.Д. Поливанов очень метко назвал арготическое словообразование словотворчеством: "Здесь действительно мы встречаем не индивидуальную выдумку единого организующего приема, а в подлинном смысле слова широкое коллективное, а порой и широко разнообразное по приемам своим языковое творчество..." [Поливанов 1931б : 158–159].

Третья черта – это доминирование репрезентативной, а не коммуникативной и тем более не криптолалической функции. Именно репрезентативную функцию как органичную и важную в данном случае подчеркивал Е.Д. Поливанов, рассматривая жаргон школьников: «Когда ученик говорит "нафик" или "напсик" вместо "зачем", он ведь мыслит в качестве коммуницируемого комплекса идей не одно только переводное значение слова (т.е. значение "зачем" или "почему"), а еще кое-что. И если попробовать передать это "кое-что", то это окажется следующего приблизительно содержания мыслью <...> – мыслью, содержащей характеристику обоих участников языкового обмена (диалога): "Оба мы с тобой дескать, –

---

[4] Например, такой, в котором обыгрывается общеязыковое и сленговое значение слова *колесо* "таблетка, используемая как наркотическое средство", и словосочетание *сидеть на травке* "курить анашу": «Сидит на полянке ребенок, плачет горькими слезами. Подходит к нему наркоман и спрашивает: "Чего плачешь?" А мальчик ему и отвечает: – Колесо потерял. Наркоман извлекает тогда из кармана таблетку и протягивает ребенку. – Нет, у меня не такое было! – кричит ребенок. – Ну, тогда пойдем ко мне домой, у меня еще есть. – Не хочу! Я лучше на травке посижу. – Хорошо тебе ... на травке сидишь».

Таблица 2

	Москва	Смоленск	Иваново
девушка	*герла* *девка* *киса* *мама* *мамаша* *мать* *телка* *тетя* *чувиха*	*герла* *баба* *зеленая* *клава* *коза* *пацанка* *телка* *секолда* *чувиха*	*баба* *девка* *коза* *красавица*
хороший	*классный* *клевый* *крутой* *блдежный* *забойный* *прикольный*	*классный* *клевый* *крутой* *нормалек* *отпадный* *потрясный* *четкий* *чтный*	*классный* *клевый* *ншитяк* *чумовой*
плохой, неприятный	*голимый*	*чмошный*	*фиговый* *холуевый* *форшмачный* *мрачный* *левый*
умный	*ботан* *вундик* *основной*	*голова* *головастый* *профессор* *умняга*	*голова* *ботаник* *профессор* *залупа*
дурак, тупица, свихнувшийся	*даун* *козел* *крезанутый* *пробитый* *ншизанутый* *чмо*	*повернутый* *чокнутый* *съехавший* *ншиза* *ншизанутый* *ншизик* *тормоз* *стыр* *дэбик* *гедеоновка*	*конь* (ж.р. *овца*) *чокнутый* *дебил* *дуб* *ншизофреник* *ншизик* *холуй*
университет, институт	*школа* *универ*	*школа* *контора*	*школа* *контора* *заведение*
библиотека	*изба-читальня*	*библия* *библя* *дом просвета*	*библия*
общежитие	*общага*	*общага* *дом уюта*	*общага*
стипендия	*стипуха* *пенсия*	*стипуха* *степа*	*степуха*
шпаргалка	*шпора* *бомба* *гармошка*	*шпора* *бомба*	*шпора* *подкладуха*

Таблица 2 (окончание)

	Москва	Смоленск	Иваново
оценка: 5	*пятак* *пятифан*	*пятак* *петрофан* *фай*	*пятак*
4	*четвертак*		*четверик*
3	*тройбан* *трайба*	*тройбан* *госоценка*	*тройбан*
2	*пара* *параша* *банан* *сладкая парочка*	*пара* *параша* *банан* *банка* *клюшка* *лебедь*	*пара*

хулиганы или вернее, играем в хулиганов"» [Поливанов 1931а : 163]. Молодежный сленг – это пароль всех членов референтной группы.

И, наконец, четвертая особенность, характеризующая русский молодежный сленг как универсалию, особенность, которая связывает его с прочими арго и особенно со студенческим арго – французским, немецким, болгарским и другими, – это его л ю д и ч е с к а я н а п р а в л е н н о с т ь. Молодежный сленг – не просто способ творческого самовыражения, но и инструмент двойного остранения [Радзиховский, Мазурова 1989 : 136]. Если людическая функция, как показал Хейзинга в своей Homo Ludens, свойственна человеку вообще, то молодому человеку она свойственна тем более. Игровой принцип реализуется в массированной, гипертрофированной энглизированности "системного" сленга, которая служит как бы коллективной маской, приемом карнавализации. Это такой же регулярный игровой прием, как те, на которых строятся французский verlan или английский rhyming slang [Bachman, Basier 1984; Fauchard 1981].

Наше исследование показывает, что молодежному сленгу, как всякому арго и шире – как всякому субъязыку, свойственна некоторая размытость границ. Вычленить его как замкнутую подсистему, как объект наблюдения можно только условно [Скребнев 1985 : 22–25]. Постепенное распространение молодежного сленга идет от центра к периферии, и на периферии он укореняется минимально.

Изучение и сравнение системы функциональных стилей разных языков приводит к выводу, что арго, как его ни называй – жаргон, сленг или социолект, – это не вредный паразитический нарост на теле языка, который "иссушает, загрязняет и вульгаризирует устную речь" того, кто им пользуется, а органическая и в какой-то мере, по-видимому, необходимая часть этой системы. Она очень интересна для лингвиста: это та лаборатория, в которой все свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению. Что ж до "иссушающего" влияния молодежного жаргона, то надо заметить, что все социальные диалекты, в отличие от территориальных диалектов, никогда не бывают первым и единственным способом коммуникации для тех, кто ими пользуется. Молодежный сленг – это один из функциональных стилей, к которому прибегают носители языка с относительно высоким уровнем образования (его "энглизированность" – веское тому доказательство) только в определенной ситуации общения. В других ситуациях они пользуются другими стратами шкалы стилей. Химики говорят, что грязь – это вещество не на своем месте (масляная краска на рукаве пиджака, чернозем на паркете). Пока молодежный сленг используется молодыми, когда они общаются между собой в непринужденной,

неофициальной обстановке, никакого "загрязнения" не происходит. То же касается и языка художественной литературы: когда сленгизмы входят в него как элементы речевой маски персонажа, это не вызывает никакого протеста, если делается с тактом и эстетически мотивированно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова-Лукашанец Е.Г. 1980 – Современный молодежный жаргон // РР. 1980. № 5.

Борисова-Лукашанец Е.Г. 1982 – Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материалах молодежного жаргона 60–70 годов): Автореф. канд. дис. ... М., 1982.

Волкова Н.В. 1990 – Имя собственное и его производные в структуре молодежной жаргонной лексики и фразеологии // Вісник Львівського ун-ту. Серія філолог. Вып. 21. Львов, 1990.

Грачев М.А., Гуров А.И. 1989 – Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989.

Дубровина К.Н. 1980 – Студенческий жаргон // ФН. 1980. № 1.

Жураховская В.Д. 1980 – Функционирование жаргонной лексики в современном русском языке // Материалы XIX Всесоюзн. студ. конф. "Студент и технический прогресс": Филология. Новосибирск, 1981.

Зайковская Т.В. 1993 – Можно мозжечокнуться? Сабо самой! // РР. 1993. № 6.

Запесоцкий А.С., Файн А.П. 1990 – Эта непонятная молодежь. М., 1990.

Копыленко М.М. 1976 – О семантической природе молодежного жаргона // Социолингвистические исследования. М., 1976.

Лапова Е.В. 1990 – О молодежном жаргоне // Русский язык. Вып. 10. Минск, 1990.

Лихачев Д.С. 1964 – Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

Мазурова А.И. 1988 – Словарь сленга, распространенного в среде неформальных молодежных объединений. М., 1988.

Поливанов Е.Д. 1931а – О блатном языке учащихся и о "славянском языке" революции // За марксистское языкознание. М., 1931.

Поливанов Е.Д. 1931б – Стук по блату // За марксистское языкознание. М., 1931.

Радзиховский Л.А., Мазурова А.И. 1989 – Сленг как инструмент остранения // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.

Рожанский Ф.И. 1992 – Сленг хиппи. СПб.-Париж, 1992.

Скребнев Ю.М. 1985 – Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.

Стернин И.А. 1992 – Словарь молодежного жаргона. Воронеж, 1992.

Троицкий А.П. 1990 – Поп-лексикон. М., 1990.

Щепанская Т.Б. 1992 – Смеховой мир тусовки и проблема оформления групповых границ // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. Учебные материалы по русскому фольклору. Таллин, 1992.

Bachman Ch., Basier L. 1984 – Le verlan: argot d'école ou langue des keums? // Mots., P., 1984. № 8.

Fauchard J. 1981 – Rhyming slang: la rime et la frime // Études anglaises. P., 1981. 34. N 3.

François D. 1968 – Les argots // Encyclopédie de la Pléiade. V. XXV. Le langage. P., 1968.

Goudailler J.-P. 1991 – Argolâtrie et argotophobie // Langue française. Parlures argotiques. P., 1991. № 90.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. В.С. ХРАКОВСКИЙ

ИСЧИСЛЯЮЩИЕ КЛАССИФИКАЦИИ В ТИПОЛОГИИ*

Различные научные направления, проходящие по ведомству типологии — теоретической дисциплины, изучающей наиболее общии закономерности, которые не детерминируются ни генетическими, ни ареальными особенностями языков, естественным образом отличаются друг от друга и по объекту исследования, и по методам исследования, и по ближайшим конкретным результатам, и по перспективным целевым установкам.

Свои особенности с этой точки зрения присущи и так называемой ленинградской или петербургской типологической школе. Именно они, точнее некоторые из них, и будут главным образом анализироваться в настоящей работе. Наверно, с самого начала не лишне будет напомнить читателям, что А.А. Холодович, создавая в 1961 г. типологическую группу и формируя ее научную программу, опирался в то время на щербовское понимание грамматики, согласно которому "вся грамматика в целом фактически со всеми её разделами мыслится... не как учение о формах, а как сложная система *соответствий между смыслами, составляющими содержание речи, и внешними формами выражения этих смыслов, их (смыслов) формальными показателями*" [Зиндер, Маслов 1982 : 69]. Из такого определения грамматики, в котором ключевую позицию занимает понятие с о о т в е т с т в и я, вытекают два важных следствия, кажущиеся в наши дни вполне тривиальными.

Следствие первое. Указанное соответствие между смыслами и формами предопределяет возможность двух типов грамматических описаний. Одни описания имеют на "входе" смыслы, а на "выходе" — формы. Эти описания моделируют речевую деятельность говорящего, который в своей речевой продукции кодирует определенное смысловое содержание, выбирая для него наиболее подходящие в данном конкретном случае средства его выражения. Такие описания принято называть ф у н к ц и о н а л ь н ы м и. Другие описания имеют на "входе" формы, а на "выходе" — смыслы. Их принято называть ф о р м а л ь н ы м и. Они моделируют речевую деятельность слушающего, который слышит речь, воспринимаемую как акустический объект, и декодирует услышанное. Отметим, что типологически ориентированные исследования в большой мере являются функциональными [Храковский 1985].

Следствие второе. Наличие соответствия между смыслами и формами предопределяет возможность относительно независимого описания смыслов. В целях исследования можно разорвать ту пуповину, которой смыслы намертво связаны с выражающими их формами, и которая, как известно, сама разрывается у больных с различными формами афазии [Лурия 1947].

Разделяя щербовское понимание грамматики, А.А. Холодович был к тому же вслед за А.А. Дмитриевским и Л. Теньером последовательным вербоцентристом, опиравшимся на гипотезу о доминирующей роли глагола и его категорий в структуре

* Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда: грант № ZZ 4000/017. Предварительные результаты работы изложены в одноименном докладе, прочитанном на международной конференции "Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы" (Подробно о ней см.: [ВЯ. 1996. № 2]).

предложения [Холодович 1979]. Если учитывать оба названных обстоятельства, а именно, понимание А.А. Холодовичем грамматики как соответствия между смыслами и формами и его представление о ведущей роли глагола и его категорий в структуре предложения, то из них естественно вытекает научная программа, которая заключается в типологическом исследовании содержательных грамматических категорий глагола, связанных с синтаксисом предложения.

Выбор в качестве объекта исследования глагола, глагольных категорий и соответственно глагольных конструкций, связанных трансформационными и деривационными отношениями по существу и определил круг вопросов, на которые следовало получить ответы в процессе конкретных исследований. Вот их примерный перечень. Какие типы категориальных значений реализуются в синтаксических оппозициях глагольных конструкций? Можно ли составить своего рода каталог таких значений? Будет ли этот каталог включать только универсальные значения или также значения, специфичные для языков разного строя или, может быть, разной генетической принадлежности? Можно ли выявить закономерности формальной организации конструкций, выражающих определенное грамматическое значение, и установить типологию формальных средств, используемых для его выражения? Эти вопросы по существу составили анкету, в соответствии с которой в группе типологических исследований (ныне в лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН) были проанализированы каузатив, залог (актив/пассив), рефлексив и реципрок, результатив, глагольная множественность (мультипликатив/дистрибутив/итератив), императив, а также значения непредикатных глаголов (отрицательные, аспектуальные, темпоральные, пассивные, бенефактивные, модальные, таксисные, каузативные), которые функционально сближаются с содержательными грамматическими категориями знаменательных глаголов. К этому перечню можно добавить условные конструкции, работа над типологическим описанием которых в настоящее время завершается в лаборатории.

Конкретные результаты тридцатилетней научной деятельности лаборатории отражены в целом ряде коллективных и индивидуальных монографий, а также в большом количестве статей, опубликованных в различных научных изданиях. Все основные публикации лаборатории были отрецензированы в различных лингвистических изданиях как в России, так и за рубежом (подробнее об этом см. [Храковский, Оглоблин 1991; Khrakovsky, Ogloblin 1993; Nedjalkov, Litvinov 1995]).

Хочу обратить особое внимание на то, что конкретные результаты проводившихся исследований, на которых я сейчас не могу подробно останавливаться, должны быть соотнесены с перспективными целевыми установками, с той сверхзадачей, во имя решения которой проводятся конкретные исследования. По гипотезе А.А. Холодовича содержательные грамматические категории глагола, если абстрагироваться от выражающих их форм, представляют собой семантические признаки, состоящие из ряда однородных значений. Такие семантические признаки, как любил говорить А.А. Холодович, образуют библиотеку универсальных смыслов, создание которой и составляет сверхзадачу исследования. Вместе с тем с его точки зрения также было важно учитывать все возможные формальные средства, используемые для выражения определенного смысла, а также все морфолого-синтаксические средства, маркирующие переход от семантически исходной конструкции к семантически производной.

Таким образом, можно говорить о двух составляющих тех работ, которые осуществляются в нашей лаборатории. Одна составляющая — универсальная. Ее ведению подлежат семантические признаки и их значения. Другая составляющая — типологическая. Ее ведению подлежат все те средства, посредством которых как в различных языках, так и в одном и том же языке маркируются значения исследуемых семантических признаков.

Остановившись вкратце на проблематике практически всех проводившихся конкретных исследований, а также на той сверхзадаче, во имя которой осуществляются эти конкретные исследования, уделим основное внимание объектам нашего исследования и методам их исследования. Здесь мы опираемся на тезис Э. Бенвениста, ут-

верждавшего, "что в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого её определяют" [Бенвенист 1965 : 434]. Иными словами, наше видение объекта возникает сквозь призму действия некоторой системы гипотез об устройстве и функционировании изучаемого объекта. Фактически мы видим то, что знаем, т.е. руководствуемся определенной теорией и предлагаемым ею методом исследования конкретного объекта, которые и отвечают за то, каким исследователь видит изучаемый объект [Храковский 1994а]. За исследователем, разумеется, остается право выбора теории, но если выбор сделан, то уже теория диктует правила игры. Теория может быть эксплицитно изложена, но может оставаться имплицитной, она может быть внутренне непротиворечивой, но может быть и эклектичной, она может быть формализованной в той или иной степени, а может быть и неформализованной, наконец, она может отчетливо осознаваться, но может оставаться в какой-то мере и неосознанной, но она должна быть. Весь вопрос в том, какая теория наиболее приемлема для типологически ориентированного описания грамматических категорий глагола.

Не обсуждая подробно этот исключительно важный вопрос, замечу лишь, что такая теория должна быть универсальной, т.е. включающей в сферу своего действия любой конкретный язык, хотя, разумеется, каждое отдельное типологически ориентированное исследование учитывает данные заведомо ограниченной эмпирической выборки. Из сказанного вытекают следующие принципиально важные выводы. Любые теоретические положения, выдвигаемые в типологической работе, остаются эмпирически не проверяемыми, т.е. не могут быть верифицированы, поскольку мы до сих пор даже не знаем, сколько живых языков имеется в настоящее время в мире, не говоря уже об исчезнувших языках и о тех языках, которые могут возникнуть в будущем. К тому же мы, откровенно говоря, плохо представляем себе, какую выборку языков можно считать необходимой и достаточной для того, чтобы сделанные утверждения обладали хотя бы минимальной объяснительной силой. Возможно, прав Дж. Гринберг, опиравшийся на выборку, включающую 30 языков, подбиравшихся по следующим основаниям: 1) знание языков, 2) наличие достаточно надежных грамматических описаний других языков, 3) достаточно широкий генетический и пространственный охват языков. Дж. Гринберг полагал, "что любое утверждение, верное для этих 30-ти языков, может с большой степенью вероятности рассматриваться как универсалия или неполная универсалия" [Гринберг 1970 : 116]. О справедливости суждений Дж. Гринберга говорит хотя бы тот факт, что ему удалось получить важные, типологически релевантные результаты. Вместе с тем я хотел бы заметить, что для меня решающим все же является не количество и генетическая и ареальная принадлежность языков, представленных в выборке, а метод исследования, с помощью которого анализируются и обрабатываются данные языков, попавших в выборку. Разумеется, если в выборке будут представлены языки, отличающиеся друг от друга генетически, типологически и ареально, это очень хорошо. Но самое важное заключается в том, чтобы интересующий исследователя лингвистический объект, представленный в этих языках, был исчерпывающим образом описан в рамках концепции, на которую исследователь опирается в своей работе. Дело в том, что хорошие и подробные описания различных языков, выполненные в рамках других концепций, могут либо вообще не отвечать на вопросы, интересующие типолога, либо давать ответы, не адекватные с позиций его теории. Приведу несколько примеров, поясняющих о чем идет речь.

Пример первый. Современная русистика богата очень содержательными работами, посвященными анализу и описанию условных конструкций с различных точек зрения. Однако, если я не ошибаюсь, в этих работах вообще не ставится вопрос о количестве семантически релевантных моделей условных конструкций, представленных в русском языке. Обычно речь идет о том, что в русском языке различаются либо три типа условных предложений [1) реальные, 2) нереальные, 3) потенциальные], либо два (нереальные и потенциальные) — терминология может быть и другой, — в то время, как мы увидим ниже, таких моделей более двух десятков.

Пример второй. В "Русской грамматике" при описании повелительного наклонения говорится о наличии в русском языке так называемых форм совместного действия, т.е. форм мн. числа, у которых "обозначаемое ими побуждение всегда относится к двум или более лицам: к собеседнику (либо собеседникам, группе лиц, включающих собеседника) и к самому говорящему" [РГ-80, I : 622].

Иначе говоря, речь идет об императивных формах 1 л. мн. числа. Однако такая, довольно широко распространенная трактовка является неадекватной с позиций нашей теории. Достаточно сравнить такие соотносительные пары аналитических форм совместного действия, как *давай молчать* и *давайте молчать*, *давай помолчим* и *давайте помолчим*, для того чтобы прийти к очевидному решению: среди форм совместного действия есть как формы 1 л. мн. числа (*давайте молчать*, *давайте помолчим*), так и формы 1 л. дв. числа (*давай молчать*, *давай помолчим*) [Бирюлин, Храковский 1991].

Пример третий. В соответствии со стандартной синтаксической теорией обязательными участниками ситуации, называемой глаголом, являются актанты, а необязательными участниками — сирконстанты. При таком подходе актанты по своему статусу принципиально отличаются от сирконстантов: актанты определяют лексикографическую характеристику глагола, сирконстанты не определяют; количество и роли актантов при каждом глаголе фиксированы, количество и роли сирконстантов не фексированы, их даже вообще может не быть. С позиций нашей теории такое распространенное представление нуждается в коррекции, суть которой сводится к тому, что стандартные сирконстанты в ряде случаев в той или иной степени обладают по крайней мере синтаксическими свойствами актантов. В частности, в русском языке в превентивных императивных конструкциях с формой глагола СВ, обозначающего контролируемое действие, обязателен сирконстант, нейтрализующий значение контролируемости [Бирюлин, Храковский 1992], ср.: *Ты* ***случайно*** *брату не позвони*. Изъятие сирконстанта делает эту конструкцию неграмматичной, ср.: **Ты брату не позвони* (подробнее см. об этом [Плунгян, Рахилина 1990]).

Эти примеры наглядно показывают, что любые конкретные данные даже из самых лучших грамматических описаний типолог (если он не знает данного конкретного языка) всегда заимствует через призму концепции, в рамках которой описывается интересующий его материал, а сама концепция может быть недостаточно адекватной с позиций его собственных теоретических представлений, но он об этом часто и не задумывается.

Из сказанного следует простой вывод: полностью можно доверять только описанию материала, сделанному с позиций собственной концепции. В каждом конкретном исследовании, проводимом в нашей лаборатории, таких языков набирается в среднем чуть меньше или чуть больше 20-ти, и это количество нам представляется достаточным, поскольку, как мы уже говорили выше, решающим является не количество языков в выборке, а метод исследования.

Тщательный анализ материала этих 20-ти языков, выполненный специалистами-профессионалами позволяет построить универсальное смысловое определение исследуемой категории, которое не зависит от формальных особенностей конкретных языков. Уже в процессе этой работы порой приходится отказываться от некоторых привычных представлений, господствующих в практике описания отдельных категорий. Например, при описании категории залога в тюркских и некоторых других языках каузатив рассматривается как одна из залоговых форм. Однако в предложенной нами трактовке залога каузатив был выведен за рамки этой категории и рассматривался отдельно как самостоятельная категория.

Любое семантическое определение такого сложного объекта, каким является грамматическая категория, предполагает и допускает его структурирование. Структурирование категорий производится с помощью исчисляющих классификаций или просто исчислений. Особенность исчислений состоит в том, что их базу составляют диагностические семантические признаки, комбинаторика значений которых исчерпывает все

теоретические реализации изучаемой категории. Исчисления моделируют потенциальные способности языковой системы, тогда как в конкретных языках обычно реализуется лишь часть логических возможностей, предусмотренных исчислением. Иными словами, исчисления объясняют и наблюдаемые факты, и факты, которых в данном языке или вообще в языках нет, но в принципе могли бы быть. Исчисления важны как для типологического, так и для конкретно-языкового описания категорий, поскольку некоторые логические возможности, предусмотренные исчислением, могут не обнаруживаться в формальных парадигматических системах конкретного языка и потому не учитываться в традиционном описании.

В связи со сказанным уместно напомнить, что лингвистической типологии присущи две очень важных особенности. Одну из них мы знаем достаточно хорошо. Она заключается в том, что типология позволяет видеть и воспринимать мир не только сквозь призму своего родного языка или языка своей специальности. Типолог пользуется данными очень многих и разных языков и поэтому он знает, какие разнообразные (и в то же время ограниченные!) средства имеются в языках для выражения различных конкретных значений. Для описания этого (ограниченного!) разнообразия с единых позиций типологу приходится строить довольно мощную теорию, обладающую достаточной объяснительной силой. Такова первая и относительно хорошо знакомая особенность типологии. Менее известна в особенности лингвистам-нетипологам ее вторая особенность. Дело в том, что типологическая теория позволяет беспристрастно смотреть на любой конкретный язык (будь то родной язык, язык своей специальности или какой-нибудь просто знакомый язык) и замечать в нем такие черты, такие особенности, которые не привлекали внимания в рамках традиционных представлений. Забегая несколько вперед, проиллюстрирую этот тезис всего двумя примерами. Насколько я знаю, в многочисленных описаниях условных конструкций русского языка специально не рассматриваются на первый взгляд вполне стандартные примеры типа: *Если вы завтра к нам придете, я к вашему приходу испеку ваше любимое миндальное пирожное, Если ты будешь заниматься, выключи телевизор.*

Однако эти примеры требуют специального анализа. Дело в том, что в этих примерах следствие реализуется как будто бы раньше условия, что противоречит стандартным представлениям о таксисе условия и следствия. На самом деле эти примеры соответствуют стандартной теории, но только при их специфическом прочтении. Так, первый пример имеет следующее прочтение: '*Если я* ***буду знать****, что вы завтра к нам придете, я к вашему приходу испеку ваше любимое миндальное пирожное*'. Особое прочтение характерно и для второго примера: '*Если ты* ***намереваешься*** *заниматья, выключи телевизор*'.

Вопрос вопросов, который встает перед типологом, строящим исчисляющую классификацию, заключается в выделении тех общих диагностических семантических признаков, которые составляют базу исчисления. Какой-либо теории выделения диагностических признаков нет. У нас даже нет до сих пор принципиального понимания того, какие семантические объекты допускают исчисляющие классификации, а какие нет. Здесь пока все решает интуиция исследователя, учитывающая все факты употребления описываемой категории в анализированных конкретных языках. Опорой для интуиции служит восходящее к А. Вежбицкой [Wierzbicka 1981] представление о том, что наиболее существенные семантические признаки так или иначе проявляют себя в морфологических и синтаксических особенностях слов и конструкций, которым присущи эти признаки. Иными словами, если мы хотим обнаружить наиболее важные семантические признаки, которые должны составить базу исчисляющей классификации, мы должны обращать пристальное внимание на грамматические особенности, по-разному проявляющиеся в различных употреблениях интересующих нас слов и конструкций. Сказанное можно дополнить одним общим соображением, которое, по всей видимости, является верным: диагностических признаков должно быть немного. Это необходимо для того, чтобы искомая исчисляющая классификация была бы обозримой и удобной для работы. Громоздкими классификациями трудно пользоваться и поэтому их не

нужно строить. Их не нужно строить еще и потому, что в соответствии со сформулированным А.Е. Кибриком постулатом о ПРОСТОТЕ "язык устроен просто" [Кибрик 1992 : 25] и соответственно факты, подлежащие описанию, не следует описывать сложнее того, чем они устроены "на самом деле".

Исчисляющие классификации применяются по отношению к семантическим признакам, обладающим различной внутренней структурой. Соответственно исчисляющие классификации различных семантических признаков весьма отличаются друг от друга. Для иллюстрации этого положения обратимся к анализу двух исчислений. Первое из них — это исчисление императивных форм. Основу этого исчисления составляет следующее определение повелительных предложений: «Повелительными можно называть положительные/отрицательные предложения, в которых выражается идея прямой речевой каузации, интерпретируемая следующим образом: '(не) желая исполнения действия P, которое в момент речи t либо не исполняется, либо исполняется, Говорящий (=Прескриптор) сообщает Слушающему (=Получателю прескрипции), кто (не) должен быть Агенсом действия P (=Исполнителем прескрипции), и пытается каузировать (не)исполнение действия P самим фактом этого сообщения'» [Бирюлин, Храковский 1992 : 7]. При построении исчисления императивных форм мы исходили из того, что каждая императивная форма, входящая в исчисление, включает компоненты двух видов: постоянные, присущие всем формам парадигмы и специфичные именно для императивной парадигмы, и переменные, присущие каждой отдельной форме в парадигме и противопоставляющие эту форму всем другим формам в парадигме. К постоянным компонентам семантической структуры императивных форм относятся: 1) номинативное значение каузируемого действия; 2) грамматическое значение 1-го л. ед. числа, т.е. значение Говорящего (=Прескриптора); 3) грамматическое значение повеления, которое толкуется как 'каузация желания Говорящего (=Прескриптора)'. Переменными компонентами являются: 1) грамматические значения лица и числа Агенса каузируемого действия (=Исполнителя; прескрипции); 2) грамматическое значение числа Слушающего (=Получателя прескрипции). Таким образом, идеальное универсальное исчисление императивных форм принимает следующий вид: 'Я говорю, что я хочу, чтобы действие P выполнил(и): 1) я, 2) ты, 3) вы, 4) он, 5) они, 6) я + ты, 7) я + вы, 8) я + он, 9) я + они, 10) ты + он, 11) ты + они, 12) вы + он, 13) вы + они, 14) я + ты + он, 15) я + вы + он, 16) я + ты + они, 17) я + вы + они...' Итак универсальное исчисление включает 17 императивных форм, которое в силу ряда причин редуцируется до "реальных" парадигм. В реальные парадигмы входит различное число форм, а максимальная из реальных парадигм обычно включает 7 форм. К словоформам, входящим в реальные императивные парадигмы, должны предъявляться всего два формальных требования: а) эти формы должны регулярно образовываться теми лексемами, которые по своей семантике допускают образование словоформ с повелительным значением, б) эти формы должны опознаваться в предложении как формы, имеющие повелительное значение. Что касается формальных примет императивных словоформ, то они могут быть любые (специальный показатель, приглагольная частица, ударение, порядок слов, актантное окружение, интонация высказывания и т.п.) и могут выступать в повелительных предложениях как порознь, так и в различных комбинациях друг с другом. Важно подчеркнуть, что морфологический облик словоформы не может служить критерием включения/невключения ее в парадигму. Тем самым мы солидаризируемся со следующим утверждением М.В. Панова: "Члены парадигмы могут быть предельно не похожи друг на друга или, напротив, сохранять предельное сходство. Это не существенно для парадигмы" [Панов 1980 : 135].

Важно подчеркнуть, что при описании императивных форм в конкретных языках универсальная императивная парадигма, как и любая другая универсальная парадигма, может расширяться, поскольку в отдельных языках глагол может иметь такие грамматические категории, которые увеличивают количество императивных форм, при том, что эти категории иррелевантны для построения универсального исчисления. Характерный пример — категория вида в русском и других славянских языках,

которая представлена оппозицией форм совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов. Соответственно императивные формы ед. и мн. числа в русском языке представлены видовыми парами: *спой* (СВ) / *пой* (НСВ), *спойте* (СВ) / *пойте* (НСВ) (более подробно об этом см. [Храковский, Володин 1986]).

Ознакомившись очень кратко с исчислением императивных словоформ, которое строится довольно просто, перейдем к рассмотрению более сложного исчисления, уделяя особое внимание самому процессу его построения.

Чтобы наглядно представить процесс построения исчисляющей классификации, рассмотрим этот процесс на примере исчисления моделей условных конструкций (УК). Будем считать, что во всех проанализированных конкретных языках мы умеем выделять УК. При этом мы не пытаемся дать семантическое определение УК, поскольку вслед за А. Вежбицкой относим условный концепт к неопределяемым семантическим примитивам, которые в принципе нельзя определять с помощью более сложных концептов типа "гипотетический", "вывод", "возможные миры", как это обычно делается в работах, посвященных УК. Интуитивное умение выделять УК позволяет, в частности, в русском языке характеризовать как условные следующие конструкции:

(1) *Если Петров получил вчера деньги, он купил жене подарок,*
(2) *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок,*
(3) *Если Петров уже вернулся, то в настоящий момент он пишет статью,*
(4) *Если бы Петров уже вернулся, то в настоящий момент он бы писал статью,*
(5) *Если Петров вчера вернулся, я позвоню ему завтра,*
(6) *Если бы Петров вчера вернулся, я бы позвонил ему завтра,*
(7) *Если Петрову сейчас никто не мешает, он пишет статью,*
(8) *Если бы Петрову сейчас никто не мешал, он бы писал статью,*
(9) *Если Петров сейчас принимает экзамен, он освободится только через час,*
(10) *Если бы Петров сейчас принимал экзамен, он бы освободился только через час,*
(11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок,*
(12) *Если бы Петров получил завтра деньги, он бы купил жене подарок,*
(13) *Взяв пешку, белые получали (бы) выигрышную позицию,*
(14) *Приди поезд без опоздания, мы успеем на первое заседание,*
(15) *В случае опасности вы можете уехать из города,*
(16) *Если ты хоть немного отдохнешь, будет просто замечательно,*
(17) *Дайте мне точку опоры и я переверну земной шар.*

Приведенные условные предложения формально неоднородны. Если придерживаться традиционной классификации, то среди них есть сложноподчиненные предложения (1—12, 16), предложения, осложненные деепричастным оборотом (13), простые предложения (15), сложносочиненные предложения (17), а также предложения, чей формальный статус вызывает дискуссию (14). В соответствии со стандартной точкой зрения, представленной, например, в "Русской грамматике" [РГ-80, II : 635], примеры типа (14) представляют собой бессоюзное сложноподчиненное предложение, в обуславливающей части которого выступает синтаксическое (?) условное наклонение, а в обусловленной части стандартное сослагательное или изъявительное наклонение. С нашей точки зрения, "императивная", или "квазиимперативная" форма, употребляющаяся в зависимой части рассматриваемой УК и по функции, и по своим смысловым и формальным особенностям является уже нефинитной формой, весьма похожей на деепричастие, и тем самым вся УК в целом представляет собой предложение, осложненное деепричастным оборотом. Более подробное обоснование этой точки зрения см. в работах [Храковский 1994б, 1995]. Какое бы решение этого вопроса не было бы признано правильным, следует подчеркнуть, что при построении исчисляющей классификации мы абстрагируемся от указанных формальных различий как в русском, так и в других анализированных языках. Формальные различия начинают играть решающую роль при типологической характеристике конкретных языков.

Для универсальной исчисляющей классификации предлагаются три диагностических семантических признака, или три параметра [Храковский 1993].

В прототипических УК и условие (p), выражаемое в зависимой части, и следствие (q), выражаемое в главной части, рассматриваются говорящим по отношению к миру не как действительные, а как возможные или невозможные. Указанная смысловая особенность составляет универсальный диагностический признак УК, или первый параметр, который соответственно принимает два значения: 1) в УК выражается реальная, т.е. выполнимая возможность, 2) в УК выражается нереальная, т.е. невыполнимая возможность. Иллюстрировать эти значения можно с помощью примеров (11) и (2):

(11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок* (выполнимая возможность),

(2) *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок* (невыполнимая возможность).

Легко понять, что первый классификационный параметр и два его значения отражают традиционное деление условных предложений на выражающие потенциальное и нереальное условие.

Второй параметр — таксисная зависимость между условием (p) и следствием (q). Этот параметр в принципе релевантен для всех бипредикативных конструкций, а не только для УК и принимает три значения: 1) p раньше q, 2) p позже q[1], 3) p одновременно с q. Противопоставление первого и третьего значений этого параметра представлено в следующих примерах:

(11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок,*

(18) *Если Петров будет завтра петь, я буду завтра танцевать.*

В традиционных описаниях УК данному параметру практически не уделялось должного внимания, хотя в конкретных языках модели, реализующие разные значения этого параметра, нередко формально отличаются друг от друга. Так в приведенных примерах (11) и (18) эти отличия сводятся к употреблению разных видовых форм глаголов.

Третий параметр — временная отнесенность условия и следствия. Как известно, любое локализованное во времени положение вещей может быть отнесено либо к будущему, либо к настоящему, либо к прошедшему. Соответственно данный параметр, который релевантен для всех бипредикативных конструкций, принимает девять значений:

1) q в будущем, p в будущем, ср.

(11) *Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок,*

(12) *Если бы Петров получил завтра деньги, он бы купил жене подарок,*

2) q в будущем, p в настоящем, ср.

(9) *Если Петров сейчас принимает экзамен, он освободится только через час,*

(10) *Если бы Петров сейчас принимал экзамен, он бы освободился только через час,*

3) q в будущем, p в прошедшем, ср.

(5) *Если Петров вчера вернулся, я позвоню ему завтра,*

(6) *Если бы Петров вчера вернулся, я бы позвонил ему завтра,*

4) q в настоящем, p в будущем, ср.

(18) *Если волк съест морковку, значит, он сейчас голоден,*

(19) *Если бы волк съел морковку, это бы значило, что он сейчас голоден,*

---

[1] В соответствии с существующими представлениями условие не может осуществляться после следствия. На первый взгляд этим представлениям противоречат примеры типа *Если Петров позвонит завтра, то значит, они вчера встретились с Ивановым*, в которых следствие как-будто предшествует условию. Однако в подобных примерах имеет место акт логического вывода, который осуществляется говорящим на базе условия, предшествующего акту логического вывода, который и является следствием в подобных предложениях. Другое дело, что содержание акта логического вывода может относиться к прошлому, в результате чего создается иллюзия того, что в примерах подобного типа следствие предшествует условию.

5) q в настоящем, p в настоящем, ср.

(7) *Если Петрову сейчас никто не мешает, он пишет диссертацию,*

(8) *Если бы Петрову сейчас никто не мешал, он бы писал диссертацию,*

6) q в настоящем, p в прошедшем, ср.

(3) *Если Петров уже вернулся, то в настоящий момент он пишет статью,*

(4) *Если бы Петров уже вернулся, то в настоящий момент он бы писал статью,*

7) q в прошедшем, p в будущем, ср.

(20) *Если Петров позвонит завтра, то значит, они вчера встретились с Ивановым,*

(21) *Если бы Петров позвонил завтра, то это значило бы, что они вчера встретились с Ивановым,*

8) q в прошедшем, p в настоящем, ср.

(22) *Если Петров пишет сейчас контрольную, то значит, он вчера не пришел на экзамен,*

(23) *Если бы Петров писал вчера контрольную, то это значило бы, что он вчера не пришел на экзамен,*

9) q в прошедшем, p в прошедшем, ср.

(1) *Если Петров получил вчера деньги, он купил жене подарок,*

(2) *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок.*

Третьему классификационному параметру в традиционных описаниях УК уделялось недостаточно внимания. Во всяком случае я не знаю такой работы, где бы последовательно обсуждались все значения этого параметра.

Исчисляющая классификация, построенная на базе этих трех параметров, включает 54 модели УК. Как нетрудно догадаться, это число представляет собой результат перемножения значений каждого из классификационных параметров: $2 \times 3 \times \times 9 = 54$. Однако из логически допустимых 54 моделей реально функционирует только 26. Тем самым количество действующих моделей относительно невелико и каждой модели соответствует достаточно широкий класс конкретных употреблений УК. Предложенное исчисление фиксируется в следующей таблице.

Таблица

Исчисление условных конструкций

NN	Классификационные параметры			Примеры
	I	II	III	
1.	1	1	1	*Если Петров получит завтра деньги, он купит жене подарок.*
2.	2	1	1	*Если бы Петров получил завтра деньги, он бы купил жене подарок.*
3.	1	2	1	*Если Петров позвонит через час, то значит, он к тому времени напишет статью.*
4.	2	2	1	*Если бы Петров позвонил через час, то это значило бы, что он к тому времени напишет статью.*
5.	1	3	1	*Если Петров будет завтра петь, я буду завтра танцевать.*
6.	2	3	1	*Если бы Петров завтра пел, то я бы завтра танцевал.*
7.	1	1	2	*Если Петров сейчас принимает экзамен, он освободится только через час.*
8.	2	1	2	*Если бы Петров сейчас принимал экзамен, он бы освободился только через час.*
9.	1	2	2	–
10.	2	2	2	–
11.	1	3	2	–
12.	2	3	2	–

NN	Классификационные параметры I	II	III	Примеры
13.	1	1	3	*Если Петров вчера вернулся, я позвоню ему завтра.*
14.	2	1	3	*Если бы Петров вчера вернулся, я бы позвонил ему завтра.*
15.	1	2	3	–
16.	2	2	3	–
17.	1	3	3	–
18.	2	3	3	–
19.	1	1	4	–
20.	2	1	4	–
21.	1	2	4	*Если волк съест морковку, значит он сейчас голоден.*
22.	2	2	4	*Если бы волк съел морковку, это значило бы, что он сейчас голоден.*
23.	1	3	4	–
24.	2	3	4	–
25.	1	1	5	–
26.	2	1	5	–
27.	1	2	5	–
28.	2	2	5	–
29.	1	3	5	*Если Петрову сейчас никто не мешает, он пишет диссертацию.*
30.	2	3	5	*Если бы Петрову сейчас никто не мешал, он бы писал диссертацию.*
31.	1	1	6	*Если Петров вернулся, то сейчас он обедает.*
32.	2	1	6	*Если бы Петров вернулся, то сейчас он бы обедал.*
33.	1	2	6	–
34.	2	2	6	–
35.	1	3	6	–
36.	2	3	6	–
37.	1	1	7	–
38.	2	1	7	–
39.	1	2	7	*Если Петров позвонит завтра, то значит, они вчера встретились с Ивановым.*
40.	2	2	7	*Если бы Петров позвонил завтра, то это значило бы, что они встретились вчера с Ивановым.*
41.	1	3	7	–
42.	2	3	7	–
43.	1	1	8	–
44.	2	1	8	–
45.	1	2	8	*Если Петров сейчас пишет контрольную, то значит, он вчера не пришел на экзамен.*
46.	2	2	8	*Если бы Петров сейчас писал контрольную, то это значило бы, что он вчера не пришел на экзамен.*
47.	1	3	8	–
48.	2	3	8	–

NN	Классификационные параметры			Примеры
	I	II	III	
49.	1	1	9	*Если Петров получил вчера деньги, он купил жене подарок.*
50.	2	1	9	*Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок.*
51.	1	2	9	*Если волк вчера съел морковку, то значит, он сильно проголодался.*
52.	2	2	9	*Если бы волк вчера съел морковку, то это значило бы, что он сильно проголодался.*
53.	1	3	9	*Если дети спали, то значит, воспитатель был в спальне.*
54.	2	3	9	*Если бы дети спали, то это значило бы, что воспитатель был в спальне.*

После того как исчисляющая классификация построена и установлено число моделей, которые могут и не могут реализоваться в конкретных языках, завершается универсальный этап исследования и начинается собственно типологический этап, на котором решаются следующие задачи: во-первых, устанавливается, как действующие модели распределяются по языкам, включенным в выборку, и выдвигаются гипотезы относительно причин, препятствующих употреблению тех или иных моделей в конкретных языках, во-вторых, определяется распределение в текстах разных моделей УК и выявляются прагматические предпочтения и ограничения, которые неодинаковы для различных моделей. Наконец, устанавливаются формально-синтаксические особенности реализации конкретных моделей, которые могут заметным образом повторяться в различных языках. Основное внимание здесь уделяется средствам связи между обеими частями УК и глагольным формам, употребляющимся в зависимой и главной частях УК. Выявленные здесь закономерности очень интересны, однако они составляют уже тему другой работы.

Предваряя эту работу, мы хотим уже сейчас обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Если с системной точки зрения все реализуемые модели исчисления логически равноправны, то при функционировании в речи картина заметным образом меняется. В этом плане можно говорить о прагматических предпочтениях и ограничениях, которые неодинаковы для разных моделей. Отметим, в частности, что большинство реальных текстовых примеров в самых различных языках приходится всего на долю двух моделей. Первая из них — это модель № 1. В этой модели выражается реальное условие (первое значение первого параметра), условие предшествует следствию (первое значение второго параметра), и условие и следствие отнесены к будущему (первое значение третьего параметра). Решающим фактором, определяющим высокую частотность этой модели, с нашей точки зрения, служит то обстоятельство, что в ней и условие и следствие отнесены к будущему времени, а будущее время является наиболее благоприятной средой для осуществления реальной возможности.

Следующая модель — это модель № 50. В этой модели выражается нереальное условие (второе значение первого параметра), условие предшествует следствию (первое значение второго параметра), и условие и следствие отнесены к прошедшему (девятое значение третьего параметра). Частотность этой модели связана с тем, что в ней и условие и следствие отнесены к прошедшему времени, а прошлое является наиболее благоприятной средой для нереальных возможностей, поскольку нереальные возможности в большой мере представляют собой те сценарии, которые в принципе могли бы осуществиться, но в силу тех или иных причин остались нереализованными.

Важная особенность нереальных возможностей, выражаемых в УК этой модели, состоит в том, что они абсолютно точно указывают на реально осуществившиеся возможности, т.е. на фактическое положение вещей. Иначе говоря, в предложении *Если бы Петров получил вчера деньги, он бы купил жене подарок*, во-первых, гово-

рится о том, что получение денег является неосуществившейся возможностью, во-вторых, — о том, что *неполучение денег* представляет собой фактическое положение вещей. Соответственно УК этой модели по праву можно называть контрфактическими.

Грань между реальными и нереальными возможностями, столь резко очерченная в прошедшем, может нейтрализоваться в будущем, в силу чего УК, отнесенные к будущему и выражающие реальную и нереальную возможность, могут быть квазисинонимичными. Сравним в этой связи следующие предложения, относимые к моделям 1 и 2: *Если вы купите мне завтра дачу, я выйду за вас замуж* и *Если бы вы купили мне завтра дачу, я бы вышла за вас замуж*. Суть семантических различий между этими двумя предложениями, если их можно усмотреть, сводится к большей или меньшей степени вероятности осуществления высказываемой возможности. Стирание граней между реальной и нереальной возможностью в плане будущего может приводить к тому, что подобные предложения иногда отличаются друг от друга только степенью вежливости. Ср.: *Если вы придете к нам в среду, мы будем очень рады* и *Если бы вы пришли к нам в среду, мы были бы очень рады*. Сказанное позволяет предположить, что реальные УК, в которых условие и следствие локализованы в будущем, составляют центр поля реальных УК, а нереальные УК, в которых условие и следствие локализованы в прошлом, составляют центр поля нереальных УК. Остальные УК относятся к периферийным, причем в языке могут отсутствовать модели периферийных УК. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что прошедшее время представляет собой естественную позицию контраста семантики реального и нереального условия, а будущее время напротив представляет собой естественную позицию для нейтрализации семантических различий между этими двумя условными значениями [Храковский 1994в].

Основной вывод из изложенного сводится к следующему. Исчисляющие классификации, которые начали использоваться в типологии во второй половине XX столетия, уже оказали и продолжают оказывать мощное влияние на развитие языкознания, поскольку обладают большой объяснительной и предсказательной силой. Вместе с тем необходимо отметить, что вопрос о пределах возможности использования исчислений остается пока открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенвенист Э. 1965 — Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Вып. IV. М., 1965.

Бирюлин Л.А., Храковский В.С. 1991 — Русская императивная парадигма с эволюционной и типологической точек зрения // Семантические и прагматические аспекты высказывания. Новосибирск, 1991.

Бирюлин Л.А., Храковский В.С. 1992 — Повелительные предложения: проблемы теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.

Гринберг Дж. 1970 — Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. 1970.

Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С. 1982 — Л.В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982.

Кибрик А.Е. 1992 — Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Лурия А.Р. 1947 — Травматическая афазия. М., 1947.

Панов М.В. 1980 — О парадигматике и синтагматике // ИАН СЛЯ. 1980. № 2.

Плунгян В.А., Рахилина Е.В. 1990 — Сирконстанты в толковании? // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990.

РГ-80 — Русская грамматика. Т. I—II. М., 1980.

Холодович А.А. 1979 — К вопросу о доминанте предложения // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.

Храковский В.С. 1985 — Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.

Храковский В.С. 1993 — Условные конструкции (проблемы типологического анализа) // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.

Храковский В.С. 1994а — Роль теории в грамматическом описании // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1994. № 6.

Храковский В.С. 1994б — Альтернативные решения в языкознании (проблема выбора) // Proceedings of the Tallinn university of social and educational sciences. A2. Humaniora. Contrastive linguistics. Tallinn, 1994.

Храковский В.С. 1994в — Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений // ВЯ. 1994. № 6.

Храковский В.С. 1995 — Сколько деепричастий в русском языке? // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995.

Храковский В.С., Володин А.П. 1986 — Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Храковский В.С., Оглоблин А.К. 1991 — Группа типологического изучения языков ЛО Института языкознания АН СССР: теоретическая программа, исследовательские принципы, рабочие приемы // ВЯ. 1991. № 4.

Khrakovsky V., Ogloblin A. 1993 — The Kholodovich school of linguistic typology: 1961—1991 // The Petersburg journal of cultural studies. V. 1. 1992. № 2, 3.

Nedjalkov V.P., Litvinov V.P. 1995 — The St. Petersburg / Leningrad typology group // Approaches to language typology. Oxford, 1995.

Wierzbicka A. 1981 — The semantics of natural language. Sydney, 1981.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. Е.И. КОРЯКОВЦЕВА

СТАТУС ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ*

0. В свое время В.В. Виноградов писал, что одной из основных задач исторической лексикологии и словообразования является задача изучения истории категории nomina actionis [Виноградов 1978:172]. Эта задача решается дериватологами. Существует большое число исследований отглагольных имен действия в истории языка и в современном русском языке (см. работы Ю.С. Азарх, И.В. Андриановой, Г.А. Ахметовой, Ж.Ж. Варбот, Н.А. Крылова, А.В. Лемова, З.А. Монастыренко, Н.П. Романовой, Л.Г. Свердлова, В.Н. Хохлачевой, Н.Т. Шелиховой и др.). Однако вне поля зрения дериватологов, как правило, остается тот факт, что наряду с ярко выраженной отглагольной словообразовательной категорией имен отвлеченного действия, в языке на протяжении многих столетий функционируют отыменные существительные с процессуальными значениями, типа *мародерство, безумство*. Вероятно, отчасти это объясняется тем, что до сих пор четко не определен объем понятия "имя действия", не выявлен набор категориальных признаков – семантических, морфологических, синтаксических – наличие которых у существительных позволило бы квалифицировать их как имена действия независимо от того, являются ли они отглагольными дериватами. Представляется, что проблема статуса имени действия, анализируемая в данной статье, является актуальной как для теории словообразования, так и для практики комплексного изучения словообразовательных явлений (о необходимости такого изучения см. [Трубачев 1994, Улуханов 1994]).

1.0. Категория имен действия является категорией семантической, включающей в себя не только существительные со словообразовательно мотивированным процессуальным значением, но и существительные, у которых это значение является "автономным", словообразовательно не мотивированным (ср. [Puzynina 1969:27]). Однако эти существительные, как и неотглагольные существительные с процессуальными значениями, обычно не попадают в поле зрения лингвистов. В практике описания производных nomina actionis в качестве примеров, как правило, используются только отглагольные существительные (см., например [Грамматика 1960:249–263; Грамматика 1970:65–76; Грамматика 1980:149–153; Stejn, Zawiliński 1926:43; Gramatyka 1959,I:147–153; Bally 1944:120; Šmilauer 1971:65–73; Lamprecht et al. 1986]). Исключением является "Gramatyka współczesnego języka polskiego" (Warszawa, 1984), в которой, вероятно, не без влияния книги Я. Пузыниной "Nazwy czynności we współczesnym języku polskim", процессуальное значение отмечается и у отсубстантивных существительных на *-stwo* [Gramatyka 1984:330].

Полагаем, что микросистема производных nomina actionis не только в польском, но и в русском языке включает в себя как отглагольные, так неотглагольные дериваты. Ее можно представить как комплексную единицу словообразования, формируемую словообразовательными категориями отглагольных и отыменных (отсубстантивных и отадъективных) nomina actionis. Эта комплексная единица может быть обозначена как **семантико-словообразовательная категория имен действия**.

---

* Статья написана по проблеме, находящейся в русле темы "Историческое словообразование русского языка", финансируемой РГНФ.

Заметим, что **словообразовательная категория** в традиционной ее трактовке рассматривается как система словообразовательных типов, объединяемых общностью: 1) словообразовательного значения, 2) способа образования, 3) производящих основ (см. [Земская 1973:241]). Словообразовательные категории объединяют семантически гомогенные словообразовательные типы на основании общности частеречной характеристики производящих слов. Семантико-словообразовательная категория как совокупность словообразовательных категорий представляет собой систему, которая формируется группой словообразовательных типов, объединяемых общностью: а) словообразовательного значения, б) способа образования. К одной семантико-словообразовательной категории относятся производные (мотивированные) слова, имеющие производящие (мотивирующие) разных частей речи. Таким образом, у семантико-словообразовательной категории элиминируется признак частеречной принадлежности производящих (мотивирующих) слов.

Слова, относящиеся к одной семантико-словообразовательной категории, должны иметь общее, групповое значение (в рассматриваемом случае процессуальное), общие морфологические и синтаксические свойства. Поскольку ядро, центр семантико-словообразовательной категории имен действия составляют словообразовательные типы отглагольных имен действия, то "общекатегориальными" должны быть признаны семантические, морфологические и синтаксические свойства отглагольных имен действия. Статус имени действия может быть "присвоен" неотглагольному деривату–существительному только при наличии этих свойств.

Проблема статуса имени действия предполагает рассмотрение по меньшей мере трех вопросов: 1) является ли имя действия обозначением только отвлеченных действий; 2) каковы типичные семантические, морфологические, синтаксические свойства отглагольных имен, обусловливающие их центральное положение в рамках семантико-словообразовательной категории nomina actionis; 3) каковы указатели процессуального значения существительных. Рассмотрим каждый из этих вопросов.

1.1. Известно, что глагол – это та часть речи, в которой обобщенное значение "процессуальности" выражается определенными морфологическими категориями [Исаченко 1960:7]. Процессуальность, движение во времени, – это общее свойство переменных признаков, выражаемых глаголами: действий, процессов, состояний.

Именем действия принято называть субстантивный аналог глагола. "Tato slova, formalně substantiva, vyjadřují jako slovesa děje v nejširším smyslu slova (činnosti, stavy, změny stavu)" ("Эти слова, формально существительные, выражают, как и глаголы, деятельность в самом широком смысле слова (действия, состояния, изменения состояний") [Šmilauer 1971:65]. Ср.: «It is to be noted that the distinction between verbs and substantives has nothing to do with such ideas as activity and change. The fundamental idea of the substantive *movement* is the same as that of the verb *move*; and so is that of *observation* and *observe*, *relience* and *rely*, *error* and *err* etc. The only difference between the substantives *look*, *dream*...and the verbs *look*, *dream*...is their role in the sentence, but their signification is the same. The distinction between them is a purely grammatical one" ("Следует заметить, что различие глаголов и существительных [nomina actionis – *Е.К.*] не обусловлено такими идеями, как "деятельность" и "изменение". Основная идея существительного *movement* "дижение" та же, что у глагола *move* "двигаться"; это относится и к парам *observation* "наблюдение" и *observe* "наблюдать", *relience* "надежда" и *rely* "надеяться", *error* "заблуждение" и *err* "заблуждаться". Единственным различием существительных *look* "взгляд", *dream* "мечта" и глаголов *look* "взглянуть", *dream* "мечтать" является их роль в предложении. Сигнификативные же их значения тождественны. Различие между ними чисто грамматическое» [Jespersen 1911:152]).

В русском языке, как и в польском, нет термина, соответствующего чешскому **jmeno dějů**, который используется для обозначения всех переменных свойств, выражаемых именами существительными, т.е. действий, состояний, процессов. В этой связи вынужденно используется термин **имя действия** (в полонистике – соответственно

nazwa czynności). Как отмечает Я. Пузынина, использование в составе этого термина слова **czynność** (**действие**) достаточно условно, его выбор объясняется тем, что именно слово **czynność** (**действие**) "używa się czesto jako representanta wszelkich treści wyrażanych czasownikami...a jeszcze szerzej – wszelkich cech niestałych" ("часто используется как репрезентант всех понятий, выраженных глаголами, ... и шире – как репрезентант всех непостоянных свойств") [Puzynina 1969:157]. Слова **действие** и **czynność** в определениях глагола как части речи в русистике и в полонистике употребляются в качестве синонима слова **процессуальность**. Частными процессуальными значениями являются значения собственно действия, процесса и состояния. Соответственно термином **имя действия** (**nazwa czynności, nomen actionis**) обозначаются "процессуальные" существительные со значениями собственно действия, процесса, состояния. Есть смысл выяснить, в чем состоит специфика этих значений с тем, чтобы более четко дифференцировать различные типы имен действия.

Действия и процессы связываются с представлением о нестатичности, отличительным их признаком является то, что смена фаз действий и процессов происходит синхронно реальному протеканию времени [Comrie 1976:49]. Из этого следует, что предикаты действия и процесса могут сочетаться с временными детерминантами типа *каждую минуту, всегда*.

Состояния, так же, как действия и процессы, имеют пофазное существование, т.е. в каждый данный момент возникает следующая фаза существования, но она абсолютно идентична предыдущей и не требует приложения энергии для своего возникновения [Vendler 1967 : 99; Lyons 1977 : 483]. Состояние не может выступать как параметр, образующий объект [Селиверстова 1982 : 127].

Рассматривая предикаты с процессуальными значениями в аспекте динамики/статики, выделяют динамические и статические явления. К динамическим явлениям относят процессы (длительная деятельность) и события, поступки, происшествия (недлительная деятельность). Как статические явления характеризуют состояния, ситуации, поведение [Булыгина 1982 : 84–85].

События и происшествия противопоставляются друг другу по признаку преднамеренности (событие) / непреднамеренности (происшествие). Событие, как и происшествие – "готовый факт, скачок", в отличие от процесса [Маслов 1948]. Событие может быть дискретно и поэтому разложимо на отдельные действия. Так, событие, названное словом *дуэль*, можно представить как серию действий, последовательно сменяющих друг друга: подготовка и зарядка пистолетов, промеривание расстояния, схождение противников, прицеливание, выстрелы и т.д. События характеризуются тем, что в них участвуют определенные люди.

Глаголы со значением происшествия описывают лишь происшедшее в некоторый момент времени событие, но не подразумевают, что это событие было подготовлено каким бы то ни было процессом. Они не способны выражать отдельное действие в процессе его осуществления (занятость подлежащего выполнением этого действия) и потому не могут сочетаться с дуративными обстоятельствами типа *целый час, медленно*.

Поступок определяется как сознательное действие, акт нравственного самоопределения. Поступок обычно является объектом субъективной оценки [Сахно 1992 : 95].

Поведение, образ жизни и действий, характеризуется как статическое явление ввиду того, что оно не требует приложения энергии для своего возникновения. В отличие от состояния поведение – это контролируемое явление [Булыгина 1982 : 69].

Признавая имена действия субстантивными аналогами глаголов, с которыми они входят в одно функционально-семантическое поле действия [Гак 1992 : 79], необходимо включать в их состав – по аналогии с семантическими типами глагольных предикатов – как существительные с общими значениями процесса, действия, состояния, так и существительные с частными значениями события, происшествия, поступка, поведения.

1.2. В традиционных определениях имени действия непременно отмечается, что это производная номинация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так частично и в синтаксическом плане (см., например [Кубрякова 1978 : 84]). Предполагается при этом, что имя действия, как и любое другое существительное, характеризуется грамматическим значением предметности, которое находит свое выражение в морфологических и синтаксических свойствах этой части речи. Однако уже в XIX веке обращалось внимание на морфологические последствия глагольного происхождения имен действия. А.Х. Востоков считал, что "в существительном отглагольном теряется означение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, например, *читание, прочтение, читывание*" [Востоков 1835 : 108].

М.М. Покровский писал о совмещенных следах переходных и непереходных глаголов, ср.: *удаление* (*удалить/удалять* и *удалиться/удаляться*) [Покровский 1959 : 220–221]. В работах современных ученых отмечается, что событийная семантика, свойственная именам действия, соотносима с осью времени, благодаря чему они способны формировать номинативные предложения типа *Давка. Погрузка* (см. [Казаков 1993]).

Исследователи этого разряда существительных, как правило, указывают, что поведение отглагольных имен действия в предложении имеет свои особенности по сравнению с существительными других лексико-грамматических разрядов [Золотова 1982; Казаков 1993]. Специфика отглагольных имен действия по сравнению с конкретно-предметными существительными, совместимыми лишь с определительными распространителями, заключается в их способности, подобно глаголам, поддерживать со своим ближайшим окружением актантные синтаксические отношения, маркирующие различных участников действия. Значительные различия между именами действия и конкретно-предметными существительными обнаруживаются и в рамках сочетаний с определительными отношениями. Анализируя словосочетания *быстрая ходьба, напряженная работа, повторное напоминание, долгий разговор, удачное решение*, Г.А. Золотова отмечает, что прилагательные здесь "не те, что определяют признаки, качества предметов, это характеристики действия, процесса с точки зрения его протяженности во времени, интенсивности, результативности" [Золотова 1982 : 125].

По всей видимости, способность отглагольных существительных сохранять синтаксические валентности производящих глаголов и их категориальные свойства породила представление о том, отглагольные имена действия являются особой формой глагола: такое мнение высказывалось в 50-е гг. XX в. относительно существительных на *-ние*, наиболее регулярно образующихся от глаголов [Вайан 1952 : 277; Balaž 1954]. В работе Г. Балажа проводилась аналогия с чешскими и словацкими существительными на *-ní, -tí/-nie, -tie*, которые в традиционных грамматиках Paulineho, Štolca, Ružičky [Pauliny et al. 1955 : 240] и Havranka, Jedličky [Havranek et al. 1951 : 132] включаются в парадигму глагола. (Сходное мнение высказывается и в работе [Sotak 1978].)

В русистике отглагольные существительные со значением действия никогда не характеризовались как глагольные формы (исключение составляет работа Г. Павского [Павский 1850]). А.М. Пешковский называл их **глагольными существительными**, поскольку сопоставляя пары типа *произнесение – произношение, удвоение – удваивание, приобретение – приобретание*, обнаружил в анализируемых именах действия оттенки видовых значений. В этой связи он считал возможным говорить о "смешении существительного с глаголом" [Пешковский 1956 : 112]. Не называя отглагольные имена действия глагольными формами, А.М. Пешковский указывал на их особый статус в системе существительного как части речи.

Обсуждая возможность включения отглагольных имен действия – и прежде всего – имен на *-к(а)* – в словоизменительную парадигму глаголов, М.В. Панов отмечал, что основной причиной, препятствующей такому включению, является нестандартность значений у большинства этих образований [Панов 1962 : 33–34].

Сопоставляя в аспекте наличия видовых и залоговых значений русские отглагольные существительные со значением отвлеченного действия с чешскими и словацкими, А.В. Исаченко отмечал, что в русском языке, как правило, отглагольное существительное соотнесено с обеими видовыми формами глагола. Например, существительное *объяснение* может быть воспринято как существительное к глаголу *объяснить* (сов. в.) и *объяснять* (несов. в.). Ярко выраженное видовое значение (несовершенного вида) сохраняется лишь за существительными, образованными от глаголов с суффиксом *-ыва-/-ива-* (*расстегивание, отбрасывание, покашливание, развешивание* и т.п.). А.В. Исаченко отмечает также, что значение залога (активность и пассивность) может ощущаться у русских отглагольных существительных типа *изучение* только при сопоставлении с такими существительными, образованными от причастий, как *изучаемость* или *изученность*. Само же по себе отглагольное существительное типа *изучение* не имеет грамматически выраженного значения залога.

В отглагольных именах действия временные, аспектуальные и залоговые значения, присущие производящим глаголам, морфологически не выражены, что отличает девербативы от глагольных форм. Глагольные морфологические категории у отглагольных имен действия становятся семантическими, не исчезая бесследно. Так, например, анализируя предложение: "*Дима ворочался, не мог заснуть, в черноте серел квадрат окна, потом провал в полусон, тяжесть на груди, болотные рожи, цветной туман, чмокающие шаги, бормотанье, спазма пробуждения, тело в поту*" (Н. Плотников), В.П. Казаков отмечает, что девербатив *провал* в приведенном контексте имеет временную (прошедшее время), аспектуальную (совершенный вид, общерезультативный способ действия) и залоговую (средне-возвратный залог в трехзалоговой концепции, действительный залог в двузалоговой концепции) характеристики [Казаков 1993].

1.3. При транспозиции "глагол → имя существительное" глагольная основа утрачивает активный динамический характер процессуального значения. Естественно, утрачиваются одновременно с этим и синтагматические свойства производящего глагола, унаследованные именем действия. Нейтрализация этих свойств приводит к сужению лексических и изменению синтаксических связей опредмеченного отглагольного имени действия. Процесс опредмечивания отглагольных nomina actionis развертывается не в хронологическом, а прежде всего в генетическом плане, так как различная степень выражения предметности свойственна данным словам в самых ранних памятниках. Иногда развитие вторичных предметных значений рассматривается как основание для "вывода" отглагольных существительных за рамки категории nomina actionis (см. [Казаков 1993]).

Отсутствие лексического тождества с глаголами даже у отглагольных имен действия и регулярность их опредмечивания обусловливают необходимость компонентного анализа их семантики, выявления лексико-синтаксических и морфологических указателей процессуальности существительных.

1.3.1. Установлено, что для имен действия типовым является следующий набор семантических признаков: 1) процессуальность, 2) субъектность, 3) объектность, 4) локальность, 5) темпоральность, 6) контролируемость/неконтролируемость, 7) характер действия, 8) целенаправленность, 9) результативность [Вакарюк 1985]. При этом не исключается возможность варьирования данных признаков в семантике имен действия различных типов. В качестве основного метода выявления сем при анализе "предполагаемых" nomina actionis может быть использовано вычленение их методом компонентного анализа из словарных дефиниций (если слово зарегистрировано в словаре). Процессуальное значение легко обнаруживается в случае, когда имя соотносится с такими развернутыми дефинициями – суждениями, в которых ключевыми словами выступают слова с ярко выраженными процессуальным значением: *акт, акция, действие, процесс, состояние*. Однако эти лексемы в идентифицирующей функции в толкованиях слов используются довольно редко. В тех случаях,

когда в качестве слова–идентификатора выступает лексема с невыраженным процессуальным значением, применяется метод ступенчатой идентификации. Например: *должность* "служебное положение в каком-либо учреждении, предприятии и связанные с ним обязанности" [САН-IV], *обязанность* "то, что входит в круг обязательных *действий*, поступков кого-либо согласно закону или общественным требованиям, или внутреннему побуждению, долг" [САН-IV]; *сан* "звание, связанное с высоким и почетным общественным положением в дореволюционной России" [САН-IV], *положение* "место, роль отдельного человека в обществе" [САН-IV], *роль* – 3) "работа, род деятельности, проявление себя в качестве кого-либо" [САН-IV]. Таким образом, исходные лексемы *должность, сан, положение* вступают в опосредованную корреляцию с лексемами *действие* и *деятельность*, эксплицирующими процессуальное значение анализируемых слов. Следовательно, имена, в словарных дефинициях которых используются слова *должность, положение, сан*, являются именами действия.

Для выявления процессуального значения может быть применен и метод синонимического тождества, когда слово толкуется целым рядом синонимов. Ср.: *безумство* "безумие, сумасшествие, помешательство". Достаточно в одном из синонимов обнаружить процессуальное значение, чтобы приписать его всем единицам, составляющим синонимический ряд. Этот метод применим и в случаях отсутствия четких словарных дефиниций: они заменяются подбором контекстов, содержащих синонимы с выраженными процессуальными значениями (при анализе материала древнерусского и старорусского языка). Например: "*Купечьство* живущихъ подолгъ моря" (в нов. списке: *купли*) Книга Второзакония XXXIII.19 по сп. XIV в. [Срезн. 1989,I : 1376][1].

1.3.2. Как известно, существует взаимосвязь семантических и синтаксических свойств слова. Следовательно, синтаксическая сочетаемость слова может указывать на наличие в его семантике той или иной скрытой семы (в данном случае – процессуальной).

1.3.2.1. В результате анализа большого числа контекстов с именами действия – девербативами установлено, что они проявляют процессуальное значение в сочетаниях с глаголами следующих лексико-семантических групп (см. [Кузнецова, Сиверина 1979]): I. Глаголами, указывающими на фазовость действия (с оттенком совершения действия кем-либо): 1) начинательность (*заняться, начать, приступить, развернуть*); 2) продолжение (*продолжить, продлевать, удлинить*); 3) совершение действия, с оттенком длительности (*вести, заниматься, проводить, производить*); 4) окончание (*бросить, завершить, кончить, прекратить*); II. Глаголами, указывающими на совершение действия, без оттенка совершения действия кем-либо: 1) со значением начинательности (*начинаться, развертываться*); 2) со значением продолжения (*идти, протекать, проходить, совершаться*); 3) со значением окончания (*завершаться, кончаться, прекращаться*); III. Глаголами, указывающими на передачу или приобретение навыка (*научить, натренировать, учить*); IV. Глаголами, указывающими на изменение характера протекания действия: 1) со значением интенсивности протекания процесса (*активизировать, интенсифицировать, стимулировать, ускорить*); 2) со значением ослабления интенсивности протекания действия (*замедлить, затруднить, отсрочить, тормозить*); V. Глаголами со значением воздействия на субъект с целью привлечения его к совершению действия или устранения от совершения действия: 1) со значением вовлечения (*вовлечь, воодушевить на, втянуть, втравить*); 2) со значением отстранения (*отвлекать, отстранять, удержать*); 3) со значением разрешения на совершение действия (*дозволять, допускать, позволять, разрешать*); 4) со значением запрещения совершения действия (*возбра-*

[1] В статье применяются сокращения, принятые в Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.), Словаре русского языка XI–XVII вв., Словаре русского языка XVIII века, "Словаре древнерусского языка" И.И. Срезневского, Словаре современного русского литературного языка (Т. 1–17).

нять, воспретить, запретить); VI. Глаголами со значением противодействия совершению процесса (*воспрепятствовать, мешать, помешать, сдерживать*); VII. Глаголами, указывающими на уклонение от совершения процесса (*воздерживаться, избегать, отговориться*); VIII. Глаголами, указывающими на преднамеренность в совершении процесса (*запланировать, наметить, планировать, предполагать*); IX. Глаголами со значением сообщения процессу организованного характера (*координировать, согласовывать, упорядочить*).

1.3.2.2. Для таких явлений, как действие, состояние, процесс, характерны количественные изменения. Значение степени, интенсивности, отражающее количественные отношения величины, меры, передаются в языке словами разных частей речи, в том числе и прилагательными. В результате анализа словосочетаний прилагательных и отглагольных имен действия в памятниках древнерусского и старорусского языка, а также в современном русском языке исследователями определены разряды прилагательных с количественными значениями, сочетаемость с которыми приводит к актуализации процессуальной семы (см. [Мельникова 1959; Михайловская 1965; Романова 1968; Золотова 1982; Шелихова 1985]). Это: а) местоименные прилагательные *весь, всякий, всяческий*, например: *"все пагубьство"* – Ив. Гр., 171; б) порядковые прилагательные типа *второй*: "Святіи мужи... въпіють о *вторѢмъ его пришьствіи"* – Кир. Тур., 81; в) качественные прилагательные *большой, велий, великий, зельный, малый, многый*; см. словосочетания, типичные для памятников XI–XVII вв.: *великое гоненіе, великое скорбное терпѢніе, от многаго трясенія.*

Переносные количественные значения могут появляться и у прилагательных типа *безмерный, ненасытный, страшный, ужасный: безмѢрное объяденіе, воровство* и т.п. [Шелихова 1985 : 110]. В этих переносных количественных значениях названные прилагательные вместе с прилагательными типа *большой, великий* входят в градационный синонимический ряд, интегральным признаком которого является характеристика неодинаковой меры, интенсивности действия или состояния.

1.3.2.3. Показателем процессуальности существительного является его способность занимать синтаксическую позицию обстоятельства цели, средства, причины действия. В этой позиции имена, образованные от переходных глаголов, сохраняют значения действия и процесса даже при отсутствии объектного распространителя: "твое царское от Бога мудрое прироженіе *во умноженіе* вѣры христіянскія" Пересветов, 68; "Она же едва слезнаго *ради* великого народа *моленія* на се преклонилася" Статьи о Смуте, 1320 (см. [Шелихова 1973]).

О процессуальности существительного свидетельствует также его употребление в роли обстоятельства времени в сочетании со словами, указывающими на фазу действия, состояния, процесса: "*В началѣ мучительства* своего" Соч. Курб., 295.

Исходя из набора сем, типичного для отглагольных имен действия, можно заключить, что на процессуальное значение существительных должно указывать наличие зависимых форм со значением субъекта и объекта, например: "*За воровство Волотки Чанчикова* (= "за то, что *Волотка Чанчиков воровал*") – Мат. медицин., 256. 1662 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 3]; "О *воскормлении дѣтеи* (= *воскормити дѣтеи*) попечение" – Корм. Балаш., 348 об. XVI в. [там же, 139].

Средством объективации процессуального значения у неотглагольных существительных может быть наличие однородных членов – отглагольных имен действия. Ср.: "обьщеѥ *бл҃женьство* (= прославление) и *рыданьѥ* вѣдѣти ѥсть" – ГА XIII–XIV, 151 г [ДРС-I].

1.3.3. Морфологическим показателем процессуальности абстрактных существительных является употребление в формах множественного числа, показывающих различные проявления действия либо его повторяемость [Гак 1989 : 110]. Логично предположить, что если абстрактное существительное в формах множественного числа имеет такие значения, то в форме единственного числа оно обозначает действие

вообще. Например: *кровопролитство* – "*кровопролитства* делати" – Ив. Гр., 218, *подозрительство* – "*никакихъ подозрительствъ*" – ГКЭ, IV, 307.

2.0. О принадлежности целого ряда отыменных абстрактных существительных к семантико-словообразовательной категории nomina actionis свидетельствует их сочетаемость с лексико-синтаксическими и морфологическими показателями процессуальности, типичными для отглагольных имен действия.

2.1. Так, процессуальность отсубстантивных существительных на *-ство*, обозначающих должность, занятие, поведение, сан лица, в контекстах, относящихся к различным периодам русского литературного языка, эксплицируется в следующих синтаксических условиях: 1) при сочетании с фазовыми глаголами: "мъного бѣ тогда неудобьство новогонению приставшю и *еретицьствоу начьншю*. нъ и ересь бйю бл҃годатию тѣмь разорена бы(с)" – ПрЛ XIII, 103 в. [ДРС-III]; "От Рюрика *начася державство* въ Новѣграде" – Кн. Степ., 3, XVI–XVII вв. ~ 1560 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 4]; "Тетка встретила его приветливо, с чувством благодарности за то, что он решился для нее *покинуть* свое *затворничество*" – Гончаров, Обыкновенная история [САН-IV]; "*Ученичество кончилось* для него и для Виктора и неожиданно и слишком рано" – Горбатов, Донбасс [САН-IV]; 2) при сочетании с глаголами со значением воздействия на субъект с целью привлечения его к совершению действия или устранения от совершения действия: "Дьꙗконъ по дьꙗконьствѣ блоудъ створивыи *отъвьрьженъ* оубо *дьꙗконьства боудетъ*" КЕ XII 18 об. [ДРС-II]; "которыи диякъ... речи перепишетъ не такъ как на суде говорили, да его бити кнутомъ да *отставити от диячества*" – Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г., 12 (По списку собрания Ф.Ф. Мазурина. М., 1890); 3) при сочетании с глаголами, указывающими на уклонение от совершения действия: а ѥже бо *отврещисѧ мнішьства* и любве бйа..." ПКП 1406, 168 б [ДРС-IV]; "*Остерегись от эдакого дурачества*" – Лук. Постоянство, 13 [СРЯ XVIII в., в. 7]; "Не глупо ли я поступил, *отказавшись от делегатства*?" – П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк, 13 янв. 1878 г. Сан-Ремо; 4) при употреблении в функции обстоятельства цели, времени: "*на диаконьство* приведе его" – ВМЧ, Дек. 6–17, 1031, XVI в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 4]; "Бе же сеи старець *при игуменьствѣ* Федосееве" – Моск. л., 11 [СРЯ XI–XVII вв., т. 6]; 5) в составе словосочетаний со словами, указывающими на время: "и поставленъ бы(с) патриархомь констѧнтина гра(д) / и *въ ст҃льствѣ ·д҃· лѣт и ·г҃· м҃ци / прѣбылъ* с миромь оусле" – Прол. 1383 г., л. 86 б; "*въ десятое лѣто государства* великого князя Василия Ивановича" Соф. II лет., 280 [СРЯ XI–XVII вв., т. 4]; "*При следующем государствѣ* производим был суд над графом Соммерсетом" – Жит. Бак. 30 [СРЯ XVIII в., в. 5]; "*...в годы генсекства* узурпатора Горбачева вы пострадали из-за гражданского неповиновения антиалкогольной кампании" Моск. правда, 31 марта 1993 г.; 6) при примыкании к имени обстоятельства места: "О *Государствѣ на* сем <Балтийском> *морѣ*" – ЛТ I 103 [СРЯ XVIII в., в. 5]; 7) при управлении родительным падежом объекта и субъекта, творительным объекта: "аще бѣда тебѣ ѥсть, не отъпасти отънѫдь *винограда коупьчьствомъ*" – Гр. Наз. XI в., 116 [Срезн., т. I]; "да набдять *жречество сихъ*" – Козма Инд., 102, XVI в. ~ XIV–XV вв. [СРЯ XI–XVII вв., т. 5]; "начало *владычьства Царей*" – Стрхв. [СРЯ XVIII в., в. 3]; "Положение усугубляется *партнерством сил* империализма" – Изв. 1980 г. 2 дек.; "назойливое *управленчество искусством*" – Огонек, 1980, N 47; 8) при сочетании с местоименными прилагательными: "Погано мысльнии звѣздочьтиѥ приѥмлюще. и *все вълъшьство* и простосмотрениѥ и чародѣиствы" – КЕ XII, 272 а; "Который союз его царское величество *безъ всякого вредительства* весма соблюдает" – Письма и бумаги Петра I, т. IV, 1026, 1706 г. [СРЯ XVIII в.]; "*Никакое вольнодумство* не может коснуться чистоты Богом данных и хранимых истин" – Пнк. 1800 г., 29 [СРЯ XVIII в., т. 4]; "Пока он (Л. Толстой) жив,

дурные вкусы в литературе, *всякое пошлячество* будут далеко и глубоко в тени" – А.П. Чехов – М.О. Меньшикову, 28 янв. 1900 г., ПСС, т. 18; 9) при сочетании с прилагательными с количественными значениями: "Погублю всѣхъ обитающихъ въ градѣ семъ человѣки и скоты *губительствомъ великимъ*" – Іер. XXI, 6 [Срезн., т. 1]; "Может быть, нѣкогда буду я имѣти *болѣе* над сердцем моим *владычества*" – Иосиф (Б) 131 [СРЯ XVIII в., в. 3].

Принадлежность к категории nomina actionis имен на *-ство*, обозначающих должность, звание, сан лица, подтверждается наличием у них переносных метонимических значений "место" и "время" – типичных вторичных значений имен действия. Например: *епископьство* 1) "деятельность, правление епископа": "посла...кнѧзь Всеволодъ Гюргеви(ч) Павла *на еп(с)пьство* в Русьскыи Переѧславль." – ЛЛ 1377, 140 об. (1198) [ДРС-III]; 2) "время правления епископа": и ꙗже *въ еп(с)пьствѣ* стѧжа цр҃кви приходна соуть кꙗ же есть еп(с)пъ – КР 1284, 254 г [там же]; 3) "область, управляемая епископом": "кождо въ свое *еп(с)пство* [ПрЛ XIII, 48 в – в свою *кпи(с)пью*] пущенъ бы(с). ПрЮр XIV, 58 в [там же]); *герцогство* 1) "титул; правление, владетельное право герцога": "Карл позвал меня ко двору своему для подтверждения моего *на Герцогствѣ*" – Оберон 13 [СРЯ XVIII в., в. 5]; 2) "владение герцога": "*Герцогство* Лауенбург обрѣтается в нижней Саксонии" Прим. Вед. 1728, 31 [там же]. Значение "место", наряду со значением "звание (положение) лица", отмечается у слов *аббатство, графство, ханство, царство* и под. как в период первой фиксации этих слов, так и в современном русском языке.

Морфологическим показателем процессуальности отсубстантивных существительных на *-ство* является присоединение флексии множественного числа, указывающей на повторяемость действия. Например: "*чародѣиства* и вълъшьство съвьршати" – КЕ XII, 277 а [ДРС-II]; "в тѣхъ мѣсто куплѧ и бесѣды суетныхъ и житиискыхъ. к сему же и смѣхъ прилагающихъ. и грохотаньꙗ. и *корчьмьства*. и пьꙗньства..." – ПНЧ XIV, 149 а [ДРС-IV); "утѣшения въ скорбехъ, въ *бѣдствахъ* пособьствия" – АИ IV, 367, 1667 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 1]; "Той же окаянный, коликих бед и *злобств* велицей России не излиял..." – Каз. сказ., 209, XVII в. [СРЯ XI–XVII вв., т. 6].

На значение состояния у отсубстантивных существительных на *-ство* указывает сочетаемость с глаголами *впасть/впадать в, жить в*: "Любяи *бѣдьство впадетъ въ* не" – I. Сир. III, 25 [Срезн., т. I]; "Старичку сему наскучило как-то наконец *жить* в прежнем *вдовствѣ* своем" – Зап. Блтв. II 309 [СРЯ XVIII в., в. 2]; "*В прелюбодѣиство впасть* единожды довольно..." – Жив. 311 [СРЯ XVIII в., в. 4].

2.2. Все отадъективные существительные с формантом *-ство*, как правило, относят к разряду nomina qualitatis. Однако у значительного числа этих существительных в определенных контекстах четко выявляется процессуальное значение. На значение действия в контекстах, относящихся к любому историческому периоду русского языка, указывают: 1) сочетаемость с фазовыми глаголами: "Пора... *беспутство кинуть*" – Карамзин. Исправление; "можно было *заняться* кутежом, интрижками... *театральством*" – Добролюбов. Что такое обломовщина?; 2) сочетаемость с глаголами, обозначающими противодействие: "*противитисѧ* бѣсовьскому дѣиству. и *пронырьства* ихъ" – Летопись Лаврентьевская, владимирский свод 1305 г., по сп. 1377 г., л. 62 об. [Полное собрание русских летописей. М., 1962, т. 1); "его же видѣвъ *безъбожьство...обличи*" Пр XIV в. (6), 43 г. [ДРС-I]; 3) сочетаемость с каузативными глаголами: "И ныне таково есть *бесчиньство чинитца* над церковью божиею..." Послание Геннадия еп. Нифонту, XV в., сп. XVI в., 313 [СРЯ XI–XVII вв.]); "*предая* всяческому *безпамятству*" – Рим. имп. д. IX,590, 1699 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 1]; 4) употребление существительного в роли обстоятельства цели или

причины: "*благо(д)тьства ради* превосходѧщаго..." – ПНЧ 1296, 86 об. [ДРС-I]; "*Отъ питаньства* и отъ питаниѧ на безаконик излѣзѣше" Избор. 1076, 236; 5) сочетаемость с местоименными прилагательными *весь, всякий, всяческий*: "*Въ всѧкомъ благоговѣинствѣ* пожити" – Григ. Пап., XIII в. [Срезн., т. 1]; "*всѧкого пронырьства* испълънени" – Успенский сборник XII–XIII вв., 95 в; "предая *всяческому безпамятству*" – Рим. имп. д. IX,590, 1699 г. [СРЯ XI–XVII вв., т. 1]; "цѣловали крест... без *всякого душевредства*" – ПСЗ III, 279 [СРЯ XVIII в., в. 7]; 6) наличие однородных членов предложения – типичных наименований отвлеченного действия: "*лицемѣрьство*. хоулениѧ" Успенский сборник XII–XIII вв. 179 в 22; 7) управление субъектным дополнением в родительном падеже: "...*буйство народа*" – Херасков [СРЯ XVIII в., в. 2]; "*Беспутство мужа* обнажилось перед ней: долги, любовницы, истории в клубах" – Бобор., Перевал, ч. III, гл. 16 [ССРЛЯ, т. 1].

Значение состояния у отадъективных существительных эксплицируется при сочетании с глаголами *жить в, впадать в, приходить в*, например: "Дѣвушка *живя въ безчинствѣ*, собирала имѣнія столько, сколько могла" – Курганов. Письмовник, I, 167, 1790 г. [СРЯ XVIII в.], "Раздражаясь, он *приходил в бешенство* и тогда начинал бить посуду, ломать мебель" Новиков-Прибой, Цусима, кн. 1, VIII, 2. [САН-17, т. 1].

Скрытая, не имеющая формального выражения сема "действие" может объективироваться в лексических значениях отадъективных существительных также с помощью присоединения словоизменительной парадигмы множественного числа, например: "тот пустился...во всѣ непотребны *беспутства*..." – Трд. Тилем., I, 97 [СРЯ XVIII в., в. 2]; "Тут презрѣв ее *всѣ* низкие *ехидства*, Крючки законностей, пролазы и *безстыдства*, на правости своей себя он утвердил" – Капн. Ябеда. [СРЯ XVIII в., в. 7].

Отадъективные имена действия на *-ство*, входя в систему словообразования nominum actionis, безусловно, играют в ней второстепенную роль, поскольку эти существительные имеют синкретичные значения качества-действия и состояния-свойства (см. [Коряковцева 1994]). Актуализация какого-либо из компонентов значения отадъективных существительных на *-ство* (качественности или процессуальности) зависит либо от внешнего контекста (сочетания с фазовыми глаголами и т.д.), либо от внутреннего контекста (присоединения словоизменительной парадигмы множественного числа к суффиксу *-ств-*).

Функционирование на протяжении столетий отадъективных и отсубстантивных имен действия на *-ство* в системе семантико-словообразовательной категории nomina actionis, очевидно, объясняется тем, что и при наличии отглагольных существительных с ярко выраженными процессуальными значениями в языке постоянно идет поиск средств для выражения действий, замкнутых в субъекте, а также действий, близких по характеру к качественному состоянию. На данном этапе развития исторического словообразования и исторической грамматики задача состоит в том, чтобы с помощью показателей процессуальности, типичных для отглагольных имен действия, выявить и описать с различных точек зрения – семантической, морфологической и синтаксической – все неотглагольные производные nomina actionis в истории русского языка и в современном языке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ДРС – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–1992. Т. I–IV.
СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1993. Т. 1–18.
СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–1992. Вып. 1–7.
САН-IV – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. I–IV.
САН-17 – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I–III.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булыгина Т.В. 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Вайан А. 1952 – Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Вакарюк Л.А. 1985 – Структурно-семантический анализ имен существительных со значением процесса, не мотивированных глаголами: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985.

Виноградов В.В. 1978 – О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. // Избранные работы по истории русского литературного языка. М., 1978.

Востоков А.Х. 1835 – Русская грамматика. СПб., 1835.

Гак В.Г. 1983 – Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.

Гак В.Г. 1992 – Номинация действия // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Грамматика 1960 – Грамматика современного русского языка. Т. 1. М., 1960.

Грамматика 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика... 1980 – Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Земская Е.А. 1973 – Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Золотова Г.А. 1982 – Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Исаченко А.В. 1960 – Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.

Казаков В.П. 1993 – Имена действия в грамматике и словаре // ФН. 1993. № 3.

Коряковцева Е.И. 1994 – Имена действия в русском языке: периферия словообразовательной категории (отадъективные nomina actionis в истории русского языка) // ИАН СЛЯ. 1994. № 5.

Кубрякова Е.С. 1978 – Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.

Кузнецова Г.А., Сиверина Е.Г. 1979 – Лексические указатели процессуального значения отглагольных существительных в современном русском языке // Лексическая семантика и словообразование в русском языке. Куйбышев, 1979.

Маслов Ю.С. 1948 – Вид и лексическое значение глагола в русском языке // ИАН СЛЯ. 1948. № 4.

Мельникова М.К. 1959 – Из наблюдений над синонимикой качественных прилагательных в языке "Повестей о Смуте" // Уч. зап. ЛГУ. Т. 202. Л., 1959.

Михайловская Н.Г. 1965 – Синонимичные прилагательные в языке древнерусских памятников XI–XIV вв. // ИАН СЛЯ. 1965. № 1.

Павский Г. 1850 – Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, отделение первое. СПб., 1850.

Панов М.В. 1962 – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка. М., 1968.

Пешковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Покровский М.М. 1959 – Материалы для исторической грамматики латинского языка // Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Романова Н.П. 1968 – Имена действия в памятниках русского языка XVI столетия: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1968.

Сахно С.А. 1992 – Действие в контексте естественного языка // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Селиверстова О.Н. 1982 – Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.

Трубачев О.Н. 1994 – Синхрония и диахрония - und kein Ende // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.

Улуханов И.С. 1994 – Основы построения исторического словообразования русского языка // Русистика сегодня. 1994. № 1.

Шелихова Н.Т. 1973 – Словообразование отглагольных имен на *-ние* / *-ение*, *-тие* в памятниках русского языка XV–XVII вв.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Шелихова Н.Т. 1985 – Атрибутивные сочетания со значением количественной характеристики имен действия в старорусских памятниках // Восточные славяне: Языки. История. Культура. М., 1985.

Balaž G. 1954 – Abstraktné deverbativa v ruštině // Sovetská jazykověda. 1954. N 4.

Bally Ch. 1944 – Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1944.

Comrie B. 1976 – Aspect. L.; N.Y.; Melbourn, 1976.

Gramatyka... 1959 – Gramatyka spisowa języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego i B. Wieczorkiewicza. Warszawa, 1959. T. I.

Gramatyka... 1984 – Gramatyka współczesnego języka polskiego. Słowotwórstwo / Pod red. R. Grzegorczykowej, R. Laskowskiego, H. Wrobla. Warszawa, 1984.
Havranek B. et al. 1951 – Zakladní jazyková příručka. Praha, 1951.
Jespersen O. 1911 – The role of the verb // Germanisch-romanische Monatsschrift, 1911. N 3.
Lamprecht A. et al. 1986 – Historická mluvnice češtiny. Tvoření slov. Praha, 1986.
Lyons J. 1977 – Semantics. Cambridge; L.; N.Y., 1977.
Pauliny E. et al. 1955 – Slovenská gramatika. Martin, 1955.
Puzynina J. 1969 – Nazwy czynności we współczesnem języku polskim. Warszawa, 1969.
Sotak M. 1978 – Dejové substantiva v slovenčině a v ruštině. Bratislava, 1978.
Stein J., Zawiliński R. 1926 – Gramatyka współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1926.
Šmilauer V. 1971 – Novočeské tvoření slov. Praha, 1971.
Vendler Z. 1967 – Verbs and times // Linguistics in philosophy. Ithaca, 1967.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. М.В. ДОРОХОВА

К ВОПРОСУ О СЛОЖНОЙ РИТМОГРУППЕ

(на материале американского варианта английского языка)

Цель данной статьи – описать особенности сложной ритмогруппы как просодического[1] явления и показать функции сложной ритмогруппы в тексте (на материале американского варианта английского языка).

Задачи статьи – рассмотреть 1) акцентно-мелодическую организацию сложной ритмогруппы (далее – слРГ), 2) временну́ю организацию слРГ и 3) связь слРГ с лексико-синтаксической организацией текста.

Объектом исследования являются восемь монологических звучащих текстов. Каждый текст начитан отдельным диктором, носителем GA (General American). Тексты взяты из учебных пособий по обучению английскому языку в его американском варианте на среднем и продвинутом этапах обучения. Общая длительность текстов составила 20 минут и 3 секунды. Тематика, длительность исследуемых текстов, их произносительный стиль и эмоциональная окраска даны в Таблице 1 (эмоциональность и стиль произношения представлены по результатам опроса аудиторов-американцев).

Исходным положением является представление о речевом ритме как о сложной системе (периодичность в речи сходных и соизмеримых речевых явлений) [Антипова 1980 : 9], что включает, с одной стороны, упорядоченное чередование сильных и слабых элементов (например, ударных и безударных слогов) в потоке речи, чередование акцентных структур различной иерархии [Шахбагова 1992 : 226], и с другой – периодичность употребления определенных тонов, мелодических контуров, являющихся фонетическим наполнением метрических схем. На супрасегментном уровне сходство речевых единиц определяется в основном акцентно-мелодическим компонентом просодии, а их соизмеримость – ее временным компонентом [Бурая 1982 : 10].

Ритмогруппа берется в нашем исследовании за основную ритмическую единицу и определяется как ударный слог с примыкающими к нему безударными слогами. (В случае наличия в синтагме предтакта безударный слог или слоги предтакта примыкают к первому ударному слогу синтагмы.) Границы ритмических групп были определены по традиционному энклитическому принципу, в соответствии с которым последующие безударные слоги в синтагме тяготеют к предшествующему ударному слогу.

Предметом исследования является ритмическая группа.

Различаются простые и сложные РГ. Простая РГ характеризуется наличием одного ударения с примыкающими к нему безударными слогами. Сложная РГ содержит два или более ударных слога, где первое выделенное слово несет ударение

[1] Под просодией в данной работе понимается сложное единство следующих компонентов: 1) речевой мелодии, 2) фразового ударения, 3) временных характеристик (длительность, темп, паузация), 4) ритма и 5) тембра. (Тембр, как компонент просодии, в данной работе не рассматривается.) Просодия, как любое фонетическое явление, может быть рассмотрена в четырех планах: 1) артикуляторном (физиологическом), 2) перцептивном, 3) акустическом (физическом), 4) лингвистическом (функциональном). В нашу задачу входит рассмотрение сложной ритмогруппы как просодического явления в перцептивном, акустическом и лингвистическом планах.

Таблица I

Тематика и длительность исследуемых текстов

Номер текста	Тематика текста	Длитель-ность	Эмоц. окраска	Стиль произноше-ния
1	Комментарий-реклама специалиста в области социальных исследований	3' 6''	Э/О	П/Р
2	История о черепахе – эпизод из детских воспоминаний рассказчика	1' 12''	Э/Ослаб.	Р
3	Письмо в редакцию, мнение читателя о стиле жизни современного общества	1' 39''	Э	П
4	Инструктаж для авиапассажира – дружеский совет	1' 17''	Э/О	П/Р
5	Лекция для студентов – рекомендация о способах конспектирования лекций	1' 26''	Э/О	П
6	Лекция-беседа для абитуриентов о порядке зачисления в университеты США	2'	Э/О	П
7	Обучающая лекция для студентов-иностранцев о членении речи на смысловые группы	5' 5''	Э/О	П
8	Обучающая лекция для студентов по подготовке устного выступления	4' 22''	Э/О	П

Эмоциональная окраска речи:
Э/О – эмоционально-оживленная речь
Э – эмоциональная речь

Стиль произношения:
П – полный
Р – разговорный
П/Р – полный-разговорный (описанный аудиторами-американцами как рассчитанный на небольшую аудиторию)

первой степени[2], второе (третье и т.д.) – ударение второй степени [Антипова 1984 : 27]. Отметим, что "при определении типа ритмогруппы большую роль играет мелодия... В сложной ритмогруппе ударные слоги и промежуточные безударные стремятся к одному тональному уровню... что способствует их более тесной связи... В сложную ритмогруппу входят слова, тесно связанные по смыслу [там же]. На слух слРГ воспринимается как некое подобие синкопы[3], нечеткого ритма. Сложная РГ, в состав которой входят два ударных слога, является двухрядовой. Сложная РГ, в

[2] Традиционно принято различать четыре степени ударения во фразе: ударения первой степени – все главноударные слоги во фразе, ударения второй степени, которые по сравнению с ударением первой степени несколько ослаблены, ударения третьей степени, характеризующиеся ослаблением и низким тональным уровнем и ударение четвертой степени, соответствующее безударности. В данной работе ударениям первой степени соответствуют ядерные (Я) и полные (П) ударения – все главноударные слоги во фразе, ударению второй степени и ударению третьей степени соответствует частичное ударение (Ч), ударению четвертой степени – безударность (Б/У).

[3] "Синкопа" является известным музыкальным термином. "Синкопа" – перенесение акцента с метрически более сильной доли на более слабую. Типичный случай – продление звука со слабого времени на сильное или относительно сильное... Основной признак синкопы – отклонение реальной акцентуации от нормативной, предписанной тактовым метром, создающие ритмические "диссонансы", которые разрешаются в момент совпадения обеих артикуляций [МУ 1981].

состав которой входят более двух ударных слогов, называется многорядовой. Всего было проанализировано 1691 РГ, из них 419 – сложных РГ.

Краткое описание эксперимента

Известно, что GA как национальный вариант английского языка характеризуется на супрасегментном уровне особой мелодикой. Американская речь обычно характеризуется как несколько монотонная по сравнению с британской речью, что можно объяснить следующими факторами: 1) использованием ровного и ровного-волнообразного движения тона среднего уровня в предтерминальной части контура, 2) суженного диапазона всего высказывания, 3) более медленного темпа и 4) более сложной ритмической структуры высказывания, чем в речи британского варианта английского языка [Шахбагова 1982 : 61], акцентуацией, особым распределением длительностей между ударными, частично ударными и безударными слогами. Все это в совокупности создает эффект плавного произнесения фразы. Регулярное чередование слогов различной степени выделенности создает сложный ритмический рисунок фразы [Графова 1982 : 37].

Ожидалось, что в исследуемом материале будут представлены простые и сложные ритмогруппы. Эксперимент по исследованию ритмических групп текстов являлся частью общего анализа ритмической организации указанных текстов и состоял из аудиторского анализа, проведенного преподавателями-фонетистами (n = 6), и инструментального анализа.

В задачу аудиторов-фонетистов входило: 1) разделить фразы текста на синтагмы и указать фразовое ударение, а именно: выделить ядерное ударение (Я); полное ударение (П); частичное ударение (Ч); 2) определить характер и направление движения тона в предтерминальной и терминальной частях синтагм.

В данной работе под фразовым ударением понимаются все типы слоговыделенности, "вся совокупность ударных слогов во фразе" [Барышникова 1976], которая реализуется в речи через контрасты по степени выделенности, а также через позиционные и комбинаторные свойства ударных слогов, лежащих в основе формирования акцентной структуры фразы [Артемов 1987 : 17]. На основе этой концепции выделяются следующие типы фразового ударения: во-первых, выделены ядерные и неядерные ударения, и во-вторых, среди неядерных выделяются полное и частичное ударения. Слоги, воспринимаемые как частично ударные, соответствуют меньшей, но не минимальной смысловой важности слова. С полноударными слогами частично ударные образуют одну комплексную смысловую единицу, а на фонетическом уровне – сложную ритмогруппу. Полное ударение (в более широком смысле оно включает все главноударные слоги синтагмы, т.е. "ядерное" и "полное") отличается от частичного как в структурном отношении (тонально–нетонально, сильно–слабо выделенное), так и в плане дистрибуции (полное ударение не встречается в заядерной позиции, частичное – встречается, полное ударение образует ритмогруппу, а частичное – не образует, т.к. не является самостоятельным ударением).

В ходе инструментального анализа сложных ритмогрупп замерялся уровень максимальной частоты основного тона (ЧОТ) на полноударном (П/У) слоге и на частичноударном (Ч/У) слоге сложной РГ, диапазон слРГ, уровень максимальной интенсивности на полноударном (П/У) и частичноударном (Ч/У) слогах слРГ, длительность П/У слога и Ч/У слога в слРГ, общая длительность слРГ и количество слогов в ней (включая безударные слоги данной слРГ, если они есть). ЧОТ измерялась в герцах (Гц), интенсивность – в относительных единицах, длительность – в миллисекундах (мс). Всего было проанализировано 1691 ритмогруппа, из них 1272 – простых и 419 – сложных ритмогрупп. Количество двухрядовых слРГ значительно превышает количество многорядовых слРГ (как 88% и 12% соответственно). Следует отметить, что отношение полноударных слогов (П/У) к частичноударным (Ч/У) и к безударным (Б/У) в среднем по всем текстам равно 3,4 : 1 : 4,5 и количество ударных слогов (П/У + Ч/У) примерно равно количеству безударных (в среднем по всем текстам):

(П/У + Ч/У) : Б/У = 1 : 1,1

Таблица 2

Распределение слРГ в синтагме (в %)

N текста	кол-во слРГ	место слРГ в синт. (в %)		
		начало	середина	конец
1	75	55	21	24
2	40	45	15	40
3	28	32	11	57
4	29	48	10	42
5	26	58	12	30
6	50	48	32	20
7	82	48	18	34
8	89	57	15	28
Всего		В среднем по текстам (в %)		
	419	49	16	35

Таблица 3

Акцентные типы сложных ритмогрупп, их типичные мелодические контуры, место в синтагме и диапазон

Место слРГ в синтагме контур слРг диапазон	Начало	Середина	Конец	Количество слРГ данного контура
нисх.-волн. П Ч	П+Ч Ч+П Ч+П+Ч	П+Ч	Я+Ч Ч+Я Ч+Я+Ч	70%
диапазон	7 пт	5 пт	8 пт	
ровн.-волн. П Ч	П+Ч Ч+П Ч+П+Ч	П+Ч	– –	15%
диапазон	3 пт	1,5 пт		
восх.-волн. Ч П	Ч+П	– –	Я+Ч	12%
диапазон	6 пт		3 пт	
нисх.-восх (восх. + восх.) Я Ч (Я + Ч)	– –	– –	Я+Ч Ч+Я Ч+Я+Ч	3%
диапазон			8 пт	
Всего слРГ 419	49%	16%	35%	

Данные соотношения слоговыделенности важны потому, что показывают значительную акцентную насыщенность текстов, при которой длина межударного интервала достаточно коротка. Следовательно, чередование ударных (разной степени выделенности) слогов и безударных слогов оказывается приближающимся к идеальной ритмической модели "ударный/безударный/ударный".

Результаты исследования показали, что для монологического чтения в GA характерен ритм смешанной структуры, где простые РГ преобладают над сложными, при этом отношение слРГ к простым РГ в среднем по всем текстам равно 1 : 3. Однако Текст 2 и Текст 4 имеют больший процент сложных РГ (до 38% в Т. 2 и 30% в Т. 4), при этом слРГ в этих текстах более равномерно занимают маргинальное положение в синтагме (см. табл. 2). Следует отметить, что оба этих текста были названы аудиторами-американцами как наиболее близкие к разговорному стилю произношения.

Маргинальное положение слРГ в синтагме обусловлено небольшой протяженностью синтагм (94% синтагм по всем текстам состоят из 1–4 РГ, и 86% синтагм имеют протяженность от 600 до 2500 мс), тенденцией выделения начала и конца синтагмы как наиболее значимых ее частей. (Эта особенность речевой мелодии фразы в GA отмечена Д. Болинджером как тенденция [Bolinger 1986 : 48].) Далее нами установлено, что в начале синтагмы слРГ встречаются чаще всего (49% всех слРГ). Вероятно, причина этого явления та же, что и для выделенности первого ударного слова в синтагме – зависимость от его местоположения во фразе, "an accent at some favoured spot" [Bolinger 1964 : 286]. Таким образом, в слРГ попадают группы подлежащего и группы сказуемого, если они являются достаточно распространенными, т.е. состоят из одного или более знаменательных слов. Исследуя структурирующую функцию ритмогруппы на материале британского варианта английского языка, И.В. Месхишвили делает вывод, что "в английском языке наблюдается тенденция как бы собирать всю группу подлежащего или всю группу сказуемого вместе в одной слРГ" [Месхишвили 1990 : 53]. Вероятно, подобная особенность присуща и GA.

Были выделены 6 акцентно-мелодических типов слРГ, которые различаются по занимаемому месту в синтагме, по акцентно-мелодической структуре и по лексико-синтаксическому построению. (Общие данные акцентного состава и направления движения тона внутри слРГ представлены в Таблице 3.)

Особенности мелодического оформления синтагм текстов выразились в высоком проценте нисходящих предтерминальных и терминальных частей синтагм широкого и среднего диапазона (в среднем по текстам 65% и 70% соответственно), где для предтерминальной части характерно нисходяще-волнообразное движение тона, а для терминальной части – восходяще-нисходящее движение тона. Отсюда большинство слРГ в исследуемом материале имеют нисходящий (в основном – нисходящий-волнообразный) мелодический контур (см. табл. 3).

Рассмотрим следующие акцентно-мелодические типы сложных ритмогрупп:

(1) П + Ч – полноударный слог + частичноударный слог (вариант – П + Ч + Ч). Данный тип слРГ наиболее представлен в текстах (44% всех слРГ имеют структуру П + Ч), при этом в начале синтагмы они представлены чаще (60%), в середине синтагмы – реже. В основном представлены слРГ типа П + Ч нисходящего-волнообразного мелодического контура (85% структур П + Ч), где П/У слог находится на вершине "волны", а Ч/У слог – на скате "гребня волны", продолжающегося до следующего П/У слога – подъема новой "волны".

Примеры сложной РГ "П + Ч" нисходяще-волнообразного контура в начале синтагмы:

E|leven will •get 'married|, but |five will •get di\vorced[4].

[4] Сложные ритмогруппы в работе подчеркнуты. Вертикальная линия обозначает границу синтагмы. В статье приняты следующие нотации:

П + Ч, 5 слогов; П + Ч, 5 слогов
Диапазон слРГ 8 пт; диапазон слРГ 5 пт
длительность – 700 мс; длительность – 720 мс

Мелодический контур обеих сложных ритмогрупп нисходящий-волнообразный. Рассмотрим акустические параметры ударных слогов в данных слРГ:

1) *...E|leven will •get...*
ЧОТ П/У = 160 Гц; ЧОТ Ч/У = 140 Гц
Int П/У : Int Ч/У = 1.2
t П/У = 180 мс; t Ч/У = 180 мс
2) *...but |five will •get di...*
ЧОТ П/У = 140 Гц; ЧОТ Ч/У = 120 Гц
Int П/У : Int Ч/У = 1.1
t П/У = 190 мс; t Ч/У = 200 мс

Наблюдения показывают, что в слРГ "П + Ч" нисходящего-волнообразного контура частичноударный слог находится в отношении взаимной компенсации к полноударному слогу: он расположен на более низком уровне; чем П/У слог, уровень интенсивности на Ч/У слоге несколько ниже, чем на полноударном слоге, но выше, чем на безударных слогах в слРГ, а длительность частичноударного слога несколько превышает длительность П/У слога (см. табл. 4).

Рассмотрим лексико-синтаксический состав сложных ритмогрупп в данном примере. Здесь первый П/У слог подлежащего объединяет в слРГ глагольную часть составного именного сказуемого – *get married, get divorced*. Заметим, что повтор, как стилистический прием, часто сопровождается повтором ритмического рисунка синтагмы. Подобный параллелизм можно рассматривать как проявление симметрии на уровне ритмогрупп (в этом случае – как явление переносной симметрии).

В многосинтагменной фразе слРГ "П + Ч" может повторяться в начале почти каждой синтагмы, например:

\We|, at |US •A To\ day|, have |spent •over a ↑ |million \dollars|
to dis|cover •some sur/prising|, 'startling|, and conf|licting •con\ clusions.

Каждая из подчеркнутых слРГ имеет акцентный тип "П + Ч" и нисходяще-волнообразный контур:

... *|at |US •A To\ day|* ...
130Гц – 110Гц
П + Ч (5 слогов, 8 пт)

Полное ударение для эмфатического выделения перенесено на 1-й слог (|U-), а третий слог (-•A) несет частичное ударение в аббревиатуре USA;

... *|have |spent •over a ↑ |million \dollars|* ...
120 Гц – 110 Гц
П + Ч (5 пт, 5 слогов), Ч/У слог падает на наречие *over*, для выделения его как

• – (жирная точка) – отмечено частичное ударение в предтерминальной части и в заядерной позиции в случае восходящего терминального тона или восходяще – нисходящего терминального тона;

| – (вертикальная черточка вверху) отмечено полное ударение в предтерминальной части синтагмы;

| – (вертикальная черточка внизу) отмечено частичное ударение в заядерной позиции после нисходящего терминального тона (частиное ударение на низком уровне);

\ – нисходящий терминальный тон;

/ – восходящий терминальный тон;

˅ – нисходяще-восходящий терминальный тон.

значимого слова и объединяет в слРГ сказуемое и группу дополнения;

... |*to dis*|*cover* •*some sur'prising*|, ...

127 Гц – 100 Гц

П + Ч (4 пт, 6 слогов), Ч/У слог выделяет неопределенное местоимение *some* и объединяет в слРГ сказуемое и группу дополнения;

... |*and conf*|*licting* •*con*\ *clusions.*

160 Гц – 130 Гц

П + Ч (5 пт, 5 слогов), Ч/У слог изменяет акцентную структуру слова *con'clusion* и выделен за счет увеличения интенсивности (Int Ч/У : Int П/У = 1.3). В слРГ объединены определение и частичноударный слог определяемого существительного, составляющие в предложении группу дополнения.

Данный пример показателен, т.к. представляет тенденцию чередования ударных (П/У и Ч/У) и безударных слогов в потоке речи, где количество ударных стремится быть равным количеству безударных, и тенденцию появления сходных акцентно-мелодических структур в потоке речи.

Нами были отмечены следующие случаи изменения акцентной структуры слова за счет появления Ч/У слога в одноакцентном слове:

(1) |*im* |*portant* (5) |*indu* |*stry*

(2) |*con* |*clusion* (6) |*re* |*search*

(3) |*di* |*verse* (7) |*con* |*tent*

(4) |*i* |*dea* (8) |*subse* |*quent* и некоторые другие.

Часто слРГ "П +Ч" возникает в случае сохранения акцентной структуры слова:

Slowly|, |*almost* •*imper*\ *ceptibly*| ...

It |*demon* •*straits the*/*ways*| ...

... | *and the* |*shop* •*keeper* /*said*| ...

Как правило, слРГ "П + Ч" объединяет сложные смысловые единства. Так, сложная РГ "П + Ч" может объединять подлежащее и часть составного сказуемого (|*They've* •*been con*|*ducted*...), части составного сказуемого (... |*keep* •*going* ...), сказуемое и обстоятельство (... |*get* •*there* ...), сказуемое и дополнение (... |*throw* •*them a*˅ *way*...), а также составные глаголы и их производные (..*that are* |*traded* •*in* \ *daily*...), сложные и составные числительные (*He is* |*thirty* •*one* •*years* /*old*...).

СлРГ акцентного типа "П + Ч" нисходяще-волнообразного контура в середине синтагмы сходна с слРГ "П + Ч" нисх.-волн. контура в начале синтагмы и отличается только более узким диапазаном (См. Таблицу 3).

СлРГ "П + Ч" ровного-волнообразного контура характеризуется нахождением вершин обоих ударных слогов на одном уровне ЧОТ (а Б/У слоги могут образовывать нисходяще-восходящее движение). Диапазон такой слРГ не превышает 4 пт.

Частичноударный слог находится в сложной РГ "П + Ч" ровного-волнообразного контура в отношении взаимной компенсации к П/У слогу (См. Таблицу 4), поэтому частичноударный слог выделен, в основном, за счет одного параметра – ЧОТ (т.е. ЧОТ П/У = ЧОТ Ч/У), а полноударный слог выделен бóльшей длительностью и бóльшим уровнем интенсивности, например:

... |*eight* •*hundred and*...

132 Гц 132 Гц

П + Ч – 2 пт, 4 сл.

...| |*not so* •*very* |*long a* •*go* ˅*either*| ...

97 Гц – 92 Гц; 110 Гц – 92 Гц

П + Ч, 3 пт, П + Ч, 4 пт.

Таблица 4

Акустические параметры относительной выделенности ударных слогов в сложных ритмогруппах

Акцентн. состав слРГ	Контур слРГ	Место слРГ в синтагме	Средн. диап. в пт	Выделенность П/У за счет параметров			Выделенность Ч/У слога (-ов) за счет параметров		
				ЧОТ	Int	t	ЧОТ	Int	t
П+Ч	нисх.-волн.	начало	6 пт	+	+(⊥)	–	–(⊥)	⊥(–)	+
		середина	4 пт						
П+Ч	ровн.-волн.	начало	2 пт	⊥	+	+	⊥	⊥	–
		середина	2 пт	⊥	–	+	⊥	+	–
Ч+П	восх.-волн.	начало	7 пт	+	–	+(–)	–	+	–(+)
Ч+П	ровн.-волн.	начало	2 пт	⊥	–	+	⊥	+	–(⊥)
							$Ч/У_1$ $Ч/У_2$	$Ч/У_1$ $Ч/У_2$	$Ч/У_1$ $Ч/У_2$
Ч+П+Ч	нисх.-волн., ровн.-волн.	начало	6 пт	+	–(⊥)	⊥	⊥ –(⊥)	+ –	– +
Я+Ч	нисх.-волн., нисх.-восх.	конец	8 пт	+	+	–	–	⊥(+, –)	+
			11 пт	+	+	–	–	⊥	+
Я+Ч	восх.	конец	5 пт	–(⊥)	+	–(⊥)	+(⊥)	–	+(⊥)
Ч+Я	нисх.-волн.	конец	8 пт	+	–	+	⊥	+	–
							$Ч/У_1$ $Ч/У_2$	$Ч/У_1$ $Ч/У_2$	$Ч/У_1$ $Ч/У_2$
Ч+Я+Ч	нисх.-волн.	конец	8 пт	+	–(⊥)	–(+)	⊥ –	+ –	– +(⊥)

Обозначения: + – выделен (значение параметра – наибольшее в слРГ)
⊥ – относительно выделен (значение параметра несколько меньше наибольшего)
– – не выделен (значение параметра меньше наибольшего и меньше среднего, выделенного относительно)

Данный пример показателен, т.к. представляет тенденцию появления сложной РГ, если ей предшествует другая слРГ. При этом обе сложные ритмогруппы имеют одну и ту же акцентную структуру (в данном примере "П + Ч") и представляют собой сложный групповой ритм, при котором ударные слоги сложных ритмогрупп сгруппированы по два и образуют ряд из двух сложных и одной простой РГ (образованной ядерным ударением).

(**2**) В начале синтагмы довольно часто встречается слРГ акцентного типа "Ч + П", где частичноударный слог приходится на низкий предтакт и примыкает к первому полноударному слогу синтагмы как проклитика. Всего слРГ типа "Ч + П" по всем текстам отмечено 64. Большинство из них имеют восходяще-волнообразный контур, где частичноударный слог расположен на более низком уровне ЧОТ, чем полноударный слог, уровень интенсивности частичноударного слога превышает уровень полноударного слога, длительность частичноударного слога меньше длительности П/У слога, но больше длительности безударного слога, например:

•*Do you* |*have a*/*pencil*| ...
Ч + П – 9 пт, 4 слога
... | *if* •*those* |*turtles were* *healthy*.
Ч + П – 3 пт, 5 слогов

Рассмотрим акустические параметры ударных слогов данных сложных ритмогрупп:

1) •*Do you* |*have a* ...
ЧОТ Ч/У = 110 Гц; ЧОТ П/У = 190 Гц
Int Ч/У : Int П/У = 1.4
t Ч/У = 100 мс; t П/У = 120 мс

2) ... | *if* •*those* |*turtles were*
ЧОТ Ч/У = 100 Гц; ЧОТ П/У = 110 Гц
Int Ч/У : Int П/У = 1.3
t Ч/У = t П/У = 200 мс

Следовательно, в сложной РГ акцентного типа "Ч + П" частичноударный слог находится в отношении взаимной компенсации к полноударному слогу и выделен, в основном, за счет акустического параметра – интенсивности (относительно полноударного слога слРГ) и за счет длительности (относительно безударного слога (слогов) слРГ): см табл. 4.

Начальное положение сложной ритмогруппы акцентного типа "Ч + П" определяет ее лексико-синтаксическое наполнение. СлРГ "Ч + П" может объединять группу подлежащего, или группу подлежащего и глагольную часть составного сказуемого, или группу сказуемого и подлежащего (во фразе с обратным порядком слов). Частичным ударением в слРГ данного типа выделяется служебное слово – местоимение, вспомогательный глагол, союз, частица, междометие.

Предполагается, что основной причиной такого "неудобного" положения Ч/У слога в предтакте является довольно сильная тенденция смещения ударения к началу синтагмы в сумме с тенденцией к чередованию ударных и безударных слогов в потоке речи в GA.

(3). В начале синтагмы выделяется акцентная структура слРГ "частичноударный слог + полноударный + частичноударный" ("Ч+П+Ч") которая объединяет как признаки слРГ "полноударный + частичноударный", так и слРГ "частичноударный + полноударный". Этот тип слРГ образуется как и слРГ "П + Ч", но только при наличии частичноударного слога в предтакте (как в случае слРГ "Ч + П"). В исследуемом материале таких слРГ – 20. СлРГ "Ч+П+Ч" образует тесное семантическое единство и объединена мелодически. Большинство слРГ типа "Ч+П+Ч" имеет нисходяще-волнообразный контур с начальным повышением на первом частичноударном слоге (предтакта) и полноударном слоге, где достигает максимального значения ЧОТ, и понижением тона на П/У слоге и втором Ч/У слоге, например:

•*So I* |*ran* •*back to the* *pet* ↓*shop*| ...
Ч + П + Ч (5 пт, 6 слогов)
•*When you* |*come* •*out of the* *gate*| ...
Ч + П + Ч (10 пт, 6 слогов)

Акустически ударные слоги в сложных РГ типа "Ч+П+Ч" выделены:

1) •*So I* |*ran* •*back to the* ...
100 Гц 140 Гц 100 Гц
Int Ч/У$_1$: Int П/У : Int Ч/У$_2$ = 1.2 : 1: 0.8
t Ч/У$_1$ = 210 мс; t П/У = 250 мс; t Ч/У$_2$ = 250 мс;

2) •*When you* |*come* •*out of the* ...
130 Гц 215 Гц 200 Гц
Int Ч/У$_1$: Int П/У : Int Ч/У$_2$ = 1.3 : 1: 0.9
t Ч/У$_1$ = 130 мс; t П/У = 240 мс; t Ч/У$_2$ = 190 мс;

Следовательно, частичноударные слоги в слРГ акцентного типа "Ч+П+Ч" находятся в отношении взаимной компенсации к полноударному слогу, где П/У слог

выделен наибольшим уровнем ЧОТ, первый частичноударный слог (предтакта) – наибольшим уровнем интенсивности, а второй частичноударный слог – длительностью (относительно полноударного и первого Ч/У слогов сложной ритмогруппы). См. Таблицу 4.

СлРГ "Ч+П+Ч" может объединять подлежащее и сказуемое или часть группы сказуемого и подлежащее.

Следует отметить, что слРГ "Ч+П+Ч" чаще встречается в текстах с несколько дробным, "синкопическим" ритмом, более типичным для разговорной речи.

Рассмотрим слРГ в конце синтагмы.

(**4**). Наиболее часто в конце синтагмы в исследуемом материале встречаются слРГ акцентного типа "ядерный слог + частичноударный слог" ("Я + Ч" или "Я+Ч+Ч"). Число таких слРГ по всем текстам составило 100 или 23% всех слРГ. В связи с тем, что этот тип слРГ образован ядерным слогом и частичноударным слогом (или слогами) в заядерной позиции, мелодический контур слРГ "Я + Ч" определяется характером терминального тона и может быть нисходящим, восходящим и нисходяще-восходящим, т.к. эти три вида терминального тона являются самыми распространенными в нашем материале. Количество слРГ акцентного типа "Я + Ч" нисходящего мелодического контура – 79, восходящего – 8, нисходяще-восходящего – 13.

Более всего слРГ "Я + Ч" имеют ядром нисходящий терминальный тон восходяще-нисходящей конфигурации среднего и широкого диапазона (4–12 пт), где заядерная часть находится на уровне конца нисходящей части терминального тона (или слегка продолжает нисходящее движение (диапазон заядерной части редко превышает 2 пт), например:

... |*and* |*we are* *thousand* ,*nations* ...
Я + Ч, (5 пт, 4 слога)

Здесь сложная ритмогруппа "Я + Ч" объединяет именную часть составного именного сказуемого. Ядерное ударение образует восходяще-нисходящий терминальный тон, падает на числительное-существительное *thousand*, а Ч/У слог приходится на определяемое существительное *nations*, находящееся в заядерной позиции.

Акустически ударные слоги в данной сложной РГ выделены:

... *thousand* ,*nations* ...
114 Гц – 80 Гц
170 мс – 230 мс
Int Я/У : Int Ч/У = 2.5

Незначительную часть слРг "Я + Ч" нисходящего контура составляют слРГ, ядро которых имеет ровный-нисходящий терминальный тон, а заядерная часть с частичноударным слогом образует ровную-нисходящую ступенчатую структуру, например:

|*Twelve* |*billion* |*dollars* •*will be* |*spent on* *lottery* ,*tickets*.
Я + Ч – 6 пт, 5 слогов.

Сложная ритмогруппа "Я + Ч" образует группа дополнения, состоящая из словосочетания "существительное-определитель + определяемое существительное".

Значительная часть сложных ритмогрупп "Я + Ч" образована ядерным ударением с нисходяще-восходящим движением тона. Вариантом нисходяще-восходящего терминального тона в GA является сложный терминальный тон "восходящий + восходящий". Оба варианта этого терминального тона представлены в текстах, в том числе, в качестве сложной ритмогруппы "Я + Ч". В обоих вариантах нисходяще-восходящего терминального тона первая его часть несущая ядерное ударение, имеет бóльший диапазон и бóльшую интенсивность, а Ч/У слог выделен большей длительностью,

например:

If you ˩look to the ˩right of the ˅flight •number | ...
Я + Ч – 11 пт, 3 слога

Акустически ударные слоги в данной сложной РГ выделены:

... *˅flight •number* | ...
183 Гц 100 Гц
Int Я/У : Int Ч/У = 2.6
240 мс 240 мс

Сложная ритмогруппа "Я + Ч" в данном примере объединяет часть группы обстоятельства, выраженную словосочетанием "существительное-определитель (Я/У) + определяемое существительное (Ч/У)".

Следует отметить, что в данной двухсинтагменной фразе сложные ритмогруппы "Я + Ч", обусловленные лексико-синтаксическим фактором, образуют сходные акцентные структуры в обеих синтагмах, а противоположное движение тона в ядерных группах ("восходящий + восходящий" – "восходяще-нисходящий") создают ощущение зеркальной симметрии (если рассматривать акцентно-мелодическое подобие этих двух синтагм):

If you ˩look to the ˩right of the ˅flight •number |,
П П Я + Ч,
you'll ˩see the ˧gate number.
П Я + Ч

СлРГ "Я + Ч" может иметь восходящий мелодический контур. В текстах представлено 8 случаев таких реализаций слРГ "Я + Ч". Большинство из них имеет ровный-восходящий или ровный-восходящий ступенчатый мелодический контур, например:

•*Do you ˩have a ˊpencil*| *and ˩something to ˊwrite •on*?
Я + Ч – 3 пт, 2 слога

Сложная ритмогруппа в данном примере образована глаголом с послелогом (составным глаголом). Акустически ударные слоги в данной слРГ выделены:

... *ˊwrite •on*?
172 Гц – 200 Гц
190 мс – 360 мс
Int Я/У : Int Ч/У = 1.5

В сложной РГ акцентного типа "Я + Ч" частичноударный слог (или слоги) находится в отношении взаимной компенсации к ядерному слогу. В случае нисходящего и нисходяще-восходящего движения тона в ядерном слоге, он выделен наибольшим уровнем ЧОТ, диапазоном, а также может быть выделен большей интенсивностью. Частичноударный слог в заядерной позиции выделен по отношению к ядерному большей длительностью (иногда – бóльшим уровнем интенсивности). В случае, когда ядерный слог образует восходящий терминальный тон, частичноударный слог в заядерной позиции имеет бóльший уровень ЧОТ, а ядерный слог выделен наибольшим уровнем интенсивности, и уступает Ч/У слогу по длительности.

Сложная ритмогруппа акцентного типа "Я + Ч" образует тесное смысловое единство. Чаще всего сложная РГ "Я + Ч" образована частью составного сказуемого или частью группы сказуемого, например:

1) ... |*and ˩we are ˧thousand nations*| ...

– слРГ "Я + Ч" объединяет именную часть составного именного сказуемого,

2) |*Why* *can't we*|*act* |*be**fore this* |*happens*?

– слРГ "Я + Ч" объединяет составное модальное сказуемое и подлежащее, обстоятельство, подлежащее и сказуемое (во фразе с обратным порядком слов),

3) *I'm* |*going to* *share with* |*you*| ...

– слРГ объединяет часть составного аспектного сказуемого и дополнение,

4) |*When we* •*have* |*no re* *sources* |*left*| ...

– сложная ритмогруппа "Я + Ч" состоит из группы дополнения,

5) *I* |*guess* |*yesterday was its* *birth* |*day* ...

– слРГ "Я + Ч" может сохранять акцентную структуру двухакцентного слова.

СлРГ "Я + Ч" может образовывать синтагму: *Follow* |*them*| ... (сложная ритмогруппа ("Я + Ч") является односоставным предложением), ... *of* /*family* •*life*| ... [сложная ритмогруппа ("Я + Ч") является однородным дополнением].

(5). Сложная ядерная группа может иметь акцентный тип – "Ч + Я". Если ядерная группа образует синтагму, возможен случай, когда ядерному слогу предшествует предтакт, в котором имеется выделенный частичноударный слог. В этом случае он примыкает как проклитика к ядерному слогу. Как правило, на нашем материале предтакт низкий, ядерный слог может иметь как нисходящее, так и восходящее движение тона и выделен по отношению к Ч/У слогу двумя акустическими параметрами, тогда как Ч/У слог – одним параметром, например:

And •*he* *said*|, •*Oh* *yes*|, ...
Ч + Я |, Ч + Я
115 Гц – 115 Гц, 110 Гц – 110 Гц
140 мс – 230 мс, 200 мс – 240 мс
Int Ч/У : Int Я/У = 1,1; Int Ч/У : Int Я/У = 0,3
... |*and* |*said to the* |*same* *clerk*| •*who was* *there* ...
Ч + Я (5 пт, 3 слога)
104 Гц – 115 Гц
120 мс – 275 мс
Int Ч/У : Int Я/У = 1,2
The |*biggest* *difference* |*det*•*ween* /*spoken*| *and* *written language*| /*is*| ...
Ч + Я (3 пт, 4 слога)
165 Гц – 200 Гц
300 мс – 220 мс
Int Ч/У : Int Я/У = 0.4

(6). Еще один тип ядерной сложной ритмогруппы возможен, когда ядерная группа образует синтагму – "Ч+Я+Ч". Этот тип объединяет как признаки слРГ "Я + Ч", так и слРГ "Ч+Я", например:

... |•*how* *long do you* |*think*| ...
Ч + Я + Ч, 6 пт, 5 слогов

– здесь косвенный вопрос образует слРГ "Ч + Я + Ч":

... |•*that is* ˇ*thrown* •*away*| ...
Ч + Я + Ч, 8 пт, 5 слогов,
100 Гц – 177 Гц – 100 Гц
140 мс – 330 мс – 180 мс
Int Ч/У$_1$: Int Я/У : Int Ч/У$_2$ = 0,8 : 1: 0,6

– здесь придаточное определительное предложение образует слРГ "Ч + Я + Ч".

Как правило, синтагма, состоящая из одной ядерной группы, является выделенной эмфатически – обособлена паузами, имеет терминальный тон среднего или широкого диапазона. В случае, когда ядерная группа достаточно распространена, в ней могут

Таблица 5

Длительности сложных и простых РГ данного количества слогов и отношения слРГ к простым РГ (данного количества слогов)

Кол-во слогов в РГ	2	3	4	5	6	7	8	9
Дл-ть СлРГ (мс)	540	645	740	880	1.050	1.080	1.080	1.570
Дл-ть Пр. РГ (мс)	430	530	620	750	840	–	–	–
Отношение дл-ти СлРГ к Пр. РГ	1.25	1.2	1.2	1.2	1.25			

быть выделены частичным ударением в заядерной части значимые слова и служебные слова (в предтакте). В этом случае образуется слРГ "Ч+Я+Ч", т.е. данный тип слРГ является обусловленным просодически и лексико-синтаксически. Всего в исследуемом материале представлено 6 случаев слРГ данного типа. Акустическими параметрами ее является:

ЧОТ Ч/У$_1$ < ЧОТ Я/У > ЧОТ Ч/У$_2$;
Int Ч/У$_1$ > Int Я/У > Int Ч/У$_2$ или
Int Ч/У$_1$ < Int Я/У > Int Ч/У$_2$;
t Ч/У$_1$ < t Я/У < t Ч/У$_2$ или
t Ч/У$_1$ < t Я/У > t Ч/У$_2$;

т.е. в данную слРГ входит ядерный слог, несущий восходяще-нисходящий терминальный тон, этот слог наиболее выделен по частотному параметру, имеет широкий (средний) диапазон, по динамическому параметру и выделен длительностью. Ч/У$_1$ слог (в предтакте) чаще всего выделен динамически, а Ч/У$_2$ слог (в заядерной позиции) выделен длительностью.

Рассмотрим сложные и простые ритмогруппы по двум параметрам: а) количеству слогов, составляющему их, и б) их длительности. Примечательно, что длительности ритмогрупп (как простых, так и сложных), имеющих в своем составе одинаковое количество слогов, незначительно отличаются от текста к тексту. Важным явилось то, что средняя длительность слРГ (данного количества слогов = n) устойчиво оказывалась больше средней длительности простой РГ (данного количества слогов = n), а их отношение (сложных РГ к простым РГ) равнялась (1.2 ∓ 0.01) : 1. Эта зависимость была отмечена по каждому тексту отдельно и по всем текстам с усредненными данными. Усредненные значения длительности сложных и простых ритмогрупп и соотношения слРГ и простых РГ данного количества слогов приведены в Таблице 5.

Наблюдаемое явление свидетельствует о том, что в структурах, рассматриваемых нами как слРГ, дополнительную длительность (по сравнению с простой ритмогруппой данного количества слогов) придает Ч/У слог. Это соответствует наблюдениям, полученным на материале GA, где длительность гласного на полноударном, частичноударном и безударном слогах составляет неравенство: П/У > Ч/У > Б/У, и где средняя длительность частичноударного гласного равна 102 мс, полноударного гласного на 30 мс больше данной величины, а безударного – на 40 мс меньше данной величины [Christal, House 1988].

Сложные и простые РГ различаются по количеству слогов, их составляющих. Так, 84% простых РГ в исследуемых текстах содержат от одного до четырех слогов длительностью в среднем от 360 до 620 мс, 100% простых РГ содержат от 1 до 6 слогов, а абсолютные пределы простых РГ составляют 140 – 1.020 мс.

Сложные РГ имеют в своем составе большее количество слогов – 94.5% слРГ содержат от двух до шести слогов длительностью 540 – 1.050 мс, 100% слРГ содержат от 2 до 10 слогов, а их абсолютные пределы составляют 380 – 1.630 мс (см. табл. 7 и 8).

Таблица 6

Средние длительности простой РГ, слРГ, синтагмы и их соотношения (по каждому тексту отдельно и по всем текстам среднее)

№ текста	Длительность в мс			Соотношения		
	простая РГ ($\bar{t}$)	сложная РГ ($\bar{t}$)	синтагма ($\bar{t}$)	прРГ / слРГ	прРГ / синт	слРГ / синт
1	440	700	1.370	1:1.6	1:3.1	1:1.96
2	355	600	920	1:1.7	1:2.6	1:1.5
3	520	880	1.300	1:1.7	1:2.5	1:1.5
4	510	700	1.450	1:1.4	1:2.8	1:2.1
5	470	860	1.345	1:1.8	1:2.9	1:1.6
6	470	640	1.530	1:1.4	1:3.2	1:2.4
7	480	770	1.300	1:1.6	1:2.9	1:1.7
8	470	760	1.340	1:1.6	1:2.9	1:1.8
по всем текстам среднее	460	740	1.320	1:1.7	1:2.9	1:1.8

В ходе исследования ритмогрупп текстов были получены данные по следующим средним длительностям: а) средняя длительность простой ритмогруппы ($\bar{t}$прРГ); б) средняя длительность сложной ритмогруппы ($\bar{t}$слРГ); в) средняя длительность синтагмы ($\bar{t}$синт.).

Данные по средним длительностям приведены в Таблице 6.

Результаты подсчета указанных средних величин показали, что длительность простой ритмогруппы относится к длительности сложной ритмогруппы как 1 : 1.7 и относится к длительности синтагмы как 1 : 2.9. Длительность сложной ритмогруппы относится к длительности синтагмы как 1 : 1.8. Данные соотношения близки к отношению идеальной пропорции – "золотого сечения", принцип которого заключается в том, что пропорциональные отношения между целым и его частями и внутри частей в отдельности составляют отношение 1 : 1.618. Это значит, что в отношениях от большего к меньшему большая величина должна превосходить меньшую чуть больше, чем в полтора раза. Тогда она воспринимается как гармонично выделенная [Немченко 1985 : 89]. Известно, что отношения "золотого сечения" выражают несколько чисел. Наиболее часто встречающимися являются числа: 1,616; 0,618; 0,382 [там же].

Полученное отношение длительностей простой РГ и сложной РГ, равное 1 : 1.7 (или 0,6) показывает, что простая РГ и слРГ принадлежат к единицам одного уровня (внутри одного целого – синтагмы). Отношение длительностей простой РГ к синтагме, равное 1 : 2,9 (или 0,35) показывает, что данные величины принадлежат к единицам разных уровней (иерархии ритмических единиц текста), т.к. большая величина превосходит меньшую больше, чем в два раза (и почти составляет гармоническую пропорцию, ср: 0,35 и 0,382). Отношение слРГ к длительности синтагмы, равное 1 : 1,8 (или 0,55) показывает, что слРГ приближается к синтагме как к единице одного уровня. Такое соотношение между длительностями простой РГ и сложной РГ, длительностями простой РГ и длительнотью синтагмы и сложной РГ и длительностью синтагмы позволяет сделать вывод о том, что сложная ритмогруппа, как ритмическая единица текста, занимает промежуточное положение между простой ритмогруппой и синтагмой в системе ритмических единиц текста.

ВЫВОДЫ

1. В ходе исследования слРГ в чтении монологических текстов на материале GA были выделены 6 акцентно-мелодических типов слРГ.

2. Сложные ритмогруппы довольно регулярно появляются в речи (отношение слРГ

Таблица 7

Доля ритмогрупп (в %) данных длительностей (по простым и сложным ритмогруппам – отдельно)

Дли-ть ритмогруппы в мс	до 200	200–300	301–400	401–500	501–600	601–700	701–800	801–900	901–1000	1001–1500	1501–2000	2001–2500	Всего РГ типа
простые РГ	1,5	14,5	25	26	17,5	9	4,5	1,6	0,3	0,1	–	–	100
сложные РГ	–	–	3	12,6	16	18,5	13,5	14	9	8	5	0,4	100

Таблица 8

Доля ритмогрупп (в %), содержащих данное количество слогов (по простым и сложным ритмогруппам – отдельно)

Кол-во слогов в ритмогруппе	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Всего ритмоогрупп типа
простые РГ	32,3	34,5	21,3	9,6	2	0,3	–	–	–	–	100
сложные РГ	–	15,5	31	21	19	8	3,7	0,9	0,5	0,4	100

к простым РГ по всем текстам составило 1 : 3) и имеют тенденцию располагаться в маргинальных частях синтагмы.

3. На появление слРГ в речи в исследуемом материале влияют ряд факторов:

а) тенденция объединять в слРГ группу подлежащего и группу сказуемого в английском языке;

б) тенденция просодически выделять начало и конец фразы (синтагмы) и переносить ударный слог ближе к началу синтагмы в GA;

в) тенденция чередовать ударные слоги (в т.ч. полноударные и частичноударные) с безударными слогами в GA (метрическая тенденция);

г) тенденция обусловливать изменения в акцентной структуре слова (под действием ритмического фактора);

д) тенденция обусловливать появление сложной ритмогруппы, если ей предшествует другая слРГ;

е) тенденция сходно оформлять акцентно-мелодически явления лексического повтора, противопоставления, лексико-синтаксического параллелизма. Явления симметрии (переносной, зеркальной), отмеченные нами на уровне сложных ритмогрупп, являются здесь наиболее сильным проявлением ритмического фактора.

В более широком смысле ритмический фактор охватывает все перечисленные выше факторы появления слРГ.

4. Анализ акустических параметров слРГ показал, что внутри слРГ ЧОТ, интенсивность и длительность полноударного слога и частичноударного слога (слогов) находятся в отношении взаимной компенсации по степени выделенности. Ведущим параметром является уровень ЧОТ, вторым по значимости акустическим параметром, определяющим выделенность слога внутри слРГ, является длительность, затем – интенсивность. Важно отметить, что:

а) в сложной ритмогруппе ударный слог никогда не выделяется за счет увеличения всех трех акустических параметров звука (ЧОТ, длительности и интенсивности);

б) в слРГ есть взаимная компенсация между длительностью одного ударного слога и ЧОТ и интенсивностью другого ударного слога, (например, П/У слог может быть выделен ЧОТ и интенсивностью, а Ч/У слог – длительностью в слРГ "П + Ч" нисходящего мелодического контура), кроме того, есть взаимная компенсация между интенсивностью и длительностью одного ударного слога в сложной ритмогруппе, которые могут объединяться в своем действии, чтобы компенсировать уменьшение или увеличение ЧОТ другого ударного слога (например, в слРГ "П + Ч" ровного-волнообразного контура в начале фразы и в ряде других случаев), и значительно реже встречается взаимная компенсация между интенсивностью одного ударного слога и ЧОТ и длительностью другого ударного слога (например, в слРГ "Ч + П" и слРГ "Я + Ч" восходящего мелодического контура);

г) полноударный слог (ядро слРГ), как правило, выделен двумя якустическими параметрами, а частичноударный слог чаще всего выделен одним акустическим параметром.

Наблюдаемое отношение взаимной компенсации по степени выделенности между полноударным слогом и частичноударным слогом (слогами) внутри сложной ритмогруппы позволяет сделать вывод о том, что ударные слоги в сложной ритмогруппе выделяют ее (слРГ) как комплексное единое целое, а не выделяются по отдельности (на уровне отдельных ударных слогов фразы).

5. Средняя длительность сложной ритмогруппы занимает промежуточное положение между средней длительностью простой ритмогруппы и средней длительностью синтагмы. Следовательно, слРГ в GA характеризуются периодичностью появления в речи, сходнооформленностью по просодическим параметрам (внутри каждого акцентно-мелодического типа) и относительной семантической целостностью. Это показывает, что сложная ритмогруппа, как ритмическая единица текста, занимает промежуточное положение между простой ритмогруппой и синтагмой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азаревич Л.В. 1974 – Взаимодействие компонентов интонации в повествовательном предложении (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.

Антипова А.М. 1979 – Система английской речевой интонации. М., 1979.

Антипова А.М. 1980 – Ритмическая организация английской речи. Экспериментально-теоретическое исследование ритмообразующей функции просодии. Дис. ... док. филол. наук. М., 1980.

Антипова А.М. 1984 – Ритмическая система английской речи. М., 1984.

Артемов В.И. 1987 – Структуры фразового ударения в американском и британском вариантах английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1987.

Ахманова О.С. 1966 – Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Барышникова К.К. 1976 – О фразовых ударениях и слоговой выделенности в современном французском языке // Экспериментальная фонетика. Минск, 1976.

Блохина Л.П., Потапова Р.К. 1982 – Методика анализа просодических характеристик речи. М., 1982.

Бурая Е.А. 1982 – Роль просодии в формировании ритма спонтанной диалогической речи (на материале английского языка) // Сб. научных трудов. МГПИИЯ, Вып. 196. М., 1982.

Графова Л.Л. 1982 – Ритмическая организация фразы в британском и американском вариантах английского языка // Сб. научных трудов МГПИИЯ. Вып. 196. М., 1982.

Ибатулина А.А. 1991 – Роль ступенчато-тональной организации в структурировании текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Месхишвили И.В. 1990 – Структурирующая роль ритмогруппы в высказывании (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

МУ 1981 – Музыкальная энциклопедия. Т. 5. М., 1981. С. 29–30.

Немченко Н.Ф. 1985 – Ритм как форма организации текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Шахбагова Д.А. 1982 – Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка // Varieties of English pronunciation. М., 1982.

Шахбагова Д.А. 1992 – Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии. М., 1992.

Bolinger D.L. 1964 – Around the edge of language. Intonation // Harward educational review. 1964. V. 34. № 2.

Bolinger D.L. 1986 – Intonation and its parts. Melody in spoken English, Stanford, 1986.

Crystal T.H., House A.S. 1988 – Segmental durations in connected speech signals: syllabic stress // Journal of the acoustical society of America. 1988. V. 83. № 4.

Webster's desk Dictionary of the English language. N.Y., 1990.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. Ю.А. ПУПЫНИН

УСВОЕНИЕ СИСТЕМЫ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ РЕБЕНКОМ

(ранние этапы)

1. Вступительные замечания. Вопросы усвоения глагольных форм в русской детской речи затрагивались в ряде работ (см., например [Гвоздев 1961; Цейтлин 1989; Slobin 1966; Lehmann 1991]). Известны, в частности, утверждения о том, что первой усваиваемой формой является императив, затем в арсенал усвоенных ребенком форм включается инфинитив, а после этого почти сразу появляются временные формы. Отмечалось также, что одной из первых усваивается форма прошедшего времени. Ценные замечания, свидетельствующие, что категория вида усваивается почти безошибочно (во всяком случае по сравнению с другими грамматическими категориями), содержатся в работе С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1988].

Существует целый ряд работ, рассматривающих вопросы усвоения глагольных форм ребенком на материале других языков (см., например [Bybee, Slobin 1982; Smoczyńska 1986; Stephani (preprint); Weist 1983]).

Преобладающее количество работ по этой тематике характеризуется преимущественным вниманием к собственно формальным вопросам усвоения глагольной системы, т.е. проводится регистрация появления тех или иных глагольных форм (или групп глаголов) в различные фиксированные периоды развития ребенка, проводится статистический анализ распространения данных форм по периодам. На этом пути накоплен обширный и ценный материал.

В то же время представляется важным при анализе усвоения глагольных форм в большей мере учесть также их содержательный аспект, принять во внимание двустороннюю (формальную и семантическую) сущность глагольной системы. Именно на этом пути, как нам кажется, возможно было бы теоретическое осмысление процесса становления системы глагольных форм в детской речи. Иначе говоря, необходимо попытаться осмыслить формирование грамматической системы (или ее фрагментов) в детском языковом сознании, т.е. усвоение не только форм, но и содержательных отношений между ними, поскольку это может оказаться полезным для развития общелингвистических представлений об устройстве самого языка.

2. Гипотеза. Одна из центральных проблем, возникающих при изучении усвоения глагольных форм ребенком, состоит, на наш взгляд, в следующем. Глагольные формы во "взрослом" (конвенциональном) языке представляет собой систему, т.е. определенную целостность. Общеизвестно, что это целое не равно сумме составляющих его частей, а скорее синтез частей, который качественно отличается от простой механической суммы. Возникает вопрос: как формируется подобная целостная система в детском языковом сознании в процессе усвоения отдельных ее компонентов?

Гипотеза заключается в предположении, что усвоение глагольной системы сопровождается таким использованием отдельных форм (в разные периоды речевого развития эти формы различны), при котором они выступают в чрезвычайно широком (не свойственном конвенциональному языку) значении. Объем этого значения настолько широк, что включает в себя не только элементы содержания такой формы в конвенциональном языке, но также и элементы содержания других форм глагольной

парадигмы, еще не усвоенных ребенком. Подобные формы с расширенным содержанием мы называем формами-посредниками.

Например, известно, что на одном из ранних этапов развития детской речи инфинитив используется в значении формы настоящего времени (этот факт наблюдается в материалах из различных источников, ср.: *Мама тям ниська цитать* [Гвоздев 1981 : 22] – в значении "Мама там книжку читает"). Параллельно в речи ребенка встречается инфинитив и в побудительном значении (что вполне возможно и в конвенциональном языке).

Ребенок включает в свой арсенал форму-посредник, поскольку определенная часть ее содержания им уже усвоена и ему понятна. Однако другая часть содержания формы ему еще недостаточно ясна (эта форма может использоваться взрослыми и в других речевых ситуациях). Это приводит к тому, что ребенок начинает использовать именно эту форму в случаях, когда ни одна из других уже усвоенных им форм (форм – не "посредников", т.е. форм с уже стандартизованным содержанием) не подходит, а других форм (в данном случае – форм настоящего времени) в его арсенале еще нет (во всяком случае, уверенно употребить их он еще не может). Таким образом, на каком-то этапе инфинитив выполняют роль посредника между уже усвоенными и еще не усвоенными компонентами глагольной парадигмы, поскольку берет на себя функции последних. Есть и другие формы, выступающие в роли посредников на разных этапах (ниже подобные случаи рассматриваются подробнее, а предлагаемая точка зрения развивается и уточняется).

Эта гипотеза опирается на понятие сверхгенерализации [Кларк 1984; Слобин 1984]. Обычно сверхгенерализация рассматривается как явление в сфере лексической семантики, однако возможно применение этого понятия и в области семантики грамматических единиц [Clark, Carpenter 1989]. Кроме того, предлагаемая гипотеза согласуется с положением Д. Слобина о том, что "новые формы сначала служат для выполнения старых функций, а новые функции сначала выражаются старыми формами" [Слобин 1984 : 156–157].

3. Материал. В качестве основного материала использовались расшифрованные и представленные в виде компьютерных файлов магнитофонные записи Филиппа С[1]. Записи проводились с возраста 1, 4, 4 до 2, 0, 3 (напомним, что в исследованиях по детской речи возраст обычно обозначается тремя числами, первое из которых обозначает количество лет, второе – количество месяцев, а третье – количество дней). Периодичность записей составляла 1 магнитофонную пленку (90 мин.) в неделю (в настоящее время сбор материала продолжается, но к моменту окончания статьи мы располагали расшифровкой данных лишь в указанных пределах).

Кроме того, привлекались также материалы, связанные с другим информантом – Варей П. Эти материалы также отражают продолжительный период развития речи ребенка (см. подробнее их анализ в работах Е.Ю. Протасовой [Протасова 1988; 1989]). Использовались, разумеется, и материалы "Дневника" А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1981]. Таким образом, имелась возможность проверить сделанные выводы и заключения на материале из трех источников.

Уже попытка предварительной периодизации и самой общей характеристики материалов Филиппа сталкивается с одной из существенных трудностей, возникающих при исследованиях детской речи. С одной стороны, изучение детской речи напоминает "полевые исследования" (например, диалектологические). Здесь также есть информанты, из речи которых извлекаются сведения о языковой системе. С другой стороны, в процессе продолжительного наблюдения над речью одного и того же информанта необходимо учитывать, что эта языковая система постоянно изменяется, находится в процессе становления, в динамике. Иначе говоря, необходимо признать, что изучение

---

[1] Этот материал собирается в рамках международного научного проекта "Пре- и протоморфология", возглавляемого проф. В. Дресслером. С российской стороны в проекте участвуют М.Д. Воейкова (ИЛИ РАН), Е.Ю. Протасова и С.Н. Цейтлин (РГПУ им А.И. Герцена).

детской речи – это особый тип диахронического исследования[2]. Причем это достаточно быстрая, "стремительная" диахрония, что создает дополнительные трудности. Как и в диахронических исследованиях, здесь приходится делать синхронические (синхронные) срезы, рассматривая развитие языковой системы как цепочку языковых состояний. Однако специфика детской речи состоит в том, что такие статические срезы делать особенно сложно именно в силу стремительности языкового развития (хотя без них, по-видимому, не обойтись). Поэтому необходимо заранее предупредить читателя, что приведенные ниже соображения по поводу различных стадий становления системы глагольных форм, конечно, могут иметь дискуссионный характер.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы записей Филиппа возможно (достаточно условно) разделить на две группы, соответствующие двум периодам: 1) период с возраста 1, 4, 4 и до 1, 7, 11; 2) период с возраста 1, 7, 12 и до 2, 0, 3. Это разделение приблизительно соотносится с границей между однословными и двусловными высказываниями.

Первый период представляет примеры различных вербоидов (звукоподражаний, слов из "языка нянь", а также глагольных "прообразов" инфинитива и императива – "псевдоинфинитива" и "псевдоимператива", еще практически не противопоставленных друг другу). Используя концепцию пре- и протоморфологии В. Дресслера [Dressler 1994; Dressler, Karpf 1995], можно было бы назвать эти первые подобия глагола "преформами", в частности "преинфинитивом" и "преимперативом". Лишь в конце этого периода имеются свидетельства формирования оппозиции инфинитив/императив.

Второй период представляет примеры первых форм прошедшего и настоящего времени и постепенного становления оппозиции инфинитив/императив/спрягаемые формы. Это становление происходит на фоне продолжающегося параллельного использования звукоподражаний и слов "языка нянь".

4. Анализ материалов первого периода. Одна из существенных проблем, встающих при изучении ранних этапов усвоения системы глагольных форм, – это проблема точки отсчета. Не вполне ясно, от чего отталкиваться в поисках глагольных преформ, тех прообразов, на основе которых позднее возникают сами формы. Иначе говоря, что считать началом усвоения системы глагольных форм?

Не раз отмечалось, что первой формой, усваиваемой ребенком, является императив. Однако те первые подобия императива, которые встречаются в детской речи, обладают очень широкой семантикой и существуют еще в том периоде, когда не противопоставлены имя и глагол. Так, А.Н. Гвоздев отмечает, что императив "пиши" мог употребляться в значении существительного "карандаш" [Гвоздев 1981 : 20]. Имеются и обратные примеры, когда подобие имени может употребляться в значении побуждения к действию. Ср., например, эволюцию слова *бати* в речи Вари, когда это слово ассоциировалось не только с ботинками, но и с прогулкой, с выходом на улицу. Произнесенное с соответствующей интонацией, оно могло означать "пойдем гулять". Оно могло также служить ответом на вопрос: "*Где бабушка?*" – *бати*, т.е. "ушла".

Разумеется, в рассматриваемый период вряд ли возможно считать подобный императив (т.е. "псевдоимператив") нормальным языковым знаком, поскольку не возникла другая грамматическая форма, составляющая с ним системную оппозицию. Лишь тогда, когда в детской речи начинают встречаться императив и инфинитив, содержательно отличающиеся друг от друга, можно говорить об императиве.

Это различие начинает формироваться в конце первого периода, и тогда, очевидно, можно говорить о начале усвоения глагольных форм как системы. Иначе говоря, система начинает свое становление не с усвоения материальных звуковых комплексов

---

[2] Попытки увидеть в материалах детской речи подобие филогенетической диахронии предпринимались многократно. Однако в данном случае для нас важно, что это различные явления. Онтогенетическая диахрония обладает собственной спецификой, в частности имеет совершенно иные временные масштабы, что позволяет ей вступать в особое соотношение с синхронией.

(как бы они ни были похожи на соответствующие формы), а с усвоения упорядоченных семантических различий между ними.

Однако в начале первого периода данные о противопоставлении инфинитива императиву отсутствуют, и приходится прибегать к иным способам описания существующей картины.

На начальном этапе, как представляется, нужно исходить из возможности выделить два типа ситуаций, в которых ребенок использует речь: 1) побудительные ситуации и 2) непобудительные ситуации. Ситуации первого типа являются маркированными; как правило, их можно выделить достаточно уверенно (этот тип близок к "аттрактивным" высказываниям, о которых пишет Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1991 : 158]. Ситуации второго типа являются немаркированными; во многих случаях мы не можем определенно судить, имеют ли они повествовательный, или описательный, или вопросительный характер; нельзя также исключить и косвенного побуждения (о неизбежном субъективизме в этой области см. [Голод, Шахнарович 1982 : 260]). Особое положение побудительных ситуаций вполне соответствует особому статусу категории императива в конвенциональном языке, противопоставленной по принципу привативной оппозиции всем другим наклонениям [Jakobson 1932].

Наиболее вероятной представляется реализация первых глагольных форм в побудительных ситуациях; это подтверждается и самим материалом. Практически любое слово, используемое в ситуациях данного типа может претендовать на то, что оно является вербоидом (в конвенциональном языке императивные конструкции, как правило, содержат глагол; случаи типа "Руку!" или "Быстрее!" обычно объясняются редукцией, которая легко восстанавливается).

Слова, используемые ребенком в побудительных ситуациях, мы относили к псевдоимперативу или псевдоинфинитиву – в зависимости от фонетического сходства.

На основе анализа непобудительных ситуаций выделяются вербоиды других типов, в частности "псевдоиндикатив".

В побудительных ситуациях, представленных в первом периоде (в его наиболее ранних стадиях), преобладают такие, в которых ребенок требует, чтобы ему дали определенный предмет (реже – выполнили бы определенное действие). В нашем материале абсолютно преобладает глагол "дать".

Не всегда имеется достаточно оснований считать *дать, датя* "вербоидом" (прообразом инфинитива "дать"). Так, например, в случае

(1) *баба дядя датя датя* (1, 4, 5),

это пример скорее звукоподражания, поскольку в данном случае, в частности, нет побудительной ситуации. Однако в примере:

(2) *дать дать* [мама поднимает игрушку] (1, 5, 19), – "дать" можно рассматривать как вербоид, поскольку здесь в высокой степени вероятна реализация функции побуждения к действию, которую вполне способен выполнять конвенциональный инфинитив.

С другой стороны, в побудительной ситуации слово *чик* может рассматриваться как вербоид (например, как заместитель глагольного императива "включи"):

(3) *чик* [Филипп хочет, чтобы включили магнитофон] (1, 5, 19), несмотря на то что в других ситуациях это слово может выражать значение, близкое к значению существительного ("магнитофон").

Представленный в этом периоде *дать, датя* – это "псевдоинфинитив", фонетически сходный с конвенциональным инфинитивом, но не имеющий пока абсолютно соответствующих ему семантических функций и не противопоставленный другим глагольным грамматическим формам. Он встречается в трех разновидностях: *дать, датя, ать*.

Параллельно, но значительно реже в побудительных ситуациях используется псевдоимператив *дай*.

Ср. также особый вербоид *да* (с возможной редукцией "й/ть"), который можно охарактеризовать как "псевдоимператив/псевдоинфинитив", поскольку недостаточно ни фонетических, ни семантических оснований для их различения. Этот пример также свидетельствует, что оппозиция императив/инфинитив на данном этапе еще не может считаться сформированной, поскольку оба вербоида зафиксированы в однотипных побудительных ситуациях (ниже мы вернемся к проблеме формирования данной оппозиции).

Примеры других императивов, встречающихся в первом периоде: *сядь* (1, 5, 24); *дись* ("садись") (1, 5, 28). Ср. также:

(6) *ади ихи ади* [модифицированное "уходи" в ситуации, когда Филлипп хочет, чтобы кот Фантик ушел] (1, 6, 1);

(7) *айда мама* [модифицированное "отдай"] (1, 6, 1).

Имеется интересный пример комбинации инфинитива и императива в одном и том же высказывании:

(8) *пути* [мать держит Филиппа за руку, а он говорит "пусти"], *дати пути-пути* "дать, пусти, пусти" (1, 6, 24).

Интересно, что здесь обе формы конкурируют в маркировке побудительной ситуации. Этот факт также соответствует отсутствию противопоставленности инфинитива императиву.

В материалах первого периода встречаются также примеры использования вербоида *на*, имеющего разговорный аналог в конвенциональном языке. Наконец, встречается также смешение *дай* и *на*, которое является довольно типичным для этой ступени [Онипенко 1992 : 107–108].

Отметим, что на роль "повествовательных" вербоидов (т.е. на роль "псевдоиндикатива") в рассматриваемый период могут претендовать слова так называемого "языка нянь" (*бух, бо-бо* и т.д.), поскольку они используются в значении констатации происходящего в момент речи события/состояния. Разумеется, в этом периоде нет никакого разграничения псевдоиндикатива по временам (хотя бы потому, что индикатив ковенционального языка способен выступать в подобном значении как в форме настоящего времени НСВ, так и в форме прошедшего времени СВ с перфектным оттенком [Бондарко 1971 : 97]). Например:

(9) *ба-бах-бах-бах* [падает с кровати игрушечная кошка] (1, 5, 29);

(10) *а-а бо-бо* ["носику больно/носик болит/носик заболел" – показывает на свой нос] (1, 5, 29).

Таким образом, материалы первой группы свидетельствуют о том, что на самом раннем этапе группировка глагольных форм (точнее, вербоидов) представляет собой два компонента: 1) "побудительные формы", т.е. "псевдоинфинитив", "псевдоимператив" и "псевдоимператив"/"псевдоинфинитив" типа *да[й/ть]* и 2) "непобудительные формы" ("псевдоиндикатив"), т.е. звукоподражания и слова "языка нянь". Термин "система" для данной группировки, очевидно, был бы неточным, поскольку побудительные и непобудительные формы противопоставлены недостаточно четко; они не связаны словоизменительными отношениями и имеют различные основы. Имеются также случаи, когда слова "языка нянь" используются в побудительной ситуации (ср. приведенный выше пример со словом *чик*), что также ослабляет противопоставленность указанных компонентов. Наши данные не подтверждают распространенного мнения о том, что первой усваиваемой глагольной формой является императив [Гвоздев 1961 : 177]. В наших материалах гораздо шире представлен инфинитив.

Как уже отмечалось, лишь в конце первого периода намечается противопоставление императива инфинитиву, которое проявляется в том, что последний начинает употребляться и за пределами побудительных ситуаций. Окончательно (формально и семантически) эти формы дифференцируются в начале второго периода.

5. Анализ материалов второго периода. Дальнейшее развитие вербоидной систе-

мы складывается следующим образом. Расширяется состав императивов, например:

(11) [мама:] *сейчас принесу тебе молоко*. [Филипп:] *неся* "неси" (1, 8, 26);

(12) [мама:] *вставай*. [Филипп:] *тянь, мама* "встань" (1, 9, 12);

(13) *мишка, ляжь* ["ляг", обращается к игрушке] (1, 11, 15).

Нужно отметить, что императив не встречается за пределами побудительных ситуаций.

Нам встретился только один случай, когда в непобудительной ситуации, сходной с "настоящим актуальным", встретилась форма, похожая на императив:

(14) *...киса, миши бежи бежи бежи* [рассматривает картинку, изображающую бегущих кошку и мышей] (1, 9, 8), однако в этом случае возможна также трактовка данного образования как редуцированной формы настоящего времени.

Параллельно с императивом в побудительных ситуациях могут встречаться слова "языка *нянь*", например *бай* ("спи"/"спать"/"спит"/"сплю"), ср.:

(15) *иди и бай и бай и бай* (1, 7, 22).

Ср. также использование в роли императива "дай" слова *ням*:

(16) [мама:] *это кубик*. [Филипп:] *ням, мама* "дай, мама" (1, 7, 21).

Таким образом, можно отметить, что продолжается интенсивная конкуренция различных слов в маркировке побудительных ситуаций. В то же время на фоне этой конкуренции намечаются четкие различия между императивом и инфинитивом. Инфинитив продолжает употребляться в побудительных ситуациях, однако достаточно широко используется и за их пределами, т.е. происходит расширение его функций.

Здесь выделяется два типа случаев:

I. Ситуации настоящего актуального, например:

(17) *бегать, прыгать* [Филипп играет на кровати: бегает, прыгает] (1, 9, 22).

В данном случае можно говорить о ситуации типа настоящего актуального, поскольку называются действия, осуществляющиеся в момент речи. Такое использование инфинитива достаточно типично для русской детской речи, ср. приведенный выше в разделе 2. пример из "Дневника" А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1981], ср. также примеры из речи Вари:

(18) *Варенька играть* (1, 6, 5).

Таким образом, формирующая оппозиция может быть охарактеризована как привативная: императив регулярно выражает семантический признак побудительности, между тем как инфинитив нейтрально относится к передаче данного признака, т.е. может как выражать его (при наличии определенных ситуативно-речевых условий), так и не выражать. Императив при этом выступает как маркированная форма, а инфинитив – как немаркированная. Отметим, что и в конвенциональном языке, с точки зрения признака побудительности, отношения императива и инфинитива также могут расцениваться как привативные. Однако особенность детской речи состоит в том, что инфинитив на рассматриваемом этапе употребляется в более широком значении; в конвенциональном языке самостоятельный инфинитив практически не используется для обозначения действий, совершающихся в момент речи (в значении настоящего актуального). Употребление ребенком инфинитива, а не императива для использования в непобудительных ситуациях представляется закономерным: вполне естественно, что именно немаркированная форма используется для освоения новых семантических пространств. Тем самым инфинитив становится формой-посредником между императивом и еще не усвоенной частью глагольной парадигмы.

II. Второй вариант "выхода" инфинитива за пределы побудительности проявляется во вполне конвенциональном его использовании в конструкциях с глаголом "хотеть", например:

(19) *пить хочу* (1, 9, 18).

В таких случаях инфинитив обозначает желаемое действие, осуществление которого

зависит от предварительного действия взрослого, т.е. использование инфинитива может рассматриваться как косвенно-побудительный акт. Иначе говоря, "пить хочу" имеет значение"сделай так, чтобы я пил". Появление подобных конструкций означает такой шаг в усвоении конвенциональной системы глагольных форм, значение которого трудно переоценить.

Ситуация, обозначенная конструкцией "хочу + инфинитив", имеет целый комплекс модальных и темпоральных семантических признаков, которые могут по-разному актуализироваться в зависимости от прагматических задач говорящего. Эксплицитно в ней реализован семантический признак настоящего времени индикатива модального глагола ("раньше не хотел, а сейчас хочу"). Однако действие, обозначенное инфинитивом, не относится к настоящему, оно относится к семантическому плану будущего, – таким образом, имплицитно данная ситуация содержит также семантический элемент будущего времени. Наконец, кроме элемента индикативной модальности, здесь содержатся также элемент оптативности, представленный в лексическом значении глагола "хочу", и элемент косвенной побудительности, о котором уже шла речь выше. Таким образом, усвоение данной конструкции и данного семантического комплекса открывает ребенку целый ряд путей в сложную систему темпоральных и модальных оппозиций русского глагола.

Говоря более конкретно, происходит следующее:

1) возникает первый сопоставимый с конвенциональным "преиндикатив" настоящего времени "хочу";

2) формируется семантическая оппозиция "прямое побуждение/косвенное побуждение" типа "пить/хочу пить";

3) усваивается новая синтаксическая позиция – "зависимый инфинитив". Данная позиция позволяет ребенку приобрести опыт синтагматической комбинации глагольных форм, что, несомненно, также способствует становлению глагольной грамматической системы.

4) усвоение таких конструкций позволяет также дифференцировать субъектов обозначаемого действия (если сравнивать данные конструкции с теми же инфинитивами в независимом употреблении). Отметим, что в предыдущем периоде псевдоинфинитив, используемый в побудительной ситуации, мог обозначать как действие слушающего ("дать"), так и действие самого ребенка ("пить") (в последнем случае также можно видеть имплицированное "дать": "дать пить"). Однако ряд глаголов мог приводить к омонимии субъектов: *читать, нимать* "снимать" могли обозначать как требование к взрослому выполнить данное действие, так и требование предоставить возможность ребенку самому выполнить данное действие (в той мере, в какой он его понимает). Формирование конструкций с "хочу + инф." и параллельно императива позволяет различать случаи, когда *нимать* означало "снимай (мне ботинки)", и случаи, когда *нимать* означало "хочу снимать ботинки". Заметим попутно, что между инфинитивом и императивом теперь возможны словоизменительные отношения (*нимать – нимай*).

Итак, способность инфинитива выступать за пределами побудительных ситуаций позволяет говорить о формировании первого системного противопоставления: императив/инфинитив.

Вообще, оппозиция императив/инфинитив как первая системная оппозиция наблюдается в речи всех трех источников, и, как кажется, может рассматриваться как глагольная протосистема в русском онтогенезе.

Кроме дальнейшего развития императива и инфинитива, во втором периоде встречаются также факты использования форм нового типа: 1) форм прошедшего времени и 2) форм настоящего времени. Рассмотрим кратко оба этих случая.

1) Первые формы прошедшего времени обычно передают перфектное значение. Например:

(20) *кису калясь сел* [кошка села на колесо (машины)] (2, 0, 3);

(21) *купила ваяй* [вафли]? (1, 9, 20).

На наш взгляд, это обусловлено когнитивными закономерностями: поскольку в центре внимания ребенка прежде всего настоящее актуальное, то естественным представляется усвоение сначала таких элементов прошедшего (и будущего), которые тесно связаны с настоящим [Пупынин 1994]. Формы прошедшего времени в перфектном значении обычно указывают на состояние в настоящем, явившееся результатом действия в прошлом. В контексте часто встречается форма настоящего времени, например:

(22) [мать:] *...дядя.На чем он едет?* [Филипп:] *приехал* (1, 11, 23).

Ср. также пример из речи Вари:

(23) *это банка, это банка, это банка лежит, упала* (1, 7, 14).

В конвенциональном языке формы совершенного вида в прошедшем времени могут выражать перфектное значение, однако для этого требуются специальные условия (ситуативно-речевые, контекстуальные, лексические). В детской речи на рассматриваемом этапе ее развития происходит категоризация перфектного значения в содержании форм на *-Л*: т.е. данные формы на протяжении какого-то периода маркируют перфектную ситуацию. Нам не встретилось в речи Филиппа ни одного "чистого" случая выражения аористического значения.

Категория вида на данном этапе опирается на противопоставление временных форм: ситуации настоящего (актуального) – имперфектив (НСВ), ситуации прошедшего (перфектного) – перфектив (СВ).

Отметим также, что в конце рассматриваемого периода зафиксированы первые формы будущего времени (имеется в виду прежде всего простое будущее, представленное глаголами СВ). Они обозначают действия, близкие во времени к ситуации момента речи, т.е. наступающие или ожидающиеся обычно непосредственно после нее, ср.:

(26) *Филя поедет, Фил, Фил поедет* [Филипп сел на велосипед] (2, 0, 3).

Нужно подчеркнуть, что первые формы будущего времени также представлены совершенным видом. Таким образом, речь идет о возможном существовании в течение краткого времени в онтогенетическом плане "примитивной" (но достаточно изящной) семантической оппозиции:

СВ	НСВ	СВ
прош. вр.	наст. вр.	буд. вр.

Становление этой оппозиции и ее дальнейшее преобразование мы надеемся рассмотреть подробнее при анализе новых материалов речи Филиппа, которые сейчас расшифровываются.

Формальная репрезентация вида в этот период еще недостаточно развита. В некоторых примерах неясно, в каком виде глагол употреблен, ср.:

(27) *все билось* [вероятно, "все разбилось"] (1, 9, 20).

Однако сама перфектная ситуация указывает, что скорее всего использован редуцированный глагол совершенного вида. Мы можем сделать также более сильное предположение о том, что на данном этапе несовершенный вид в форме прошедшего времени также выражает перфектное значение (в конвенциональном языке это очень редкие и специальные случаи). В частности, глаголы обоих видов могут встречаться параллельно в перфектном контексте:

(28) [мама:] *съел ее?* [Филипп:] *съел – ел* (1, 9, 20).

Приведем также примеры из речи Вари, демонстрирующие близкое к перфектному (и не вполне конвенциональное) употребление форм НСВ прошедшего времени:

(29) *от она изяя каняку исааа* ["рисовала", т.е. вот он, оранжевый карандаш, который это рисовал] (1, 6, 5).

Для конвенционального русского языка такое употребление НСВ не вполне типично: несовершенный вид гораздо чаще обозначает действие в прошлом, не имеющее прямой связи с настоящим актуальным (исключение составляет особый вариант обобщенного факта, ср.: *Он много видел на своем веку*). Таким образом, в

приведенном выше примере более типичным было бы использование совершенного вида: "Вот оно, что нарисовал оранжевый карандаш". Использование имперфектива в принципе возможно, но тогда ситуация совершенно иная: переключается внимание на прошлое (ср., например: *Вот оно, что рисовал оранжевый карандаш, когда шел дождь, и мы весь вечер сидели дома...*). Представляется правдоподобным следующее утверждение: если ребенок на этом раннем этапе использует форму прошедшего времени на *-л*, то речь идет об определенном событии в прошлом, тесно связанном с настоящим и проявляющем в момент речи существенные последствия.

В следующем примере:

(30) *Плюти у Вареньки мама ходили купить* [(у Вари игрушка – собака Плюти) Плюти с мамой купили/ходили покупать] (1, 6, 5) неконвенциональное употребление имперфектива "ходить" с перфективом "купить" создает эффект перфектной семантики у всей конструкции в целом, в том числе у имперфектива. Таким образом, в прошедшем времени пока отсутствует четкое противопоставление "перфектив: имперфектив", и в семантике прошедшего времени, как уже отмечалось, преобладает перфектная тенденция.

2) Первые формы настоящего времени сразу же составляют сильную конкуренцию инфинитиву в обозначении ситуаций, включающих момент речи. Примеры:

(31) *майит* "моет" (2, 0, 3);

(32) *тетя у машины сидюк* ("сидит") (2, 0, 3).

Поскольку формы настоящего времени в русском языке являются вместе с тем и личными формами, то с их появлением начинается усвоение категории лица. Здесь отмечается хорошо известная исследователям особенность: преобладает форма 3-го лица, которая может обозначать действие любого лица, в том числе самого говорящего [Jakobson 1932]. Например:

(33) [Филипп:] *а Филя сидит, а мама сидит, баба сидит* (2, 0, 3);

(34) [Варя:] *Аинька ни хотит* "Варенька не хочет" (1, 6, 5).

В принципе в этот период могут встречаться и формы 1-го лица, например:

(35) [Филипп:] *хочу маш* [игрушечную машину] (2, 0, 3).

Иногда действия говорящего обозначаются формой 2-го лица:

(36) [мать:] *ножку просовываешь?*

[Варя:] *ножку просовываешь* [сама просовывает ногу] (1, 6, 5).

Недостаточная усвоенность категории лица подтверждается наличием таких маркеров настоящего времени, которые отличаются от конвенциональных (синкретически выражающих вместе с настоящим временем и лицо):

(37) [Филипп:] *сидя, сидя* [сижу, сижу] (2, 0, 3).

Тем не менее чаще всего в данный период для обозначения действий и состояний говорящего используются формы 3-го лица, которые могут рассматриваться, таким образом, как формы-посредники в усвоении категории лица. Мы хотели бы подчеркнуть, что, как и в случае с формированием оппозиции императив/инфинитив, функция посредника возлагается на семантически немаркированную (по сравнению с конвенциональными формами 1-го и 2-го лица) личную форму, которая используется в значении, типичном для других форм, пока они еще не усвоены ребенком.

Параллельно глагольным формам в значении настоящего времени продолжают использоваться слова "языка нянь" и звукоподражания, например:

(38) [Филипп:] *а там кап* "а там капает" (1, 8, 29).

6. Выводы. В процессе усвоения системы глагольных форм ребенок сталкивается с необходимостью морфологически маркировать все новые ситуации, участником которых он становится (речь идет прежде всего о маркировании стержневого компонента ситуации, т.е. действия). Он вынужден использовать для этой цели те морфологические формы глагола, которые он уже усвоил. При этом его языковая стратегия состоит в том, чтобы применять в новых ситуациях ту глагольную форму, которая употреблялась в наиболее широком наборе уже знакомых ситуаций (т.е. которая

является семантически наиболее вариативной). Как правило, это та морфологическая форма, которая выступает как семантически немаркированный член конвенциональных грамматических оппозиций (именно такие формы обладают наиболее емкой семантикой).

На первом этапе усвоения нового круга ситуаций такая форма (ее мы называем формой-посредником) часто выходит в своем содержании за семантические границы, очерченные конвенциональной системой.

В частности, в речи Филиппа (в первом периоде) наблюдались две формы: императив и инфинитив, конкурирующие в маркировании побудительных ситуаций, которые преобладали в сфере его речевого общения. Затем в маркировании расширяющегося круга непобудительных ситуаций принимает участие инфинитив (по отношению к семантическому признаку побудительности он немаркирован, в то время как императив маркирован). Инфинитив оказался способным обозначать даже ситуации "настоящего актуального".

Сходная картина обнаруживается при усвоении форм настоящего времени. Эти формы предоставляют поначалу детскому языковому сознанию слишком много возможностей, поскольку, кроме ситуаций настоящего актуального, они маркируют также еще и отношения действия к лицу, т.е. являются личными. В усвоении этой достаточно сложной подсистемы ребенок отдает предпочтение формам 3-го лица как семантически нейтральным, немаркированным по отношению к признакам "говорящий" (1-е лицо) и "слушающий" (2-е лицо). Именно этими формами он маркирует сначала настоящее время (по-видимому, это продолжается до тех пор, пока эти ситуации остаются новыми для детского языкового сознания). Таким образом, форма 3-го лица в данном случае выступает как форма-посредник в усвоении всей подсистемы личных форм настоящего времени.

Несколько иначе происходит усвоение форм прошедшего времени. В качестве основной формы (и семантики) для маркирования ситуаций прошедшего времени используется прошедшее совершенное; более того, имеются определенные основания полагать, что идея перфектной семантики в рассматриваемый период связывается в детском сознании с формой на *-л* вообще, независимо от того, совершенный или несовершенный вид употреблен в данной форме. Между тем в конвенциональном языке при употреблении форм прошедшего времени перфектная семантика занимает сравнительно узкое и специфическое место (основное место принадлежит признаку предшествования моменту речи).

Причины этого отклонения от общей стратегии усвоения (выбирать формы в нейтральном, "немаркированном" значении) обусловлены общими закономерностями развития детского сознания. В первом детском опыте осмысления времени ситуации настоящего актуального являются центральными, между тем как прошедшее и будущее осознаются лишь постепенно и лишь по мере их связи с настоящим. Поэтому первоначально в формах прошедшего времени представлен совершенный вид, в системном содержании которого, кроме семантического элемента целостности действия, имеется еще семантический элемент "скачка", связи между предшествующей и последующей ситуациями [Маслов 1948; Барентсен 1983; Бондарко 1993]. Перфектная семантика форм совершенного вида в прошедшем времени представляет наиболее простой и яркий пример этой связи.

В заключение отметим, что открытость, "мягкая" структура системы глагольных форм, допускающая возможность различных транспозиций, употребление одних форм в значении других, может рассматриваться как важное условие самого существования данной системы. То, что в конвенциональной системе представлено только как возможность, реализуемая лишь в строго определенных ситуациях, ребенок воспринимает как общий принцип и благодаря этому достаточно плавно переходит от одних фрагментов системы к другим в процессе усвоения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барентсен А.А. 1973 – "Вид" и "время" в предложениях, содержащих слово ПОКА // Dutch contributions to the Seventh international congress of slavists. Warsaw, August 21–27, 1973 / Ed. by A. Van Holk. The Hague; Paris, 1973.

Бондарко А.В. 1971 – Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М., 1971.

Бондарко А.В. 1993 – Глагольный вид в высказывании: признак "возникновение новой ситуации" // Russian Linguistics. 1993. V. 16.

Гвоздев А.Н. 1961 – Формирование у ребенка грамматического строя русского языка // А.Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.

Гвоздев А.Н. 1981 – От первых слов до первого класса (Дневник научных наблюдений). Саратов, 1981.

Голод В.И., Шахнарович А.М. 1982 – Семантические аспекты порождения речи // Семантика в онтогенезе речевой деятельности // ИАН ОЛЯ. 1982. № 3.

Кларк Е.В. 1984 – Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. М., 1984.

Кубрякова Е.С. 1991 – Проблемы онтогенеза речевой деятельности // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.

Маслов Ю.С. 1948 – Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. ОЛЯ АН СССР. 1948. Т. 7. Вып. 4.

Онипенко Н.К. 1992 – Первые речевые акты: обращение и *побуждение в речи ребенка* // Детская речь: лингвистический аспект. СПб., 1992.

Протасова Е.Ю. 1988 – Развитие семантической связности диалога "мать – ребенок" // Семантика в речевой деятельности. М., 1988.

Протасова Е.Ю. 1989 – О некоторых аспектах номинации в детской речи // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.

Пупынин Ю.А. 1994 – О темпоральной структуре детской речи // Проблемы детской речи. Материалы межвузовской конференции. СПб., 1994.

Слобин Д.И. 1984 – Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984.

Цейтлин С.Н. 1988 – Категория вида русского глагола в онтогенезе // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. Л., 1988.

Цейтлин С.Н. 1989 – Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1989.

Bybee J.L., Slobin D.I. 1982 –Rules and schemas in the development and use of the English past tense // Language. 1982. V. 58. № 2.

Clark E.V., Carpenter K.L. 1989 – The notion of source in language acquisition // Language. 1989. V. 65. № 1.

Dressler W.U. 1994 – Evidence from the first stages of morphology acquisition for linguistics theory: extragrammatic morphology and diminutives // Acta linguistica Hafniensia. Linguistic studies in honour of Jorgen Rischel. V. 27. Pt. 1. 1994.

Dressler W.U., Karpf A. 1995 – The theoretical relevance of pre- and protomorphology in language acquistition // Yearbook of morphology. 1994.

Jakobson R. 1932 – Zur Struktur des russischen Verbums // Charisteria Guilelmo Mathesio ... oblata. Pragae, 1932.

Lehmann V. 1991 – Terminativität als Sonderfunktion des ipf. Aspect // Slavistische Linguistik 1991. Referate des XVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Slavistische Beiträge. Bd. 292. München, 1991.

Slobin D.I. 1966 – Acquisition of Russian as a native language // The genesis of language. Psycholinguistic Approach / Ed. by F. Smith and G.A. Miller. Cambridge (Mass.); London, 1966.

Smoczyńska M. 1986 – The acquisition of Polish // The crosslinguistic study of language acquisition. V. 1. / Ed. by D.I. Slobin. Hillsdale (New Jersey); London, 1988.

Stephani U. (preprint) – The acquisition of Greek // The crosslinguistic Study of Language Acquisition. V. 4. / Ed. by D.I. Slobin. Hillsdale (New Jersey); London (в печати).

Weist R.M. 1983 – Prefix versus suffix information processing in the comprehension of tense and aspect // Journal of child language. 1983. № 10.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

© 1996 г. Е.К. НИКОЛАЕВА

К ТИПОЛОГИИ ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

Сравнение — один из древнейших способов наименования окружающей действительности. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Анализ лексики, используемой для сравнения (сравнительных компонентов), дает возможность обратиться к тому языковому состоянию, когда выбор предмета для сравнения только совершался, проследить процесс формирования признаковой базы сравнительного компонента.

Исследование сравнительных компонентов устойчивых сравнений (далее — УС) славянских языков показало, что наиболее активно при формировании компаративных единиц используется предметная лексика и наименования представителей животного мира [Огольцев 1978; Кювлиева 1986; Демьянович 1980]. Однако при сравнении фразообразовательного потенциала этих двух групп лексики выясняется, что в сравнительных компонентах, в качестве которых выступают наименования предметов, в большинстве случаев акцентируется один отличительный признак, яркая качественная особенность, присущая данному предмету, которая и получает развитие в УС. Фразообразовательный же потенциал компонентов-анимализмов значительно выше, они способны образовывать вокруг себя мощные фразеологические гнезда. В системе УС польского языка среди 15 наиболее активных во фразообразовательном отношении компонентов (*собака* — 177 УС[1], *еврей* — 79 УС, *дьявол* — 64 УС, *волк* — 56 УС, *свинья* — 55 УС, *кот* — 48 УС, *конь* — 35 УС, *вол* — 39 УС, *рыба* — 28 УС, *заяц* — 28 УС, *муха* — 28 УС, *вошь* — 25 УС, *жаба* — 24 УС, *медведь* — 23 УС, *теленок* — 23 УС) 13 — наименования животных и насекомых.

Таким образом, наивысшей фразообразовательной активностью в УС польского языка обладают компоненты-анимализмы, для которых характерна усложненность и опосредованность ассоциативных признаков, избирательность коннотаций. Формирование их признаковой базы проходит более сложный путь, нежели, сравнительных компонентов, выраженных предметной лексикой. Поэтому УС с анимализмами далеко не всегда обладают ясной внутренней формой, четкой мотивированностью. Усложненность мотивации нередко создается фольклорно-мифологическим фоном, на котором происходит образование многих УС.

Так, например, довольно неожиданное представление о еже как медлительном и ленивом животном возникает из сравнений *pospieszyć się jak jeż z drożdżami* ("поспешить как еж с дрожжами"), *ciebie tak posłać jak jeża po drożdże* ("тебя посылать, — как ежа за дрожжами"). В основе этих выражений, вероятнее всего, лежит сюжет сказки о том, как ежа послали за дрожжами. После семилетнего отсутствия он наконец принес дрожжи, но вылил их, споткнувшись о порог. В гневе еж воскликнул: "Вот что бывает с теми, кто очень спешит!" [Krzyżanowski 1962, I: 77]. В указателе сказочных сюжетов Ю. Кжижановский фиксирует и другой вариант этой сказки, где в качестве главного героя выступает рак (в указателе сюжетов восточно-славянской

[1] Материал приводится по словарю "Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. Krzyżanowskiego J. I—IV. Warszawa, 1969—1978.

сказки имеется аналогичный сюжет: рак (жаба), который очень спешил [Чистова "ред" 1979: 100]. В польском языке существует сравнение *wracać jak rak z drożdżami* ("возвращаться как рак с дрожжами"). Это сравнение более позднее: первая фиксация УС с ежом — 1632 г., с раком — 1846 г. Образ рака более оправдан в предложенной ситуации, т.к. ассоциативные признаки, связанные с компонентом *рак* в УС, отражают медлительность и неповоротливость этого животного. Возможно, поэтому, а также, видимо, и вследствие влияния восточно-славянской сказки, он и введен в польскую сказку, а позднее закрепился в УС.

Примечательно, что в современном варианте этой сказки, изложенной для детей [Наши сказки... 1975: 35—38], главным героем выступает черепаха. В указателе сказочных сюжетов подобный сюжет обнаружить не удалось, видимо, черепаха заменила ежа в детской сказке из-за очевидности ассоциативных признаков, связанных с этим животным: ведь именно черепаха является символом медлительности в европейских языках.

Таким образом, не зная сюжета сказки о еже, невозможно понять внутренней формы оборотов *pospieszyć się jak rak z drożdżami, ciebie tak posłać, jak jeża po drożdże*, объяснить столь непривычные для ежа признаки, как "медлительный, ленивый". Здесь произошел тот самый процесс, о котором писал А.А. Потебня, — когда сказки, легенды постепенно сокращаются, становясь основой басни или побасенки, а затем конденсируются в устойчивые образные обороты [Потебня 1894].

Внутренняя форма других УС с компонентом *еж* ясна и прозрачна, т.к. в них актуализируется основной, привычный для всех носителей языка признак этого животного — "колючесть": *jeżyć się jak jeż* ("ежиться как еж"), *czupryna jak u jeża* ("шевелюра как у ежа"), *nasrożony jak jeż* ("настороженный как еж") и т.д. В основе этих сравнений лежат либо реальные наблюдения над внешним видом, поведением ежа, либо народные обычаи, связанные с этим животным. Так, выражение *jak cielę z jeżem do krowy* ("как теленок с ежом к корове" — так говорят о небритом мужчине, пытающемся поцеловать женщину) возникло из деревенского обычая: для того, чтобы отучить теленка сосать корову, к его морде привязывали шкуру ежа.

Возможно, что именно шкура ежа фигурирует и в оборотах *z siwą głowa do kobiety jak z jeżem do psa* ("с седой головой к женщине как с ежом к собаке"), *chwyta się jak pies jeża* ("хватается как собака за ежа"), *z prawdą do ludzi jak z jeżem do psa* ("с правдой к людям как с ежом к собаке). Ю. Кжижановский полагает, что эти обороты уходят корнями в то время, когда по деревням Польши бродили нищие, выпрашивая подаяние. Для защиты от яростных нападок деревенских собак они пользовались палками, на концы которых прикрепляли колючую шкуру ежа, а впоследствии на один конец палки просто набивали гвозди остриями наружу. По мнению Ю. Кжижановского, этот *jeż dziadowski* и нашел отражение в вышеприведенных сравнениях [Słownik 1965: 155]. Однако нам не удалось обнаружить ни одного варианта описываемых УС, где бы лексема *jeż* сочеталась с прилагательным *dziadowski*, что заставляет более осторожно отнестись к предложенной версии. Кроме того, образ собаки и ежа совместимы в контексте данных УС и в прямых значениях: *Jak ów pies, który jeża zobaczywszy na stronie, mniema, ze szcrupłe zwierzę od razu pochłonie, lecz go wywodzi z błędu skóra niepożyta, tym więcej go kaleczy, im ją mocniej chwyta* ("как та собака, которая, заметив в стороне ежа, думает, что сразу проглотит худенького зверька, но из заблуждения ее выводит несокрушимая шкура, чем сильнее собака ее схватит, тем больше калечится)[Słownik 1958—1969, III: 414]. Скорее всего, в современном языке мотивированность этих выражений основана на представлении о поведении двух животных.

Несмотря на разнообразие УС с компонентом *еж* в польском языке, признаковая база этого компонента незначительна — актуализируются лишь два ассоциативных признака: "колючесть" и "медлительность", один из которых своим источником имеет наблюдения над жизнью, внешним видом и повадками этого животного, другой — народную сказку.

Наиболее широкую признаковую базу в УС польского языка имеет компонент *pies* ("собака"). К.М. Гюлумянц, анализируя сравнения польского и русского языков с компонентом *собака*, пишет: "На основе представлений: *собака* — злой, жестокий, дурной человек; хищник, негодяй, презренный человек, *собачья жизнь* — трудная, плохая жизнь — создан длинный ряд более расчлененных и точных характеристик, как, например, ...*głodny jak P., wierny, przywiązany jak P., zły jak P., łgać jak P., ... gryźś, kąsać jak P., łasić się jak P., zmarznąć jak P.*" [Гюлумянц 1971: 114]. С. Скорупка, подтверждая преобладание негативно окрашенной фразеологии с этим компонентом, пишет, что в языке, в частности во фразеологии "нашло отражение наблюдение над жизнью и поведением собаки" [Skorupka 1958: 137].

Вероятно, закрепление ассоциативных признаков этого слова (в частности, как компонента УС) связано с более сложными и неоднозначными процессами. Образ собаки во фразеологии несомненно испытал на себе влияние мифологических представлений, связанных с этим животным. В мифологическом осмыслении собака — хтоническое животное, обычно встречающееся в древних памятниках и мифах в связи с мотивами земли и загробного мира. Не останавливаясь подробно на мифологии этого животного (об этом существует обширная литература) [Клингер 1911; Миллер 1876; Moszynski 1931; Успенский Б.А. 1987], отметим, что в древней картине мира собаки занимали крайне низкое положение и причислялись к нечистым существам, к тому же в народном сознании они часто отождествлялись с дьявольскими силами.

При закреплении ассоциативных признаков этого компонента УС произошло наложение образа домашнего животного на уже стершийся в сознании народа неприятный, резко отрицательный образ мифологического существа, т.е. эмпирические наблюдения человека над жизнью и поведением собаки пошли сквозь призму мифологического мышления. Кажется, именно этим можно объяснить обилие резко отрицательных коннотаций, связанных с компонентом собака: *zły jak pies* ("злой как собака"), *brzydki jak pies* ("противный как собака"), *potrzebny jak pies w kościele* ("нужен как собака в костеле"), *strzec się kogo jak psa* ("остерегаться кого-то как собаки") и т.п. Интересно выражение *łgać (kłamać) jak pies* ("лгать (врать) как собака"). Можно предположить, что использование глаголов *лгать, врать* в качестве основания сравнения вызвано семантическим взаимодействием глаголов *szczekać, brechać, łgac* ("лаять", "брехать", "лгать") в УС *szczeka jak pies, bresze jak pies, łze jak pies* и развитием метафорического значения глагола *szczekać* "оговаривать, очернять кого, врать, лгать, измышлять" [Słownik 1958—1959, VIII: 1046]. Однако УС *łgac (łygac, kłamac, szczekać) jako pies* отмечены уже в Словаре старопольского языка [Słownik 1953—1958, VI: 118]. Выражение *сългал еси аки песъ* встречается в "Слове" Даниила Заточника (XIII в.). А.А. Потебня писал, что в Польше существовал обычай: уличенных в клевете заставляли "лезть под стол и лаять там по-собачьи в знак того, что они и прежде врали как собаки" [Потебня 1914: 158]. Вероятно, мотив лжи и обмана также связан с образом неприятного мифологического существа.

Однако нельзя отрицать и значения чисто эмпирических наблюдений в формировании признаковой базы этого компонента. Это прежде всего сравнительно немногочисленная группа положительно окрашенных или УС, которые отражают наше актуальное представление "собака — друг человека": *wierny jak pies* ("верный как собака"), *posłuszny jak pies* ("послушный как собака"), *przywiązany jak pies* ("привязавшийся как собака"), и довольно многочисленная группа УС, в основе которых — наблюдения над "собачьей" жизнью, особенностями ее поведения: *siwieje jak pies od mordy* ("седеет как собака с морды"), *boi się jak wsciekły pies wody* ("боится как бешеная собака воды"), *lata jak pies z wywieszonym językiem* ("носится как собака с вывешенным языком"), *chwyta jak pies flaki* ("хватает как собака рубцы"), *zyją jak pies z kotem* ("живут как кошка с собакой") и т.п.

Нередки и случаи, когда эмпирические и мифологические представления не только тесно переплетены, но и осложнены фольклорной традицией и глубиной "историко-литературных" сюжетов. Таков, например, образ собаки в колодце, очень популярный

в сравнительных оборотах польского языка: *hulał jak pies w studni* ("веселился как собака в колодце"), *szczęśliwy jak pies w studni* ("счастливый как собака в колодце"), *tańczy jak pies w studni* ("танцует как собака в колодце"), *spisał się jak pies w studni* ("проявил себя как собака в колодце"). Этимологические разыскания Ю. Кжижановского привели его к предположению, что этот образ заимствован из латинского выражения *in puteo cum cane pugnare* ("сражаться с собакой в колодце"), куда, в свою очередь, попал из греческого *en freati kynomachein*. Ю. Кжижановский полагает, что в данных выражениях речь идет о горных источниках, которые обычно находились в труднодоступных местах (в котловинах, воронках), и выбраться оттуда было очень сложно, особенно животным. Так как источники очень редки в горах, то с целью охраны их от непрошенных гостей греки возводили вокруг них каменные заграждения; так образовывались искусственные ловушки, которые вместе с естественными, по предположению Ю. Кжижановского, вошли в греческое выражение [Krzyżanowski 1975: 274].

На польской почве этот образ колодца-ловушки был конкретизирован введением дополнительных компонентов *suchy* ("сухой") и *dominikański* ("доминиканский"): *używa jak pies w suchej studni; używa jak pies w dominikańskiej studni* ("наслаждается жизнью как собака в сухом (доминиканском) колодце"). Однако если образ высохшего колодца как нельзя больше напоминает ловушку, то образ доминиканского колодца опять же требует пояснений.

Предполагается, что речь идет о колодце в доминиканском монастыре (на границе Волыни и Малой Польши), строительство которого в 1690 г. было ознаменовано чудом: на монастырский двор спустился аист и трижды ударил клювом в землю, указав таким образом место будущего колодца [Krzyżanowsky 1975: 275]. Благодаря этому чуду, ставшему сюжетом многих народных преданий, доминиканский колодец получил широкую известность среди поляков, вошел в пословицу и поговорки, например: *osiadł jak w dominikańskiej studni, ani jej wypić, ani zniej wyleźć* ("обосновался как в доминиканском колодце, ни выпить его, ни вылезти из него"). Так заимствованное выражение "обросло" национальными реалиями и получило новую жизнь в польском языке.

Но есть еще третья группа оборотов с компонентом *pies*, которая раньше не привлекала внимание исследователей. В этой группе произошла полная утрата предметной основы сравнения: *boli jak pies* ("болит как собака"), *twardy jak pies* ("твердый как собака"), *gorąco kiej pies* ("горячо как собака"). В этих оборотах компонент *собака* функционирует как демотивированный интенсификатор, являясь лишь средством выражения "интенсивности эмоции", чем и объясняется утрата буквального значения компонента. Это один из случаев, когда интенсивность эмоции вообще всегда затемняет и отодвигает на задний план оттенки смысла: чем выше интенсивность выражения, тем неопределеннее ее логический смысл [Балли 1961: 338].

Представляется, что способность компонента *собака* выступать в качестве демотивированного интенсификатора вызвана, в частности, тесной связью собаки с дьяволом (дьявол часто выступает в образе собаки [Woods 1959]). А компонент *дьявол (черт)* вследствие сильной экспрессии этой лексемы выступает как демотивированный интенсификатор практически во всех европейских языках. В УС этой группы возможна взаимозамена этих компонентов (*дьявол — собака*).

В единицах рассматриваемой группы компаративные отношения практически стерты, они проявляются лишь на структурном уровне — в наличии союза *как*, который, однако, подвергается как бы синтаксической демотивации и перестает функционировать как сравнительный союз.

Таким образом, анализ УС с компонентами *собака* и *еж* показывает, что, с одной стороны, ассоциативные признаки компонентов-анимализмов выделяется на основе наблюдений над внешним видом, жизнью и повадками животных (УС, построенные на

этих образах, обладают ясной внутренней формой), с другой стороны, чисто эмпирическое восприятие человеком животных осложняется мифологическим переосмыслением этих образов, они испытывают влияние духовной культуры: фольклорных текстов, религиозных представлений. Вследствие этого увеличивается их семантический потенциал, они обрастают дополнительными коннотациями, что часто затрудняет расшифровку их внутренней формы УС. Однако рост семантического потенциала возможен лишь до определенных пределов, пока ассоциативные признаки компонентов семантически соотнесены с денотатом. Дальнейшее расширение признаковой базы компонента ведет к утрате качественной семы в его значении и абсолютизации количественной, а в конечном итоге — к полному семантическому опустошению компонента. Он начинает функционировать как интенсификатор, приобретая максимальный фразообразовательный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балли Ш. 1961 — Французская стилистика. М., 1961.

Гюлумянц К.М. 1971 — Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах (на материале русского и польского языков) // Вопросы фразеологии. Вып. IV. Самарканд, 1971.

Демьянович Н.И. 1980 — Устойчивые сравнения со значением состояния в русском, чешском и словацком языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1980.

Клингер В. 1911 — Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.

Кювлиева В. 1986 — Устойчивите сравнения в българския език. София, 1986.

Миллер В.Н. 1876 — Значение собаки в мифологических верованиях: Древности, Т. VI, Вып. 3. М., 1876.

Наши сказки... 1975 — Книга третья / Сост. М. Боголюбская, А. Табенкина. М., 1975.

Огольцев В.М. 1978 — Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.

Потебня А.А. 1894 — Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.

Потебня А.А 1914 — О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.

Успенский Б.А. 1987 — Мифологический аспект экспрессивной фразеологии. Статья 2 // Studia Slavica Hung. 33/1—4, 1987.

Чистова "ред". 1979 — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Под ред. В.К. Чистовой. Л., 1979.

Krzyżanowski J. 1975 — Mądrej głowie dość dwie słowie. T. I—III. Warszawa, 1975.

Krzyżanowski J. 1962 — Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław, 1962.

Moszyński K. 1931 — Pies w wierzeniach i obrzedach. Lud Słowiański. T. II, cz. I. Kraków, 1931.

Słownik 1965 — Słownik Folkloru polskiego / Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965.

Słownik 1958—1959 — Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. T. I—VIII. Warszawa. 1958—1969.

Słownik 1953—1985 — Słownik staropolski. T. I—VIII. Wrocław, 1953—1985.

Skorupka S. 1958 — Idiomatyzmy frazeologizne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. Вып. III. М., 1958.

Woods B.A. 1959 — The devil in dog form. A partial type-index of devil legends. Berkeley; Los Angeles, 1959.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1996

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1996 г. И.А. СЕКЕРИНА

АМЕРИКАНСКИЕ ТЕОРИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ

Синтаксический анализ предложения в процессе понимания (syntactic sentence processing, syntactic parsing) (далее "синтаксический анализ предложения") представляет собой составную часть процесса понимания предложения в целом. Считается, что с психолингвистической точки зрения аппарат понимания предложения человеком (анализатор, процессор) включает в себя фонетико-фонологический анализ каждого слова, лексическую и морфологическую информацию, построение синтаксической структуры предложения и, наконец, его семантическую интерпретацию. Естественный интерес представляют попытки смоделировать каждую из названных выше частей процесса понимания предложения человеком. Очевидно, что подобное разграничение функций модулей аппарата понимания не является абсолютным — модули взаимодействуют между собой на разных этапах анализа предложения.

В современной американской психолингвистике синтаксический анализ предложения занимает одно из ведущих мест по числу публикаций и конференций. Этот повышенный интерес связан не только с тем, что синтаксический анализ предложения в общем находится в центре внимания теоретической лингвистики, но и с тем фактом, что именно эту часть процесса понимания предложения оказывается возможным изучать с помощью экспериментальных методов. Поскольку целью данного обзора является описание и сравнение нескольких ведущих в американской психолингвистике моделей синтаксического анализа предложения с теоретической точки зрения, экспериментальные исследования в рамках той или иной модели будут по большей части опущены.

Предлагаемый обзор состоит из двух разделов. Раздел 1 представляет собой краткое описание терминов, понятий и языкового материала, используемых в теории синтаксического анализа предложения. Раздел 2 посвящен рассмотрению и сравнению трех ведущих моделей синтаксического анализа предложения в английском языке. В конце обзора кратко суммируются положения теории синтаксического анализа предложения и основные характеристики трех главных моделей.

1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕТОДЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Синтаксический анализ предложения представляет собой процесс определения синтаксической структуры предложения. Традиционно, в соответствии с наиболее распространенной в Америке теорией трансформационно-порождающей грамматики, разработанной Хомским и его последователями [Chomsky 1981; 1986; Секерина 1994], — теории управления и связывания (government and binding theory), синтаксическая структура предложения представляется в виде фразового дерева (phrase-marker), состоящего из фразовых групп и терминальных символов — слов. Синтаксическое дерево позволяет определять структурные зависимости его частей и описывать их свойства. Помимо построения дерева синтаксический анализ предложения должен включать в себя процедуры проверки построенного дерева и его корректи-

ровки (если на каком-нибудь последующем этапе понимания предложения окажется, что первоначальный синтаксический анализ предложения был неверным).

Центральной проблемой для психолингвистических моделей синтаксического анализа предложения является вопрос о том, как люди преобразуют цепочку слов в синтаксическое дерево для представления его структуры. Очевидно, что напрямую ответить на этот вопрос не так-то просто, главным образом из-за того, что синтаксический анализ предложения осуществляется необыкновенно быстро. В результате пока представляется невероятно сложным охарактеризовать аналитические операции (parsing strategies) непосредственно тогда, когда они осуществляются в процессе синтаксического анализа предложения. Речь идет о возможности измерения времени (в миллисекундах), которое уходит на построение того или иного синтаксического дерева и, тем самым, о возможности сравнения нескольких деревьев с точки зрения того, насколько быстрее можно проанализировать разные синтаксические структуры. Особенно ценными в этом плане оказываются многозначные предложения (ambiguous sentences), т.е. такие предложения, которые могут иметь два или более разных синтаксических представления. Информанты слушают (или читают) многозначные предложения, и на основании того, как они справляются с разрешением многозначности, можно опосредованно судить о характере аналитических операций, производимых синтаксическим анализатором в том месте, где эта многозначность возникает.

Синтаксически многозначные предложения бывают двух типов: временно многозначные (temporarily ambiguous) и глобально многозначные (globally ambiguous). Особое внимание в теории синтаксического анализа предложения в процессе понимания отводится временно многозначным предложениям, т.е. таким предложениям, в которых до определенного момента возможны два (или больше) представления, а в одном конкретном месте эта многозначность разрешается в пользу только одного представления. Это связано с тем, что только такие предложения позволяют судить о том, как проходит анализ предложения, какие возникают трудности и как происходит корректировка. Глобально многозначные предложения в этом смысле представляют собой материал, который дает возможность судить о характере анализа только после того, как он полностью завершен. Это, конечно, отнюдь не означает, что теория синтаксического анализа предложения не интересуется однозначными (unambiguous sentences) и глобально многозначными предложениями. Однако именно временно многозначные предложения дают наилучшую возможность исследовать аналитические операции, характеризующие синтаксический анализ в процессе развертывания предложения.

Интересно отметить, что временно многозначные предложения бывают двух типов: такие предложения, которые не вызывают осознанных трудностей при анализе возникшей многозначности (1.3) и такие, которые представляют большие трудности даже тогда, когда известно, что предложение требует особых усилий для понимания (1.4). Предложения второго типа считаются неприемлемыми (unacceptable). В психолингвистике неприемлемые предложения занимают такое же центральное место, как грамматически неправильные (ungrammatical) предложения в теоретическом синтаксисе. В то время как грамматически неправильные предложения помогают установить и определить принципы грамматики, неприемлемые предложения являются практически единственным способом на сегодняшний день, который позволяет пролить свет на характер аналитических операций, осуществляемых человеком в процессе синтаксического анализа предложения. Очевидно, однако, что грамматически неправильные предложения совсем не обязательно должны быть неприемлемыми и наоборот. Таким образом, мы имеем дело с четырехчленной матрицей, представленной в Таблице 1[1].

---

[1] В теории синтаксиса значком * принято обозначать грамматически неправильные предложения. В теории синтаксического анализа предложения значком # принято обозначать такие временно многозначные предложения, которые представляют значительные трудности для понимания.

Таблица 1

Типы предложений

	Грамматически неправильные	Грамматические правильные
Неприемлемые	**The horse **race** past the barn fell* Лошадь, гнать мимо сарая, упала	*# The horse raced past the barn fell* Лошадь, прогнанная мимо сарая, упала
Приемлемые	**The horse **ride** past the barn fell* Лошадь, проскакать мимо сарая, упала	*The horse ridden past the barn fell* Лошадь, проскакавшая мимо сарая, упала

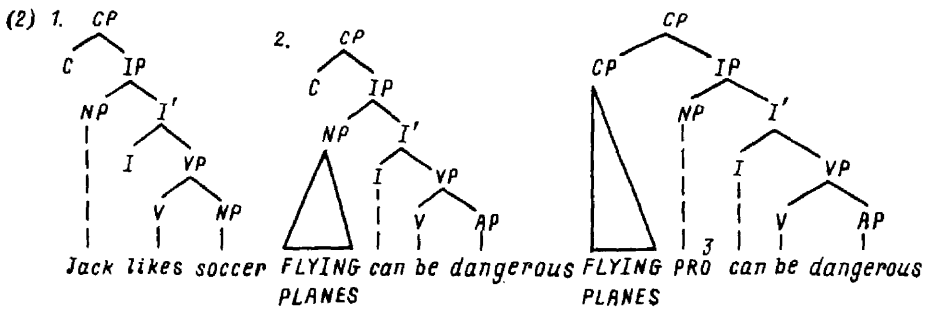
Классические примеры классификации предложений английского языка с точки зрения многозначности представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Классификация английских предложений с точки зрения многозначности

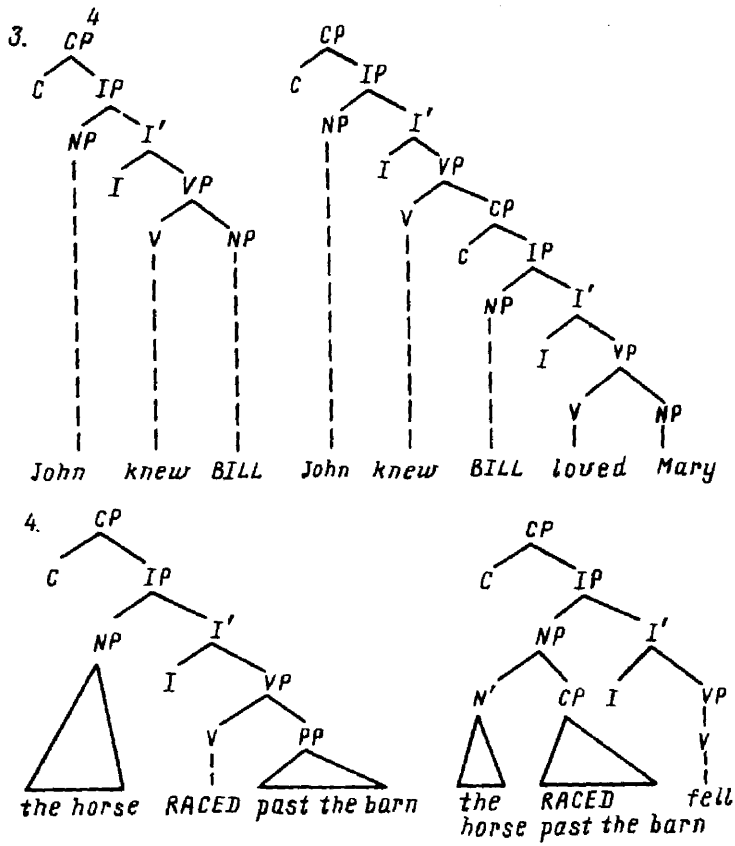
(1) 1. *Jack likes soccer* "Джек любит футбол"	немногозначное предложение
2. *FLYING PLANES*[2] *can be dangerous* "Летающие самолеты могут быть опасны" "Летать самолетами может быть опасно"	глобально многозначное предложение: первый возможный анализ второй возможный анализ
3. *John knew BILL loves Mary* "Джон знал БИЛЛА ... любит Мэри"? "Джон знал, что БИЛЛ любит Мэри"	временно многозначное предложение: первоначальный неправильный анализ последующий скорректированный анализ
4. *# The horse RACED past the barn fell* "Лошадь пробежала мимо сарая... упала"? "Лошадь, ПРОГНАННАЯ мимо сарая, упала"	временно многозначное предложение: первоначальный неправильный анализ последующий скорректированный анализ

Пример (1.1) является предложением, который имеет однозначное синтаксическое представление (2.1) (см. ниже); пример (1.2) может иметь два синтаксических представления (2.2) — в первом словосочетание *FLYING PLANES* является подлежащим простого предложения, а во втором оно представляет собой герундивный оборот, являющийся подчиненным предложением:



[2] Здесь и далее заглавными буквами выделены фразовые группы, которые могут иметь два и более различных синтаксических представления.

[3] Символом PRO в теории управления и связывания обозначается пустой, местоименный элемент (empty pronominal), имеющий неопределенный референт и занимающий позицию подлежащего в инфинитивных и герундивных предложениях.



Та часть предложения, которая может иметь два или более синтаксических представления, называется областью многозначности (ambiguous region), а все, что следует за областью многозначности, — областью снятия многозначности (disambiguating region). Таким образом, в примере (1.4) слово *RACED* является многозначным с точки зрения части речи: оно может пониматься как глагол "ПРОБЕЖАЛА", являющегося сказуемым простого предложения, или в качестве причастия "ПРОГНАННАЯ" в составе причастного оборота, определяющего существительное *horse* "лошадь" (2.4). Область многозначности состоит из всего причастного оборота *RACED past the barn* "ПРОБЕЖАЛА/ПРОГНАННАЯ мимо сарая", а глагольная группа *fell* "упала" представляет собой область снятия многозначности.

---

[4] При построении синтаксических представлений (деревьев) здесь и далее используются символы фразовых групп, принятые в теории управления и связывания [Chomsky 1981; 1986]: CP (complementizer phrase) эквивалентна S', то есть предложению; IP (inflectional phrase) — группа глагольного словоизменения; NP (noun phrase) — именная группа; VP (verbal phrase) — глагольная группа; AP (adjectival phrase) — адъективная группа; PP (prepositional phrase) — предложная группа; Det — детерминатор, то есть артикль. Фразовые группы проецируются от главного слова, возглавляющего фразовую группу — (C, I, V, N, A, P), и иначе называются максимальными проекциями (maximal projections). Между максимальной проекцией и главным словом может находиться промежуточная категория (C', I', V', N', A', P'). Все они являются понятиями X-штрих модуля (X-bar theory).

Исторически сложилось так, что большая часть работ в области теории синтаксического анализа предложения основывалась на материале английского языка, что связано, в первую очередь, с преобладанием до недавнего времени исследований по синтаксису именно этого языка[5]. Вследствие этого представляется важным кратко рассмотреть типологию многозначных предложений, выявленных в английском языке. Эта типология, которая в том или ином виде ныне фигурирует в большинстве работ, посвященных вопросам синтаксического анализа предложения [Frazier, Clifton в печати; Gibson 1991; Pritchett 1992], представлена в (3) (1—5, 10—11 — временно многозначные предложения; 6—9 — глобально многозначные):

(3)1. главное предложение/сокращенное[6] придаточное определительное предложение: # *The horse RACED past the barn fell* "Лошадь, ПРОГНАННАЯ мимо сарая, упала";

2. прямое дополнение/подлежащее относительного придаточного предложения: *BILL knew JOHN liked Mary* "Билл знал [,что][7] Джону нравится Мэри";

3. прямое дополнение/подлежащее: # *While Mary was sewing THE DRESS fell on the floor* "Пока Мэри шила [,] платье упало на пол";

4. придаточное дополнительное/определительное: # *The doctor persuaded the patient THAT was having trouble with to leave* "Доктор уговорил пациента, с которым у него не ладились отношения [,] уйти";

5. конструкции с двойным дополнением: # *I gave the man who was eating THE ICE-CREAM* "Я дал человеку, который ел [,] мороженое";

6. присоединение предложной группы к именной группе/глагольной группе: *The cop saw the spy WITH THE BINOCULARS* "Полицейский увидел шпиона с биноклем/в бинокль";

7. присоединение наречия к высшему/низшему предложению: *Bill thought John died YESTERDAY* "Билл думал [,] что Джон умер вчера";

8. присоединение предложной группы к высшему/низшему предложению: *I put the book that you were reading IN THE LIBRARY* "Я оставил книгу, которую ты читал [,] в библиотеке";

9. придаточное определительное предложение внутри сложной именной группы: *The son of the colonel WHO died in the car accident* "Сын полковника, который погиб в автомобильной катастрофе";

10. сочинительные конструкции: *Bill kissed Mary AND her sister laughed* "Билл поцеловал Мэри [,] и ее сестра засмеялась";

11. лексическая многозначность: *Without HER contributions failed to come* "Без нее/ее пожертвования перестали приходить".

Одним из главных вопросов, возникающих в процессе синтаксического анализа временно многозначных предложений, является вопрос о характере аналитических операций, применяемых человеком в области многозначности. Во время анализа примера (2.4), услышав слово *RACED* "ПРОБЕЖАЛА/ПРОГНАННАЯ", человеку надо принять решение, какое синтаксическое представление построить. В принципе, существуют три возможных способа продолжить анализ предложения в области многозначности. Во-первых, можно построить только одно синтаксическое представление,

---

[5] В последнее время положение стало меняться в лучшую сторону, так как появилось несколько интересных работ на материале других языков. Синтаксический анализ предложения в других языках представляет собой самое перспективное и быстро развивающееся направление в психолингвистике, и объем настоящего обзора не позволяет остановиться на этой теме. Она должна стать предметом отдельной работы.

[6] Сокращенными такие придаточные определительные предложения называются потому, что в них опущены определительное слово *that* "который" и вспомогательный глагол в пассивной конструкции *be* "быть". Ср.: *The horse that was raced past the barn fell.*

[7] Квадратные скобки означают, что в английском оригинале данные слова опущены, однако в таком виде дословный перевод на русский язык оказывается невозможным.

Таблица 3

Классификация моделей синтаксического анализа предложения

Модель	Тип аналитических операций снятия многозначности	Тип используемой информации	Компонент корректировки
Модель заблуждения и ее разновидности	Последовательный анализ	Только синтаксическая информация	Фразер и Райнер: выборочная корректировка; Инуе и Фодор: те же операции, что и при первоначальном анализе (стирание); Фодор и Инуе: особые операции (исправление);
Модель главного слова	Последовательный анализ	Только синтаксическая информация	[Pritchett 1991]: Тэта корректировка [Prichett 1992]: Принцип непосредственной локальности
Модель структурного детерминизма / Модель минимальных обязательств	Последовательный анализ	Только синтаксическая информация	нет отдельного компонента корректировки
Модели Гибсона, Горрелла [Gorell 1987; 1989], Николь и Пикеринга, Хикока	Параллельный анализ	Только синтаксическая информация	нет
Д-Модель Маркуса	Анализ при помощи отсрочки	Только синтаксическая информация	нет

не обращая внимания на другие возможные альтернативы, а затем скорректировать первоначальный анализ, если таковой окажется неправильным. Во-вторых, можно построить все возможные альтернативные синтаксические представления. В-третьих, можно продолжить анализ, отложив разрешение многозначности на некоторое время по крайней мере до тех пор, пока не появится информация, позволяющая снять многозначность. Первый тип аналитических операций снятия многозначности называется последовательным анализом (serial parsing). Этот тип аналитических операций характерен для работ Л. Фразер [Frazier 1978; 1987; 1982; 1990; Frazier 1993] и ее коллег — Дж.Д. Фодор [Foder, Inoue 1993], А. Инуе [Inoue, Fodor 1993], Феррейры и Хендерсона [Ferreira, Henderson 1991]. Второй тип называется параллельным анализом (parallel parsing) и является ведущим принципом в моделях, разработанных Гибсоном [Gibson 1991], Бервиком и Фонгом [Berwick, Fong в печати], Горреллом [Gorrell 1992; 1992 в печати], Николь и Пикерингом [Nicol, Pickering 1993], Хикоком [Hickok 1993]. Третий тип называется анализом при помощи отсрочки (delay parsing). Он характерен для детерминистских моделей Маркуса [Marcus 1980; Marcus, Hindle, Fleck 1983] и частично его последователей Горрелла [Gorrell 1992; 1992 в печати; 1993 рукопись; 1993; 1994 в печати] и Вайнберг [Weinberg 1993; 1994 в печати].

Характер и тип аналитических операций снятия многозначности является одним из трех главных параметров, различающих модели синтаксического анализа предложения в процессе его понимания человеком. Второй параметр определяет виды информации, которые могут оказывать влияние на процесс разрешения многозначности. Здесь

существуют две возможности: только структурная (синтаксическая) информация может быть принята во внимание при разрешении многозначности [Cuetos, Mitchell 1988; De Vincenzi 1989; Ferreira, Henderson 1991; Fodor, Inoue 1993; Frazier 1978; 1987; 1990; Frazier, Clifton 1993 в печати; Frazier, Fodor 1978; Frazier, Rayner 1982; Gorrell 1992; 1992 в печати; 1993; 1993a; 1994 в печати]; или же не только синтаксическая, но и информация, относящаяся к более высоким уровням иерархии, может влиять на процесс разрешения многозначности, а именно, семантическая, прагматическая, контекстная информация и знание реального мира [Altmann, Steadman 1988; Carlson, Tanenhaus 1988; Crain, Steadman 1985; Sells 1985]. И, наконец, для моделей последовательного синтаксического анализа предложения центральным компонентом является процесс корректировки, а также степень сложности корректировки неправильного первоначального анализа [Ferreira, Henderson 1991; Fodor, Inoue 1993; Frazier 1978a; 1982; 1990; 1993; Gorrell 1992; 1992a; 1993; 1993a; Gorrell в печати; Inoue, Fodor 1994; Pritchett 1987; 1987a; 1991; 1992].

В разделе 2 предлагается обзор трех самых влиятельных американских моделей синтаксического анализа предложения на настоящий день: модели заблуждения (Garden-Path parsing model), модели главного слова (ad-Driven parsing model) и модели структурного детерминизма (Structural Determinism parsing model).

В Таблице 3 в обобщенном виде представлена классификация существующих в американской психолингвистике моделей синтаксического анализа предложения.

2. ТРИ ВЕДУЩИЕ МОДЕЛИ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Три ведущие модели синтаксического анализа предложения в американской психолингвистике — модель заблуждения, модель главного слова и модель структурного детерминизма основаны на принципе последовательного анализа. Их также объединяет и тот факт, что во всех трех моделях только структурная (синтаксическая) информация может оказывать влияние на способ разрешения многозначности при анализе временно многозначных предложений. Таким образом, в соответствии с классификацией факторов, определяющих характеристики той или иной модели, изложенной в разделе 1, все три модели попадают в один класс. Однако они различаются по третьему параметру, а именно, что из себя представляет компонент корректировки (reanalysis component), то есть аналитические операции, используемые при корректировке первоначального неправильного анализа, и степень сложности корректировки (cost of reanalysis).

2.1. Модель заблуждения (перцептивная модель) Л. Фразер и модификации этой модели

Модель заблуждения была самой первой моделью синтаксического анализа предложения в американской психолингвистике. Интересно происхождение названия этой модели. В английском языке существует фразеологический оборот *to lead down the garden-path*, означающий "вводить кого-то в заблуждение, заводить не туда". Принято считать, что в предложениях типа (1.3—4) человек первоначально избирает неправильный синтаксический анализ предложения, т.к. его вводят в заблуждение специфические аналитические стратегии, которые применяются автоматически, не принимая во внимание другие факторы. Таким образом, временно многозначные предложения типа (1.3—4) получили название "предложений заблуждения" (garden-path sentences)[8]. Как уже было упомянуто выше, предложения заблуждения бывают двух видов — (1.3) и (1.4). Некоторые исследователи используют термин "предложения заблуждения" только для предложений второго типа, представляющих осознанную

[8] Для того чтобы передать разговорный характер этого английского фразеологического оборота, нужно специфическое русское выражение. Например, можно назвать предложения такого типа "сусанинскими" предложениями. Пока же за неимением ничего лучшего я ограничусь прямым переводом с английского и впредь буду называть многозначные предложения "предложениями заблуждения".

трудность для аппарата понимания человеком, иначе называемых каноническими предложениями заблуждения (canonical garden-path sentences). Другие исследователи относят оба вида таких предложений к предложениям заблуждения и делят их на легкие и сложные предложения заблуждения. Как будет видно из последующего обсуждения, разница между этими двумя типами играет роль в теории синтаксического анализа предложения.

Часто модель заблуждения называют еще и перцептивной моделью [Pritchett 1992], так как аналитические операции синтаксического анализа предложения в этой модели мотивированы с функциональной точки зрения их зависимостью от общих когнитивных процессов, например, ограниченностью краткосрочной памяти, и при этом считаются независимыми и никак не связанными с аспектами грамматической теории.

Разработка модели заблуждения началась в середине 1970-х годов с опубликованием статей Т. Бевера [Bever 1970] "Когнитивные основы языковых структур" и Дж. Кимболла "Семь принципов анализа поверхностной структуры предложения в естественном языке" [Kimball 1973] и книги Дж.А. Фодора, Т. Бевера и М. Гарретта "Психология языка" [Fodor, Bever, Garrett 1974], ставших классическими в теории синтаксического анализа предложения.

Каноническая Сентоидальная Стратегия Фодора, Бевера и Гарретта. Фодор, Бевер и Гарретт [Fodor, Bever, Garrett 1974] выдвинули предположение, что модуль синтаксического анализа предложения (human parser) оперирует несколькими эвристическими операциями. Одна из таких операций, называемая канонической сентоидальной стратегией (Canonical sentoid strategy), является причиной того, почему люди первоначально анализируют неправильно предложения типа (1.4): # *The horse RACED past the barn fell* "Лошадь, ПРОГНАННАЯ мимо сарая, упала". Каноническая сентоидальная стратегия состоит в том, что первый фрагмент вида N...V...(N) анализируется как главное предложение, если при этом глагол не помечен как глагол подчиненного предложения. Таким образом, каноническая сентоидальная стратегия объясняет, почему в (1.4) первоначальный анализ фрагмента "Лошадь ПРОБЕЖАЛА мимо сарая..." как главного предложения оказывается неправильным. Еще один класс предложений — предложения с несколькими внутренними придаточными предложениями (center-embedded clauses) — является чрезвычайно проблематичным для синтаксического анализатора: # *The editor authors the newspaper hired liked laughed* "Редактор, который авторам, которых наняла газета, нравится, рассмеялся". И в этом случае каноническая сентоидальная стратегия объясняет трудности анализа данного предложения, связанного со сложностью вычленения последовательности типа N...V в этом предложении.

Семь принципов анализа поверхностной структуры предложения Кимболла [Kimball 1973]. Дж. Кимболл пересмотрел каноническую сентоидальную стратегию, поскольку она была не в состоянии объяснить многие явления, наблюдаемые при синтаксическом анализе предложений, и предложил семь принципов анализа поверхностной структуры предложения[9] (4):

(4) 1. Принцип "сверху вниз" (top down): Анализ естественного языка осуществляется по принципу "сверху вниз" [Kimball 1973 : 20].

2. Принцип ассоциации справа (Right association): Терминальные символы присоединяются к самому нижнему нетерминальному символу [Kimball 1973 : 24].

3. Принцип новых узлов (New nodes): Сигналом для создания нового узла является появление слова незнаменательной части речи [Kimball 1973 : 29].

4. Принцип двух предложений (Two sentences): Могут быть одно-

[9] Более подробное обсуждение классической модели синтаксического анализа предложения, предложенной Кимболлом, см. [Pritchett 1992].

временно проанализированы составляющие не более чем двух предложений [Kimball 1973 : 33].

5. Принцип закрытия (closure): Фразовая группа закрывается как можно раньше, кроме тех случаев, когда следующий анализируемый символ является непосредственно составляющим символом этой группы [Kimball 1973 : 36].

6. Принцип фиксации структуры (Fixed structure): После того, как последний непосредственно составляющий символ фразовой группы сформирован и она закрыта, возвращение назад к этой группе с целью реорганизации ее составляющих символов создает перцептивную нагрузку (perceptual complexity) для анализатора [Kimball 1973 : 37].

7. Принцип анализа (processing): Когда фразовая группа проанализирована, она поступает дальше на этап синтаксического (возможно, семантического) анализа и стирается из краткосрочной памяти [Kimball 1973 : 38].

Принципы 1, 2, 3 и 5 определяют непосредственно эвристические операции построения анализа предложения, в то время как принципы 4, 6 и 7 характеризуют перцептивную нагрузку на анализатор.

Принцип 2 (Ассоциация справа) является одним из двух центральных принципов при объяснении трудностей, связанных с анализом предложений заблуждения. Например, этот принцип объясняет разницу в приемлемости предложений (5а) и (5б), где придаточное определительное присоединяется к самой низшей (правой) фразовой группе, придавая ей нормальное значение: *attractive job* "привлекательная должность" — в (5а) и аномальное — *attractive New York* "привлекательный Нью-Йорк" в (5б). Следует учесть, что прилагательное "привлекательная" может также относиться и к именной группе *the girl* "девушка":

(5) а. *The girl took the job that was attractive*
"Девушка заняла привлекательную должность"
"Привлекательная девушка заняла должность"
б. *The girl went to New York that was attractive*
"Девушка поехала в привлекательный Нью-Йорк"
"Привлекательная девушка поехала в Нью-Йорк".

Принцип 4 (два предложения) объясняет аномальный характер предложений с несколькими внутренними встроенными придаточными (см. пример # *The editor authors the newspaper hired liked laughed*), сложность анализа которых, как видно из возможности их переформулировки, заключается не в многозначности. Принцип 5 (закрытие) – второй по важности в модели Кимболла, в сочетании с принципом 6 (фиксация структуры) он является причиной трудностей при анализе канонических предложений заблуждения типа (1.4).

Сосисочный аппарат Л. Фразер и Дж.Д. Фодор. Именно принципы ассоциации справа и закрытия легли в основу модели заблуждения как таковой, представленной в статье Л. Фразер и Дж.Д. Фодор "Сосисочный аппарат: Новая двухступенчатая модель синтаксического анализа предложения" [Frazier, Fodor 1978] и в диссертации Л. Фразер "О понимании предложений: стратегии синтаксического анализа предложения" [Frazier 1978]. Синтаксический анализ предложения в "сосисочном аппарате" (the sausage machine) осуществляется двухступенчато. На первом этапе, называемом этапом "Предварительной упаковки фраз" (ПУФ) (the preliminary phrase packager), терминальные и фразовые символы приписываются части предложения, состоящей из примерно шести слов. Такое ограничение размера буфера связано с характеристиками краткосрочной памяти. На втором этапе, называемом этапом "управления структурой предложения" (УСП) (the sentence structure supervisor), фразовые "упаковки", поступившие с первого этапа, связываются друг с другом при помощи вышестоящих узлов. Таким образом, ПУФ первоначально пропускает части предложения через свой шестисимвольный буфер, а затем УСП строит цельное синтаксическое представление.

Аналитические операции, связанные с разрешением многозначности в сосисочном аппарате, определяются главным образом через взаимодействие двух эвристических принципов: принципа "минимального присоединения" (МП) (minimal attachment) и принципа "позднего закрытия" (ПЗ) (late closure). Несмотря на то, что многие характеристики сосисочного аппарата существенно устарели и не используются в современных версиях модели Заблуждения, принципы МП и ПЗ до сих пор являются ведущими и своего значения не утратили.

Принцип минимального присоединения: При присоединении нового материала к конструируемому синтаксическому дереву используйте как можно меньше узлов, соблюдая при этом принципы правильности построения в грамматике [Frazier 1987].

Принцип позднего закрытия: По возможности присоединяйте новые лексические единицы к той фразовой группе или тому предложению, которые анализируются в данный момент [Frazier 1987].

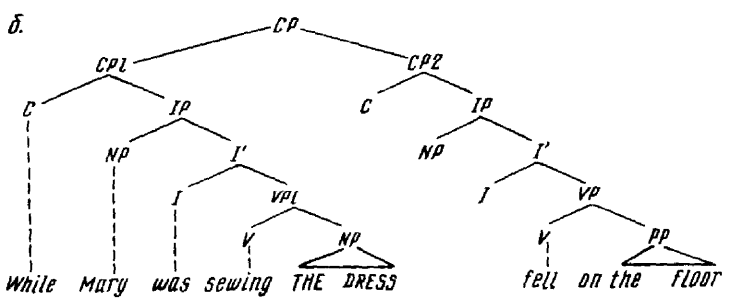
Этих двух принципов оказалось достаточно для объяснения многих легких и сложных предложений заблуждения, и поэтому оказалось возможным отказаться от семи принципов, предложенных в модели Кимболла. В частности, каноническое предложение заблуждения типа (1.4) первоначально анализируется как простое предложение благодаря МП (6):

(6) <[*NP the horse*] [*VP* [*RACED*] [*pp past the barn*]]>
1 2 3 4 5 6

ПУФ группирует шесть терминальных символов в две фразовые группы — NP и VP; затем УСП строит вышестоящий узел. Этот узел может быть или узлом IP (предложение), или узлом NP, распространенным придаточным предложением. Поскольку при построении IP потребуется меньше нетерминальных узлов (см. схему (2.4)), как того требует МП, именно этот вариант и будет выбран. Затем, когда появится слово *fell* "упала", этот анализ окажется неправильным, и потребуется корректировка.

Принцип ПЗ нужен для объяснения другого типа канонических предложений заблуждения:

(7) а. # *While Mary was sewing THE DRESS fell on the floor*
"Пока Мэри шила, [,] ПЛАТЬЕ упало на пол"



Когда появится слово *THE DRESS* "ПЛАТЬЕ", его можно будет присоединить к уже частично построенному синтаксическому представлению либо в качестве прямого дополнения в составе VP1, *либо в качестве подлежащего в составе* CP2, о существовании которого на этот момент пока еще не известно. Как того требует ПЗ, NP "ПЛАТЬЕ" будет присоединена в качестве прямого дополнения в составе VP1, так как именно VP1 анализировалась в данный момент.

Несмотря на то огромное влияние, которое оказала модель сосисочного аппарата на все последующие исследования в области теории синтаксического анализа предложения, в ней не хватало очень серьезного компонента — компонента корректировки.

Как уже было отмечено в разделе 1, модель заблуждения в целом основывается на принципе последовательного анализа, то есть при анализе временно многозначных предложений анализируется только один из возможных вариантов синтаксического представления данного предложения. Если же этот первоначальный анализ окажется впоследствии неверным (а именно тогда, когда появится информация, разрешающая многозначность), то приходится отказываться от этого анализа и корректировать его или строить другой анализ. Таким образом, для того, чтобы модель заблуждения в том виде, в каком она была предложена, могла претендовать на психолингвистическую достоверность, она должна суметь объяснить, каким образом анализатор корректирует первоначальный неправильный анализ и почему сложные предложения заблуждения практически не поддаются корректировке, в то время как легкие предложения заблуждения даже не осознаются человеком как таковые.

Компонент корректировки в модели заблуждения. Л. Фразер и К. Райнер в статье "Ошибки и их исправление в процессе понимания предложения: движения глаз при анализе структурно многозначных предложений" [Frazier, Rayner 1982] предложили три гипотезы о характере возможной процедуры корректировки: корректировка с начала (forward reanalysis), корректировка с конца (backward reanalysis) и выборочная корректировка (selective reanalysis).

Корректировка с начала предполагает, что после обнаружения ошибки человек возвращается к самому началу предложения и по-новому анализирует все предложение целиком в поисках альтернативных вариантов. Корректировка с конца означает, что человек начинает пересматривать слово за словом в обратном порядке, пытаясь найти новый альтернативный вариант. И, наконец, выборочная корректировка предполагает, что анализатор использует любую доступную ему информацию с целью достижения правильного анализа, и поэтому корректировка может быть успешно ограничена одной конкретной фразовой группой. Корректировка будет выявлена при помощи диагностического анализа ошибки, что позволит выборочно сконцентрировать внимание именно на той части предложения, которая послужила причиной первоначального неправильного анализа. Таким образом, процедура корректировки может быть очень конкретной и зависеть от той информации, которой располагает анализатор и которая может быть использована в этой процедуре.

Проведя серию психолингвистических экспериментов на материале легких и сложных предложений заблуждения, Фразер и Райнер пришли к выводу, что результаты этих экспериментов противоречат как гипотезе корректировки с конца, так и гипотезе корректировки с начала. Измерения движений глаз информантов показали, что люди возвращаются только к той части предложения, которая составляет область многозначности, и ни к каким другим частям. Таким образом, был сделан вывод, что движения глаз подтверждают гипотезу выборочной корректировки, так как регрессивные движения глаз информантов были зафиксированы именно назад к области многозначности предложения. Гипотеза выборочной корректировки, по мнению Фразер и Райнера, также отвечает на вопрос, почему существует такая разница в корректировке разных типов предложений заблуждения, когда оказывается, что легко скорректировать одни предложения и почти невозможно другие. Суть дела заключается в том, что при попытке корректировки сложных предложений заблуждения аналитические операции синтаксического анализа опять оказываются не в состоянии правильно проанализировать предложение, в то время как легкие предложения заблуждения успешно поддаются корректировке. Однако, как замечают авторы, гипотеза выборочной корректировки нуждается в многократной проверке и более детальной разработке, так как пока представляется возможным описать только главную идею, лежащую в ее основе.

Наступивший после опубликования статьи Фразер и Райнера [Frazier, Rayner 1982] период в разработке и опробировании модели заблуждения принес много интересных модификаций и дополнений. В частности, две модели, разработанные Инуе и Фодор — ранжированный флажковый последовательный анализатор (ranked flagged serial

parser) и модель диагностики (diagnosis model) [Fodor, Inoue 1993] — являются самыми новыми, и их появление связано со все более возрастающим интересом к анализу фактов других языков [Inoue, Fodor 1994].

Ранжированный флажковый последовательный анализатор (ranked flagged serial parser). Необходимость появления этой модели была вызвана попыткой приложить модель заблуждения к синтаксическому анализу предложения в японском языке. Особенность японского языка заключается в том, что он имеет огромное количество многозначных предложений, так как в его фразовых группах главное слово[10] (ядро, вершина) (head) является последним (head-final). Первоначальная гипотеза состоит в том, что анализатор делает очень мало ошибок, так как он принимает решения о снятии многозначности только тогда, когда появляется информация достаточная для того, чтобы данные решения были наверняка правильными. Такой анализатор может быть назван "информационно ведóмым" (information-paced parsing). Однако идея такого чисто информационно ведóмого анализатора не подтверждается экспериментальными исследованиями на материале японского языка, так как они показывают, что при синтаксическом анализе предложения японский анализатор принимает решения о снятии многозначности немедленно, задолго до того, как появляется информация, разрешающая многозначность. Чисто информационно ведóмый анализатор не годится даже и для английского языка, так как в таком случае в английском языке должны полностью отсутствовать предложения заблуждения. Таким образом, процедура раннего принятия решений о снятии многозначности должна быть встроена в модель синтаксического анализа предложения для обоих языков.

Модель, которую предлагают Инуе и Фодор, принимает обязательные решения во всех случаях многозначности, не дожидаясь ее разрешения, и следует при этом принципу минимального присоединения. Таким образом, анализатор, используя любую доступную ему информацию, принимает решения и присоединяет каждую новую фразовую группу к уже частично построенному синтаксическому представлению даже тогда, когда имеющаяся информация неполна. Такой способ функционирования анализатора связан с его стремлением как можно более последовательно следовать принципу минимального присоединения. Тем не менее, уверенность, с которой анализатор принимает решения о снятии многозначности, пропорциональна качеству информации, имеющейся в его распоряжении для подобных решений, и поэтому в этом смысле такой анализатор может быть назван информационно ведóмым.

Процесс корректировки в такой модели, или анализ по второму разу (second-pass processing, reanalysis), должен удовлетворять двум условиям: 1) выборочная легкость, и 2) универсальность. Анализатор, стремящийся наиболее последовательно следовать принципу минимального присоединения, обречен на то, что он будет часто анализировать японские предложения как легкие предложения заблуждения, и как следствие этого ему придется часто их корректировать. Чем более многозначна синтаксическая конструкция, тем больше существует альтернативных структур, среди которых анализатору предстоит выбрать одну. Однако как уже было отмечено выше, при первоначальном анализе анализатор вычисляет ранжированный коэффициент уверенности в правильности выбора в зависимости от того, на основе какой информации выбирается то или иное решение. Уверенность будет обратно пропорциональна количеству возможных альтернативных структур в области многозначности. Кроме того, операции корректировки сами по себе психологически не перегружают перцептивный аппарат человека, поэтому самым главным фактором, определяющим легкость корректировки является то, насколько упрямо анализатор будет держаться за свой первоначальный, неправильный, анализ предложения.

---

[10] Существуют несколько способов перевода термина *head* на русский язык: "главное слово", "ядро", "вершина". Я буду называть модель Притчетта "head-driven model" моделью главного слова и использовать термины "ядро" и "главное слово".

Нежелание анализатора корректировать первоначальный неправильный анализ предложения связан с тем, что нет гарантии, что существует лучший анализ и что анализатор его найдет, даже если такой анализ существует. Поэтому отказ от первоначального анализа всегда сопряжен с риском, особенно для последовательного анализатора, который в отличие от параллельного анализатора конструирует только одну возможную структуру в области многозначности. Хотя анализатор строит только одну из возможных структур в области многозначности, тем не менее он в этом месте "ставит флажок", указывающий, что существуют другие альтернативные структуры, и поэтому модель называется "флажковой". Если в дальнейшем окажется, что придется отказаться от первоначального анализа, то анализатор возвращается к флажку и выбирает одну из возможных альтернативных структур. Набор флажков, сигнализирующий область многозначности, также может определять степень уверенности анализатора в правильности выбранного анализа. Чем больше флажков, тем меньше будет уверенность анализатора в том, что тот или иной выбранный вариант — правильный, и тем легче будет выбрать альтернативный вариант в случае, если первоначальный окажется неправильным. Важно отметить, что в данной модели при корректировке используются те же аналитические операции, что и при первоначальном анализе. Анализатор начинает корректировку с области многозначности, выбирая второй альтернативный вариант из набора возможных и просто анализирует предложение снова, используя стандартные принципы синтаксического анализа.

Каким образом определяется легкость или сложность каждого конкретного альтернативного варианта, делая предложение тем самым легким или сложным предложением заблуждения? Одного показателя – количества флажков в области многозначности – не только недостаточно для этого, но к тому же это часто может привести к нежелательным результатам, поскольку можно прийти к заключению, что все предложения заблуждения в английском языке должны быть сложными, так как в английском языке редко бывают возможными более двух альтернативных вариантов. И наоборот, в японском языке все предложения заблуждения должны быть легкими, так как количество возможных альтернативных вариантов очень большое. Инуе и Фодор предлагают ввести понятие "ранжированности" альтернативных вариантов, и таким образом, не количество альтернатив, а их ранг, важность по сравнению с первоначальным вариантом будет определять выбор второго подходящего варианта. Например, в предложении (1.4) *#The horse RACED past the barn fell* "Лошадь, ПРОГНАННАЯ мимо сарая, упала" второй возможный вариант анализа значительно менее предпочтителен, чем первый, а в предложении *He put the book on the table into his pocket* "Он положил книгу со стола в карман" второй вариант почти так же предпочтителен, как и первый. Таким образом, когда первоначальный анализ оказывается неправильным, анализатор возвращается назад в область многозначности и выбирает альтернативный вариант, но только при условии, если он находит этот второй вариант почти в такой же степени предпочтительным, как и первоначальный. Если такового не окажется, анализатор предпочтет придерживаться первоначального варианта, даже если таковой проблематичен[11].

Как было описано выше, принципы минимального присоединения и позднего закрытия характеризуют аналитические операции анализатора при первоначальном синтаксическом анализе предложения во всех моделях, относящихся к классу моделей заблуждения. Не составляет исключение и ранжированный флажковый последовательный анализатор, предложенный Инуе и Фодор. Что, однако, отличает одну модель этого класса от другой, так это принципы корректировки, в частности, каким

[11] Поскольку модель ранжированного флажкового последовательного анализатора пока еще находится в стадии разработки и по-настоящему экспериментально не проверена, техническая сторона модели может быть описана только в относительно общих терминах. Более конкретные детали, как то: на основе каких факторов происходит ранжировка; очевидность связи между первоначальным неправильным и последующим правильным анализами предложения – нуждаются в доработке и проверке.

образом различаются легкие и сложные предложения заблуждения. Инуе и Фодор предложили принцип эффекта тематического наложения (thematic overlay effect). Когда начинается процесс корректировки первоначального неправильного синтаксического анализа предложения, очень важно, чтобы при этом семантическое представление, основанное на первоначальном синтаксическом анализе, было стерто, уничтожено. Однако оказывается, что анализатор часто "забывает" это сделать: как только часть семантического представления построена, она обычно существует до тех пор, пока ее не стирает наложившаяся на нее новая часть. Эффект тематического наложения, тем не менее, предполагает, что разные семантические корректировки не одинаковы: когда старое семантическое представление стирается автоматически, корректировка оказывается легкой, когда оно остается, корректировка сильно затруднена, если вообще оказывается возможной. Например, в предложении *Mary gave her books to Susan* "Мэри дала ее книги Сюзан" эффект тематического наложения предсказывает, что корректировка первоначального анализа" Мэри дала ей книги..." будет легкой, потому что новая тематическая структура дает возможность реализации обеих ролей в конструкции с двойным дополнением – темы и цели, и таким образом, ни одна из приписанных ролей не исчезает.

Модель ранжированного флажкового последовательного анализатора в том виде, как она кратко описана выше, основана на том предположении, что аналитические операции, используемые при корректировке, ничем не отличаются от тех, что действуют при первоначальном анализе предложения. Однако пока ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение не удается, так как экспериментальные исследования процесса корректировки находятся в зачаточном состоянии. Это дает возможность выдвигать различные теоретические гипотезы о характере процесса корректировки, каждая из которых равно заслуживает изучения. Поэтому Фодор и Инуе [Fodor, Inoue 1993] предложили другую модель синтаксического анализа предложения, которая отличается от предыдущей модели именно характером компонента корректировки.

Модель диагностики Фодор и Инуе [Fodor, Inoue 1993][12]. Эта модель представляет собой версию ранжированного флажкового последовательного анализатора, которая характеризуется следующими свойствами:

1) путем угадывания выбирается и строится один последовательный синтаксический анализ предложения, в результате чего совершается много ошибок, и предложения часто анализируются как предложения заблуждения;

2) анализатор справляется с анализом предложений заблуждения, не прибегая к помощи никаких несинтаксических механизмов;

3) при помощи специальных аналитических операций корректировки анализатор перестраивает неправильное синтаксическое представление. Набор таких операций очень ограничен и является универсальным для всех языков. Некоторые из этих операций легкие, а некоторые – сложные, хотя возможно, что одна и та же операция может иногда быть легкой, а иногда сложной. Принцип, который определяет легкость/сложность корректировки, зависит от того, насколько очевидна связь между первоначальным неправильным и последующим правильным анализами предложения;

4) анализатор может принимать стратегическое решение, стоит ли предпринять корректировку, так как первоначальный анализ предложения, хоть и несовершенный, может все равно оказаться самым лучшим;

5) анализатор принимает такое стратегическое решение, основываясь на том насколько ценность следующего возможного анализа соотносится с ценностью первоначального.

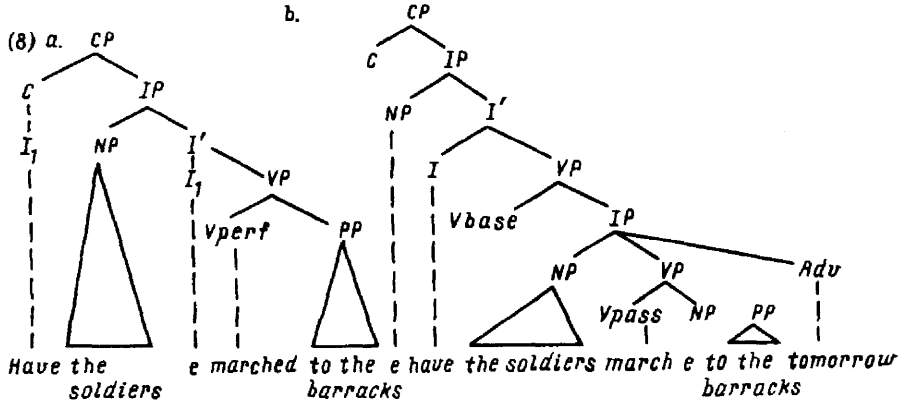
Характеристики 1, 2, 4 и 5 в модели диагностики остались теми же, что и в модели ранжированного флажкового последовательного анализатора. Однако коренным обра-

---

[12] Полное описание и теоретическое обоснование этой модели еще далеки от окончания, поэтому в настоящем обзоре приведены лишь ее первоначальные положения, что делается с разрешения авторов.

зом изменился характер процедуры корректировки. Если в модели ранжированного флажкового последовательного анализатора корректировка состояла из стирания первоначального и проведения повторного синтаксического анализа предложения в области многозначности с использованием стандартных аналитических операций, то в модели диагностики используются специальные процедуры, фактически исправляющие первоначальный неправильный анализ. Важно то, насколько легко анализатору "заметить" правильный альтернативный анализ. Вспомним, что в каждом предложении заблуждения всегда есть слово, которое вдруг оказывается невозможным присоединить к уже частично построенному синтаксическому представлению. Это слово является "симптомом", указывающим на возникшую проблему. Природа этого слова-симптома является информацией, которую может использовать анализатор, чтобы установить "диагноз" проблемы и затем предложить способ избавления от симптома. Если правильный диагноз оказывается очевидным в результате симптома, корректировка предложения заблуждения будет быстрой и безболезненной. Но если симптом недостаточно информативен или, больше того, сам вводит в заблуждение по поводу характера проблемы, тогда правильная корректировка будет сильно затруднена, если вообще окажется возможной[13].

В качестве примера для иллюстрации модели диагностики на материале английского языка Фодор и Инуе предлагают анализ предложения *HAVE the soldiers marched to the barracks tomorrow*[14]; а) Промаршировали ли солдаты к казармам *?завтра?* (8а); б) Отправьте солдат маршем к казармам завтра (8б). Наречие *завтра* семантически несовместимо с первоначально предпочтительным синтаксическим анализом предложения (8а), в котором *HAVE the soldiers marched* представлены в качестве инверсивной (вопросительной) конструкции со вспомогательным глаголом и глаголом в форме перфекта. Эту проблему, однако, легко заметить, поэтому анализатор, достигнув слова *завтра* в предложении, знает, что его первоначальный анализ неправильный. Несмотря на это, оказывается совсем не просто выбрать правильный альтернативный анализ (8б), который представляет собой каузативную конструкцию в форме повелительного наклонения. Корректировка синтаксического представления (8а) для того, чтобы получить (8б), включает целый набор структурных и семантических операций, одного объема которых достаточно, чтобы затруднить корректировку:



С каноническими предложениями заблуждения дело обстоит еще сложнее. Вернемся еще раз к предложению (1.4) *#The horse RACED past the barn fell* "Лошадь ПРОБЕЖАЛА мимо сарая ?упала". Сначала процесс диагностики идет успешно: анализатор узнает, что слово *упала* нуждается в подлежащем, однако в первона-

[13] Интересно отметить, что еще раньше Фразер и Райнер [Frazier, Rayner 1982] выдвинули гипотезу "выборочного анализа" (см. выше), которую можно считать прямым предшественником модели диагностики.

[14] В данном примере слово-симптом – *tomorrow*.

чально сконструированном синтаксическом представлении для него подлежащего нет. Анализатор вынужден предпринять одну из аналитических процедур корректировки, а именно ему следует "создать именную группу" (create a NP), которую он затем при помощи другой операции может "украсть" (steal) для того, чтобы сделать ее подлежащим глагола *упала*. Таким образом, необходимо так перестроить уже частично построенное синтаксическое представление до слова *упала*, чтобы оно состояло из X + NP, где X – любой набор слов, который может предшествовать NP + VP. При такой перестройке, как и всегда, анализатор будет стремиться следовать принципу "минимум всего" (minimal everything), поэтому первым вариантом будет предположение, что набор X пуст. Теперь нужно найти способ превратить предложение "Лошадь ПРОБЕЖАЛА мимо сарая" в именную группу, и эту процедуру схематично можно представить следующим образом:

(9) ЗАДАЧА: НАЙТИ ПОДЛЕЖАЩЕЕ ДЛЯ *УПАЛА*

- достать лексическую информацию для слова *RACED;*
- предположить, что подлежащее–именная группа для глагольной формы *упала* включает все слова слева от *упала;*
- в английском языке артикль и главное существительное предшествуют всем остальным составляющим именной группы. Следовательно, артикль подлежащего скорее всего первое слово *the*, и наиболее вероятное главное слово – первое, т.е. *horse;*
- это существительное не может иметь высказывание в качестве дополнения, поэтому та часть предложения, которая следует за существительным *horse*, является не аргументом, а адъюнктом (adjunct)[15];
- адъюнкт представляет из себя глагольную группу без подлежащего, поэтому, следуя расширенному принципу проекции (extended projection principle) [Chomsky 1981; 1986; Секерина 1994], у него должно быть подлежащее, выраженное пустой категорией. Кроме того, отсутствует комплементайзер (complementizer), возглавляющий CP. Все эти факты вместе приводят к выводу, что ядро IP тоже пусто;
- таким образом, *RACED* не является спрягаемой глагольной формой и не может быть глаголом в прошедшем времени;
- вновь вернуться в лексикон и проверить, что *RACED* может не являться спрягаемой глагольной формой, если это слово – причастие, образованное не от переходного глагола *RACE*, а от непереходного глагола *RACE;*
- анализ в виде сокращенного определительного придаточного с причастием соответствует всему остальному, что есть в предложении-адъюнкте, если только вставить "след" (trace) именной группы и проиндексировать его так же, как и пустое подлежащее.

Аналитические операции корректировки в (9) состоят из упаковки *RACED past the barn* в предыдущую именную группу, т.е. опускания ее вниз синтаксического дерева и упаковки вовнутрь уже построенного узла именной группы. Операция опускания не влечет за собой последствий в виде усложнения анализа, а вот сама упаковка непосредственно представляет из себя сложную операцию. Таким образом, сложность процедуры корректировки в данном примере, как и в других канонических предложениях заблуждения, заключается в том, что анализатору приходится осуществлять большое количество дедуктивных операций и много гадать, прежде чем становится очевидным, что нужно вернуться в лексикон, чтобы найти правильную синтаксическую категорию для многозначного слова.

Модель ассоциации Л. Фразер и Ч. Клифтона [Frazer, Clifton 1993]. Все версии модели заблуждения, кратко описанные выше, при синтаксическом анализе предложения следовали двум принципам построения синтаксической струк-

[15] См. более подробное обсуждение разницы между аргументами и адъюнктами ниже.

туры – принципу минимального присоединения и принципу позднего закрытия, предложенных Л. Фразер в ее диссертации [Frazier 1978] еще 20 лет назад. Основной характеристикой обоих принципов считался их универсальный характер, т.е. оба они должны систематически направлять анализатор при анализе многозначных синтаксических структур любых типов во всех языках мира. Абсолютное большинство экспериментальных и теоретических исследований в области синтаксического анализа предложения до конца 1980-х годов было посвящено рассмотрению первого принципа, принципа минимального присоединения, его характеристик и универсальности. Первыми психолингвистами, проведшими серию экспериментов с целью определить характер действия принципа позднего закрытия, были Ф. Куэтос и Д. Митчелл, опубликовавшие в 1988 г. статью "Языковая вариативность в синтаксическом анализе предложения: ограничения при использовании стратегии позднего закрытия в испанском языке" [Cuetos, Mitchell 1988].

Куэтос и Митчелл исследовали характер применения ПЗ в испанском и английском языке, используя опросники и последовательное чтение предложений с фиксацией времени, уходящего на определение значения частей предложения[16]. Материалом для этих экспериментов послужили сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, которое модифицирует существительное, входящее в состав сложной именной группы (10):

(10) а. *Alguien disparó contra* [$_{NP}$*el criado de la actriz*] *que estaba en el balcón*

б. *Someone shot* [$_{NP}$*the servant of the actress*] *who was on the balcony* "Кто-то застрелил [$_{NP}$слугу актрисы], которая/который был/а на балконе"

В испанском, как и в английском языке, предложения такого типа являются многозначными: речь может идти или о застреленном слуге актрисы, который был на балконе, или о застреленной актрисе, которая была на балконе. Если люди при восприятии этого предложения следуют ПЗ, то они должны присоединить придаточное предложение к той фразовой группе, которая на данный момент была сформирована последней, т.е., к именной группе, непосредственно предшествующей *que*. По результатам опросника оказалось, что испаноговорящие в 62% предложений предпочли первую интерпретацию ("на балконе был слуга"), т.е. избрали раннее закрытие.

Три последующих эксперимента с фиксацией времени, понадобившегося на чтение предложений, подтвердили гипотезу, что испаноговорящие информанты не следуют принципу ПЗ. Предложения из первого эксперимента были модифицированы таким образом, чтобы заставить информантов выбрать второе прочтение (на балконе была актриса). Оказалось, что на понимание таких модифицированных предложений уходит значительно больше времени, чем на понимание контрольных (однозначных) предложений. Следовательно, информанты вначале присоединяли придаточное предложение к более высокой составляющей, следуя раннему закрытию, а когда появились слова, требующие скорректировать эту интерпретацию и "опустить" придаточное предложение ниже в дереве, на эту процедуру уходило дополнительное время.

По результатам этих экспериментов Куэтос и Митчелл пришли к выводу, что испаноговорящие нарушают универсальный принцип ПЗ при интерпретации предложений такого типа. Похожие эксперименты были проведены на материале некоторых других романских языков, в частности, итальянского и французского, в которых

[16] Существует несколько хорошо разработанных экспериментальных методов, которые в разной степени позволяют исследовать аналитические операции, используемые синтаксическим анализатором при анализе предложения. Некоторые из этих методов являются постоперационными (off-line), такие, как, например, опросники, заканчивание предложения, устное определение грамматической правильности или приемлемости предложения и т.п. Другие, более важные, в большей или меньшей степени позволяют непосредственно исследовать операции в процессе их применения (on-line): последовательное чтение частей или всего предложения, при котором скорость чтения регулируется самим читающим, многомодальное зондирование, запись движения глаз и т.п. Объем данной работы не позволяет остановиться более подробно на характеристике экспериментальной части теории синтаксического анализа предложения.

результаты тоже свидетельствовали о некотором предпочтении раннего закрытия. Теория универсальной грамматики, однако, предполагает, что если принцип универсален, то для него не может быть исключений. Поэтому после опубликования результатов испанских экспериментов Куэтоса и Митчелла в теории синтаксического анализа предложения начались долгие дебаты по поводу универсальности характера принципа позднего закрытия. Критике подверглись как экспериментальные предложения, составленные Куэтосом и Митчеллом, так и методика самих экспериментов. Даже после нескольких лет постоянных дискуссий, заполненных повторениями испанских экспериментов с использованием других методик, модификацией предложений и обращением к материалу других языков вопрос продолжал оставаться спорным.

И вот, наконец, появилось новое, неожиданное объяснение результатам экспериментов Куэтоса и Митчелла, а также результатам экспериментов на материале других языков, в которых исследовались предложения этого типа, а именно, сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, модифицирующим одно из существительных в составе последней именной группы главного предложения. Это объяснение предложено Л. Фразер и Ч. Клифтоном в рамках "модели ассоциации" (construal) [Frazier, Clifton 1993]. Именно различные способы присоединения определительного придаточного послужили отправной точкой создания этой модели. Фразер и Клифтон заметили, что семантика главного слова в именной группе, которую модифицирует определительное придаточное, оказывает влияние на способ присоединения этого придаточного. Это главное слово может означать материал, количество, родственные отношения, принадлежность и т.п., и поэтому существует некая иерархия предпочтительности присоединения определительного придаточного или к главному слову, или к зависимому слову в составе сложной именной группы. Авторы предположили, что синтаксический анализ таких определительных придаточных не подчиняется принципу позднего закрытия, как считалось раньше. А именно, они не присоединяются к последней предшествующей им сложной именной группе, а "ассоциируются" (are construed) с ней.

Ассоциация, по определению авторов, состоит из двух частей: синтаксическая операция ассоциации с некоторой областью предложения и процесс интерпретации. Ассоциация отличается от присоединения тем, что она не подчиняется общим принципам присоединения. Таким образом, при ассоциации структурные отношения между некоторыми узлами синтаксического дерева (являются ли два узла сестрами или находятся в отношении зависимости мать–дочь) остаются неопределенными. Такие структурные принципы, как принцип минимального присоединения и принцип позднего закрытия не применяются при синтаксическом анализе некоторых конструкций, в частности, при анализе сложноподчиненных предложений с определительным придаточным, модифицирующим одно из существительных в составе последней именной группы главного предложения. В случае временной многозначности в таких предложениях любой из возможных вариантов может быть выбран в зависимости от того, какому из них отдается предпочтение благодаря разным несинтаксическим факторам, но с одним ограничением: все предпочтительные варианты анализа должны оставить эту часть предложения внутри "анализируемой в настоящий момент тематической области" (current processing domain).

Схематично модель Ассоциации можно представить следующим образом:

(11) (1) Применение ассоциации: только непервичные синтаксические отношения подчиняются принципу ассоциации, а те фразовые группы, которые могут выражать первичные синтаксические отношения, ей не подчиняются.

(2) Принцип ассоциации: (а) ассоциировать ХР с анализируемой в настоящий момент тематической областью; (б) проинтерпретировать ХР внутри этой анализируемой тематической области, используя одновременно несинтаксические принципы интерпретации и структурные принципы грамматической правильности.

(3) Анализируемая в настоящий момент тематическая область представляет собой расширенную фразовую группу XP (XP = X_{max}), управляющую последним терминальным элементом X, приписывающим "тематические роли" (theta-assigner).

(4) Принципы интерпретации (не ранжированы):
(а) максимы Грайса;
(б) принцип немедленной интерпретации;
(в) минимальная ревизия;
(г) априорная вероятность;
(д) принцип референциальности;
(е) фокус и контекстная значимость.

Как определено в (11.1), только непервичные синтаксические отношения подчиняются принципу ассоциации. Первичные отношения представляют собой отношение между главными подлежащим и сказуемым вместе со всеми остальными обязательными позициями, определяемыми этим отношением. Первичные отношения включают в себя следующие случаи: 1) подлежащее и сказуемое; 2) их дополнения и другие обязательные составляющие; 3) дополнения и другие обязательные составляющие первичных фразовых групп. Вторичные отношения определяются как непервичные. Примерный набор вторичных отношений для английского языка, по мнению Фразер и Клифтона, включает следующие конструкции (Таблица 4) [Fodor, Bever, Garrett 1974]:

Таблица 4

Вторичные отношения в английском языке

(12)	Структура	Пример	Перевод
(а) Сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, модифицирующим одно из существительных в составе последней (сложной) NP главного предложения	[NI (of) N2 Relative Clause]	*a table of wood that was from Galicia...*	"Стол из дерева, которое из Галиции"
(б) Сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, вынесенным вперед	[NP V NP Adv] Relative Clause	*Some girl hit some boy last night who was...*	"Какая-то девочка ударила какого-то мальчика, который (ая)"
(в) Вторичная предикативность	[NP V NP] AP	*Mary brought Fido home wet/dripping*	"Мэри привела Файдо домой мокрым/взмокшая"
(г) Сочинительные конструкции	[XP]and XP	*The nurse weighed John and Mary (both/together)*	"Медсестра взвесила Джона и Мэри (обоих/вместе)"
(д) Присоединение модифицирующего подчинительного предложения	[NP VP] because S	*The doctor didn't leave because he was angry*[17]	"Доктор не ушел, потому что он рассердился"

[17] Источник многозначности в примере (12д) – сфера действия отрицания:
(а) "Доктор ушел не потому, что он рассердился"
(б) "Доктор не ушел, потому что он рассердился".

Рассмотрим на примере, иллюстрирующем предложения со вторичной предикативностью (тип (12в)), как применяется принцип Ассоциации. Предложение (13) может иметь три разных значения:

(13) *Sam hammered the metal flat*

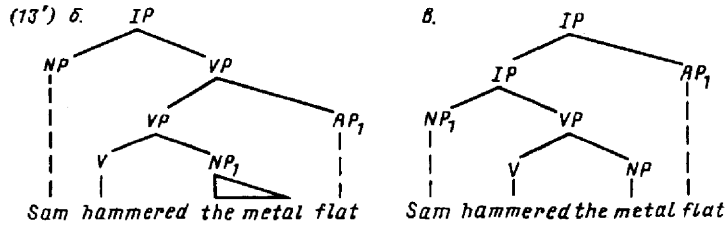
"Сэм бил молотком металл плоский"

а. результативное состояние: *Сэм расплющил металл при помощи молотка;*

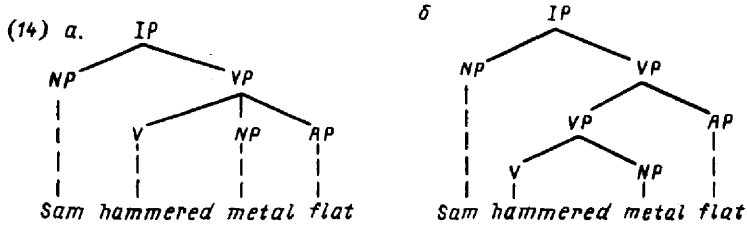
б. прямое дополнение: *Сэм бил молотком (уже) расплющенный*$_1$ *металл*$_1$;

в. подлежащее: *Сэм*$_1$, *расплющенный*$_1$, *бил металл молотком*[18]

Когда значение (13а) возможно, обычно именно оно является предпочтительным. Семантика результирующего состояния требует, чтобы причастие/прилагательное "расплющенный" модифицировало прямое дополнение. При таком прочтении "расплющенный" представляет собой обязательную часть дополнения при глаголе. В отличие от значения (13а), при прочтениях (13б, в) "расплющенный" функционирует в качестве вторичного предиката. Если представить себе, что значение (13а) не существует, становится неясно, можно ли доказать, что значение (13б), при котором "расплющенный" модифицирует прямое дополнение, предпочтительнее, чем (13в), при котором оно модифицирует подлежащее. Если мы предположим, что синтаксические представления для (13б) и (13в) выглядят следующим образом:



то, следуя структурному принципу позднего закрытия, (13'б) должно быть предпочтительным значением, а прочтение (13'в) должно представлять собой по крайней мере легкое предложение заблуждения, в результате чего на его понимание при эксперименте должно уходить больше времени из-за необходимости корректировки. Однако, как показывают предварительные экспериментальные исследования, семантически однозначные предложения с модифицированным подлежащим не дают оснований думать, что такая корректировка имеет место. Таким образом, мы видим, что обычного структурного предпочтения для более низкого присоединения вторичного предиката в таких предложениях не существует. Однако не существует предпочтения и для более высокого присоединения. Вместо этого такие неструктурные факторы, как семантика и вид глагола, характеризуют перцептивную сложность и предпочтительное значение этих многозначных предложений. Фразер и Клифтон предлагают следующие синтаксические представления для (13'б) и (13'в), в которых анализатор ассоциирует вторичный предикат, модифицирующий прямое дополнение или подлежащее, с некоей неопределенной синтаксической структурой (14а) или (14б):



[18] Интерпретация (13в) возможна, но в данном примере является семантически аномальной. Ср. *Sam*$_1$ *hammered the metal naked*$_1$ "Сэм, голый, бил металл молотком".

Вторичные синтаксические отношения, вроде вторичной предикативности, следуя принципу ассоциации, соотносятся с анализируемой в настоящий момент тематической областью, определенной в (11.3). Например, рассмотрим сложноподчиненные предложения с определительным придаточным, модифицирующим одно из существительных в составе сложной именной группы главного предложения. Это определительное придаточное обычно ассоциируется со второй, нижней, именной группой NP2, когда та является адъюнктом имени N1 с приписанной ей тематической ролью (эту роль приписывает предшествующий предлог); однако оно ассоциируется со всей сложной именной группой, если NP2 является дополнением N1. Определительное придаточное интерпретируется в составе нижней именной группы NP2 в первом случае, а во втором случае оно потенциально может ассоциироваться с любой из двух возможных именных групп в составе сложной именной группы[19].

Рассмотрим теперь вкратце принципы интерпретации, представленные в (11.4). Максима Грайса (11.4 а) [Grice 1989] объясняет разницу в предпочтительности присоединения определительного придаточного в английском языке к нижней из двух именных групп в составе сложной именной группы, содержащей именную группу в родительном падеже. Принцип немедленной интерпретации (11.4 б) необходим для объяснения предложений с "потому что" (12д). Этот принцип означает, что только обязательные семантические решения принимаются при отсутствии доказательств. Каждая именная группа (кроме именных предикатов) должна быть привязана к какому-нибудь объекту в дискурсе (связном тексте) либо при помощи постулирования нового объекта для этой именной группы, либо путем ассоциации с уже существующим объектом. Предикат должен быть индексно связан с каким-нибудь объектом в дискурсе. В случае предложений с "потому что" предикат немедленно ассоциируется с подлежащим предложения, что приводит к предпочтению того значения, когда придаточное причины модифицирует все предложение целиком, а не VP.

Принципы минимальной ревизии (11.4 в) и априорной вероятности (11.4 г) заимствованы без обсуждения из статей Л. Фразер [Frazier 1990] и Крейна и Стидмана [Crain, Steedman 1985] соответственно. Принцип референциальности (11.4 д) необходим для объяснения того факта, что ограничительные определительные придаточные имеют тенденцию присоединяться к тому главному слову, которое соответствует новому или старому объекту в дискурсе, так как такое слово считается референциальным. Только такие именные группы, которые имеют в своем составе артикль или квантор, считаются референциальными. И, наконец, фокус и контекстная значимость (11.4 е) указывают на то, что предпочтение отдается той фразовой группе, которая находится в фокусе или иным другим способом выделена в контексте.

В качестве заключения Фразер и Клифтон приводят причины, побудившие их сформулировать принцип ассоциации. Некоторые синтаксические конструкции не поддавались многочисленным попыткам разных исследователей анализировать их при помощи принципов минимального присоединения и позднего закрытия. Постоянное предпочтение одного структурного варианта при анализе первичных (синтаксических) отношений, как предсказывают эти принципы, не наблюдается при анализе вторичных ассоциаций. Таким образом, с добавлением принципа Ассоциации к арсеналу универсальных принципов появилась, наконец, возможность последовательно объяснить как структурные предпочтения в одних случаях, так и их отсутствие в других.

---

[19] Когда в состав сложной именной группы входит предлог, например, *кофта из шерсти, которую привезли из Испании*, то в зависимости от типа предлога он может либо приписывать либо не приписывать своему дополнению тета-роль, что существенным образом влияет на выделение тематической области.

* * *

В кратком описании модели заблуждения и ее модификаций, изложенном выше, наше внимание было сосредоточено только на одном аспекте синтаксического анализа предложения, а именно, на непосредственном "построении синтаксического представления (дерева)" (structure building). Это хоть и центральное, но не единственное направление, в котором идет разработка и экспериментальное апробирование данной модели. Другими важными направлениями можно считать следующие исследования: 1) описание и анализ "предложений с грамматическими зависимостями на расстоянии" (long-distance dependencies); 2) возможность параметризации синтаксического анализа предложения, связанная с появлением теории принципов и параметров в рамках синтаксической теории управления и связывания; 3) применение модели заблуждения (и других моделей тоже) для синтаксического анализа предложения в других языках[20]. Ниже в качестве иллюстрации предлагается краткое описание первых двух направлений.

Предложения с грамматическими зависимостями на расстоянии. Обсуждение синтаксического анализа предложения до настоящего момента велось с точки зрения построения синтаксического представления предложения, то есть, дерева, где все терминальные символы-слова представляли собой полнозначные лексические единицы. Однако, как это хорошо известно из теории синтаксиса, существуют так называемые пустые категории (empty categories), которые являются характерной чертой многих типов синтаксических структур. В синтаксической теории управления и связывания Хомского [Chomsky 1981; 1986; Sells 1985] выделяют четыре типа пустых категорий: след именной группы (NP-trace), след вопросительного слова (Wh-trace), большое ПРО (PRO) и маленькое про (pro)[21]. Пустые категории отличаются от других синтаксических объектов типа лексических ядер и их проекций тем, что они не имеют фонолого-фонетического представления, то есть, не произносятся, являясь при этом полноправными членами синтаксического представления предложения. Однако в синтаксической теории не существует полностью убедительных аргументов, доказывающих существование пустых категорий; поэтому оказываются так важны доказательства, если таковые возможны, из области психолингвистики, в частности, синтаксического анализа предложения в процессе понимания.

Вследствие чрезвычайной важности этого вопроса в психолингвистических исследованиях в области синтаксического анализа предложения особое внимание стало уделяться предложениям с заполнителем/пропуском (filler-gap dependencies). Естественно, разработчики модели заблуждения не остались в стороне от этой проблемы. Было первоначально выдвинуто две гипотезы: активного заполнителя (active filler hypothesis), сформулированная Л. Фразер [Frazier 1987], и "пропуск-только-как-второе-средство" (gap-as-second-resort hypothesis), предложенная Дж.Д. Фодор [De Vincenzi 1989; Frazier 1987]. Гипотеза Фразер, основанная на материале голландского языка, предполагает, что наличие обязательного заполнителя заставляет действовать ана-

---

[20] См. сноску 5.

[21] Примеры, характеризующие все четыре пустые категории, представлены ниже, где индекс I означает кореференцию в интерпретации:

-NP-trace: *John$_I$ was arrested t$_I$* "Джон арестован" (след именной группы).

-Wh-trace: *Who$_I$ did the police arrest t$_I$* "Кого арестовала полиция" (след вопросительного слова).

-PRO: *John$_I$ wants PRO$_I$ to study* "Джон хочет учиться".

-pro: *pro$_I$ ha chiamato Giovanni$_I$* (итальянский) "Позвонил Джованни".

Основы теории пустых категорий и определение понятия цепи см. в [Sells 1985]. Важно отметить, тем не менее, что другие современные американские синтаксические теории имеют свои представления о пустых категориях. В частности, грамматика главного слова и фразовых структур (head-driven phrase structure grammar) признает лишь след вопросительного слова, в то время как лексико-функциональная грамматика (lexical-functional grammar) не признает никаких пустых категорий вообще.

лизатор в особом режиме, в котором заполнитель "активно ищет свой пропуск". Гипотеза Фодор, основанная на материале английского языка, разрешает наличие пропуска только в том случае, если анализатор заранее знает, что фраза определенной категории с лексическим содержанием (то есть, не пустая) должна встретиться в анализируемом предложении, но отсутствует. Более поздние исследования на материале итальянского языка, проведенные М.Де Винченци в ее диссертации "Стратегии синтаксического анализа в языке с нулевыми подлежащими" [De Vincenzi 1989], показали, что возможно объединение этих двух гипотез в одну стратегию, которой пользуется синтаксический анализатор при анализе предложений с грамматическими зависимостями на расстоянии. Ею был предложен "принцип минимальной цепи" (minimal chain principle):

> Принцип минимальной цепи (minimal chain principle): избегайте постулировать лишние звенья цепи в поверхностной структуре предложения, но не откладывайте постулирование обязательных звеньев [De Vincenzi 1989: 99].

Возможность параметризации синтаксического анализа предложения, связанная с появлением теории принципов и параметров в рамках синтаксической теории управления и связывания. Какое отношение имеет теория грамматики, будь то теория принципов и параметров в рамках теории управления и связывания или любая другая, к теории синтаксического анализа предложения? Оказывается, что взаимосвязь между двумя теориями является принципиальной, так как ответ на этот вопрос дает возможность ответить на более общий вопрос теории лингвистики, а именно, как связаны между собой знание языка и процесс пользования языком. Принципиальное различие между этими двумя явлениями нам хорошо знакомо из истории лингвистики, и наиболее известна формулировка, предложенная Ф. де Соссюром [Saussure 1932]: противопоставление "языка" и "речи". Хомский определил это как противопоставление языковой компетенции (competence) и языковой деятельности (performance). Лингвистика пытается пролить свет на взаимоотношение между грамматикой и синтаксическим анализатором, чтобы ответить на эти более общие вопросы.

В начале развития теории синтаксического анализа предложения предполагалось, что грамматика и синтаксический анализатор представляют собой разные явления (см. [Pritchett 1992] по истории вопроса). Были, однако, предложены и такие психолингвистические модели синтаксического анализа предложения, где грамматика и синтаксический анализатор были взаимосвязаны в том смысле, что последний в основном зависел от первой. Хорошо известна модель синтаксического анализа предложения, предложенная в рамках "деривационной теории сложности" (the derivational theory of complexity) [Pritchett 1992], которая утверждала, что деривационная (трансформационная) история предложения эквивалентна его поверхностной перцептивной сложности. Эта теория была следствием гипотезы, что синтаксический анализатор является "грамматикой наоборот". Эту гипотезу, тем не менее, не только удалось доказать экспериментально, но были найдены аргументы, утверждающие прямо противоположное. Тогда большинство исследователей пришло к выводу, что трансформационно-порождающая грамматика не может быть "психологически реальной" (psychologically real), и начался поиск независимых аналитических принципов, которые отражали бы общие когнитивные процессы и не были никак связаны ни с какой конкретной теорией грамматики. Таковы, например, принципы минимального присоединения и позднего закрытия в модели заблуждения.

Однако в последнее время появились новые модели синтаксического анализа предложения, бросившие вызов влиятельной модели заблуждения, например, модель главного слова Притчетта [Pritchett 1987; 1987a; 1991; 1991a] и модель минимальных обязательств Вайнберг [Taraban 1988; Weinberg 1993; 1994]. Они утверждают, что грамматика может быть зависима от синтаксического анализатора, а не наоборот.

Конечно, очевидно, что полностью синтаксический анализатор не может определять характер грамматики, так как это осложнит объяснение языкового разнообразия. Ведь считается, что если аналитические стратегии отражают фундаментальные и автоматические когнитивные процессы человека, то эти процессы должны быть едиными. Таким образом, очевидно, что не все грамматические принципы являются аналитическими; тем не менее, структуры обоих компонентов обязательно являются совместимыми, хотя вопрос о конкретной природе этой взаимосвязи пока остается открытым.

Объяснение характера взаимосвязи между грамматикой и синтаксическим анализатором осложняется еще и тем обстоятельством, что идет бурное развитие самой теории грамматики. Все современные теории грамматики, ведущие свое происхождение от "расширенной стандартной теории трансформационно-порождающей грамматики" (extended standard theory), – "теория управления и связывания", грамматика главного слова и фразовых структур (head-driven phrase structure grammar) и "лексико-функциональная грамматика" (lexical-functional grammar) [Sells 1985], – больше не используют правила порождения синтаксических представлений, а пользуются всеми возможными обобщенными представлениями, из которых при помощи грамматических ограничений (constraints) выбираются только те, которые подчиняются универсальным грамматическим принципам.

Этот переход от системы с правилами порождения к системе с ограничениями особенно важен в синтаксической теории управления и связывания и в ее новой версии, теории принципов и параметров (principles and parameters theory). Центральным для этой теории с середины 1980-х годов стала разработка универсальных принципов и конкретно языковых параметров. Универсальные принципы являются частью универсальной грамматики (УГ) (universal grammar), и они соблюдаются во всех языках без исключения. В качестве примера универсальных принципов можно привести модуль Х-штриха, принцип пустых категорий (the empty category principle), "теорию связывания" (binding theory), тета-критерий и т.п. [Chomsky 1981; 1986; Секерина 1994]. С другой стороны, в УГ существует набор бинарных параметров, каждый из которых может иметь значение "да" или "нет". Любой язык в таком случае будет характеризоваться значениями определенного набора параметров, и это будет являться уникальной комбинацией, отличающей данный язык от любого другого языка. В качестве примеров параметров можно привести "параметр нулевого подлежащего" (null subject parameter), опущение *про* (pro-drop parameter), движение вопросительного слова в синтаксисе (Wh-movement in syntax), главное слово (ядро) – первое (head-initial), главное слово (ядро) – последнее (head-final) и т.п. Например, используя параметры, можно сравнить два языка – английский и японский (только частично, в качестве иллюстрации) [Frazier 1990]:

Таблица 5

Некоторые типологические различия английского и японского языков

	Английский язык	Японский язык
Нулевое подлежащее	нет	да
Опускание *про*	нет	да
Движение вопросительного слова в синтаксисе	да	нет
Главное слово – первое	да	нет
Главное слово – последнее	нет	да

Взаимосвязь между такой грамматикой, основанной на принципах, и синтаксическим анализатором не является очевидной. Однако если показать, что глубинные и абстрактные грамматические принципы оказывают существенное влияние на поверх-

ностный синтаксический анализ предложения, то можно утверждать, что основой синтаксического анализа предложения в процессе понимания является локальное применение глобальных грамматических принципов.

Две интересные модели синтаксического анализа предложения основаны на этом утверждении: модель главного слова Притчетта [Pritchett 1987; 1987a; 1991; 1992; 1992a] и модель минимальных обязательств Вайнберг [Taraban 1988; Weinberg 1993; 1994]. Более подробно модель минимальных обязательств будет описана в разделе 2.3, а сейчас обратимся к основным положениям модели главного слова.

2.2. Модель главного слова Б. Притчетта

Модель главного слова была первоначально изложена Б. Притчеттом в его неопубликованной диссертации "Феномен предложений заблуждения и грамматические основы синтаксического анализа предложения" [Pritchett 1987]. Вслед за диссертацией последовала серия статей [Pritchett 1987a; 1991; 1992a] и, наконец, в 1992 г. вышла монография "Грамматическая компетенция и синтактико-аналитическая деятельность" [Pritchett 1992].

В качестве теоретических основ своей модели Притчетт предлагает поиск ответа на два фундаментальных вопроса: (1) Каким образом людям удается так быстро, автоматически строить грамматически обоснованное синтаксическое представление предложения? (2) Какова взаимосвязь между анализатором и грамматической теорией, благодаря чему это возможно? Исследование предложений заблуждения, на основании которых можно строить предположения о характере деятельности анализатора, как предлагает автор, дает единый ответ на оба вопроса: ядро синтаксического анализа предложения состоит из локального применения глобальных синтаксических принципов.

Притчетт придерживается той точки зрения, что между грамматической теорией и анализатором существует тесная взаимосвязь. Можно даже предположить, считает он, что грамматическая теория является производной от теории анализа предложения, а не наоборот, хотя, конечно, такая точка зрения спорна. Наличие огромной вариативности в составе естественных языков указывает на то, что грамматическая теория имеет право на самостоятельное существование вне зависимости от характеристик анализатора. Тем не менее, глубинные и абстрактные грамматические принципы оказывают сильное влияние на (поверхностную) синтактико-аналитическую деятельность анализатора, указывая на их тесную взаимосвязь.

Автор строит свою модель синтаксического анализа предложения, исходя из принципа присоединения, которому следует анализатор [Pritchett 1992: 12]:

> Тета присоединение (theta attachment): тета критерий должен удовлетворяться на каждом этапе синтаксического анализа предложения, принимая во внимание максимальную тематическую (тета) сетку (набор валентностей) (theta grid).

Тета критерий, один из главных компонентов теории управления и связывания [Chomsky 1981; 1986; Секерина 1994], означает, что каждый аргумент должен иметь только одну тематическую роль и каждая тематическая роль должна быть приписана только одному аргументу. Принцип тета присоединения должен следить за тем, чтобы анализатор получал из лексикона максимальную тематическую сетку для каждого слова, обладающего такой сеткой, и обеспечивал сведéние тематических ролей и слов в соответствии с тета критерием в каждый данный момент синтаксического анализа предложения. Таким образом, каждая фразовая группа будет присоединяться к уже частично построенному синтаксическому представлению предложения в то место, в котором она может получить тематическую роль в соответствии с независимыми принципами грамматики.

Для иллюстрации действия принципа тета присоединения рассмотрим в слегка упрощенном виде анализ следующего простого предложения: *Without her contributions the orphanage closed* "Без ее пожертвований детский дом закрылся". Вначале *without*

"без" при помощи информации из лексикона идентифицируется как предлог, имеющий тематическую сетку, т.е. валентности. Хотя этот предлог может приписать какой-нибудь составляющей одну тематическую роль, на настоящий момент именная группа, которая может служить аргументом, еще не доступна для анализа. В следующий момент появляется слово *her* "(н)ее", которое является либо именной группой, могущей служить дополнением к предлогу, либо местоименным определением для следующего за ним имени существительного. Таким образом, уже здесь возникает временная многозначность. Однако предлог *без* имеет при себе тематическую роль, а *(н)ее* может быть аргументом, поэтому следуя принципу тета присоединения, "нее" так присоединяется к уже частично построенному синтаксическому представлению, чтобы получить эту роль, а именно становится сестрой предлога в синтаксическом дереве. Второй возможный вариант присоединения *(н)ее* при этом не проходит, потому что в таком случае это слово будет определением, а определения, не являясь аргументами, не требуют тематической роли, и следовательно, имеющаяся у предлога тематическая роль останется невостребованной. Следующее слово — *contributions* "пожертвований" — идентифицируется как существительное. Анализатор опять оказывается перед выбором: можно принять это существительное за главное слово новой именной группы, у которой еще нет тематической роли, нарушая тем самым принцип тета присоединения, или можно построить распространенную именную группу [*her contributions*]$_{NP}$ "ее пожертвований". В соответствии с принципом тета присоединения выбирается второй вариант. Распространенная именная группа *her contributions* как единое целое получает тематическую роль от предлога, которому теперь удалось ее удачно приписать. Вслед за определенным артиклем появляется существительное *orphanage* "детский дом", но на данный момент нет свободных тематических ролей и, кроме того, это слово нельзя включить в состав предыдущей именной группы. Но дальше следует слово *closed* "закрылся", которое имеет тематическую роль, и именная группа "детский дом" присоединяется к нему в качестве подлежащего, соответственно получив имеющуюся у него тематическую роль.

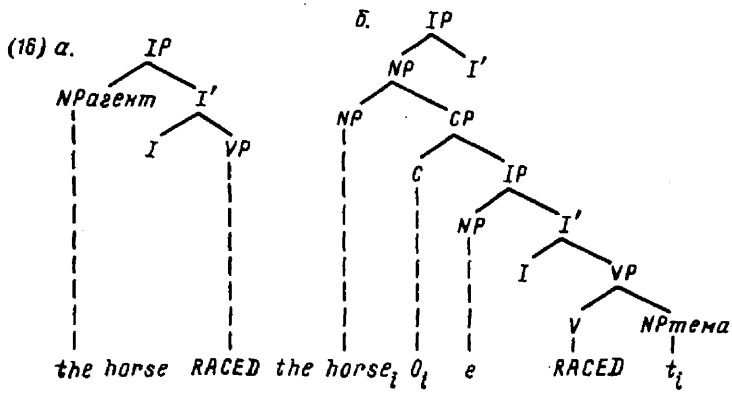
В модели главного слова синтаксический анализ предложения осуществляется последовательно, поэтому в ней так же, как и в модели заблуждения, компонент корректировки занимает центральное место. В качестве компонента корректировки Притчетт предлагает принцип тета корректировки (theta reanalysis constraint):

> Принцип тета корректировки: синтаксическая корректировка, при которой составляющий предложение элемент с приписанной ему тематической ролью выносится за пределы текущей тематической области (current theta domain) и присоединяется к новой тематической области, является невозможной для автоматического аппарата понимания человека (анализатора) [Pritchett 1992: 94].

По мнению автора, принцип тета корректировки объясняет все предложения заблуждения, представленные в (3) (как легкие, так и сложные). Рассмотрим, как модель главного слова при помощи принципа тета корректировки объясняет канонические предложения заблуждения на примере предложения (1.4): *#The horse RACED past the barn fell* "Лошадь, ПРОГНАННАЯ мимо сарая, упала".

The horse "лошадь" идентифицируется как именная группа, но никакие действия по присоединению не предпринимаются в данный момент, так как пока отсутствует слово, приписывающее тематические роли. Вслед за этим анализируется слово *RACED* "ПРОБЕЖАЛА/ПРОГНАННАЯ", которое в лексиконе обозначено как глагол с тематической сеткой (валентной структурой) <АГЕНТ, ТЕМА>. Поскольку это слово омонимично с морфологической точки зрения — прошедшее время глагола или страдательное причастие — на данном этапе могут быть построены два разных синтаксических представления, связанные с двумя разными наборами тематических ролей. Тета присоединение выбирает первый вариант: синтаксическое представление первых

двух слов в этом предложении представляет собой главное предложение (16а), а не сокращенное придаточное определительное (16б):



В случае (16а) именная группа *the horse* будет присоединена в качестве подлежащего и получит тематическую роль АГЕНТА от глагола *RACED*, а роль ТЕМЫ останется локально не приписанной. В случае (16б) роль ТЕМЫ может быть приписана пустой категории e_i, имеющей одинаковый индекс с нулевым оператором 0_i [Chomsky 1981; 1986; Sells 1985]. Хотя в обоих случаях приписывается только одна роль, в конструкции (16б) нужно строить еще одну, определительную, именную группу, в которой главное слово — *the horse*, а для нее, как видно из синтаксического представления (16б), нет тематической роли, что явно нарушает принцип тета присоединения. Вследствие этого анализатор выбирает первое синтаксическое представление.

Следующей анализируется предложная группа *past the barn*, и она присоединяется к уже частично построенному синтаксическому представлению. Далее идентифицируется глагол *fell*, который в лексиконе имеет тематическую сетку (набор валентностей), состоящей из одной роли <ТЕМА>. Теперь для того, чтобы полностью удовлетворить грамматические принципы, нужно перестроить *the horse RACED past the barn* так, чтобы часть предложения *RACED past the barn* стала именной группой, могущей получить от глагола *fell* его обязательную тематическую роль. Для этого нужно, чтобы существительное *the horse*, которое вначале было ядром (вершиной) именной группы с приписанной ему ролью глагола *RACED*, было скорректировано так, чтобы стать ядром подлежащего глагола *fell* и получить от него его роль ТЕМЫ. Структурная позиция подлежащего *fell* лежит вне пределов тематической области *RACED*, и таким образом, принцип тета корректировки объясняет, почему такая корректировка является невозможной для анализатора.

Тета присоединение и принцип тета корректировки составляют основу модели главного слова, первоначально разработанной Причеттом в его статье "Феномен предложений заблуждения и грамматические основы анализа предложения" [Pritchett 1987], основанной на его диссертации, и в статье "Позиция главного слова и многозначность при синтаксическом анализе предложения" [Pritchett 1991].

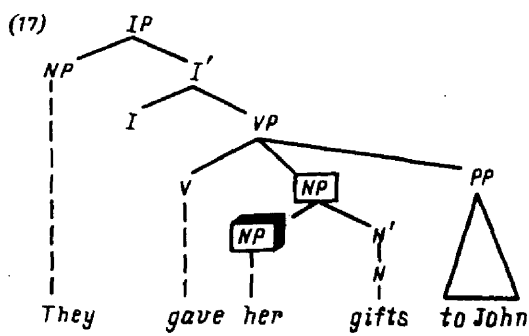
Последующие исследования показали, однако, что следуя принципу тета корректировки, конструкции с двойным дополнением (3.5) должны быть сложными предложениями заблуждения, но слушатели не считают эти предложения таковыми. Например, сравним предложение типа *They gave her gifts on Christmas* "Они подарили ей подарки на Рождество" с предложением *They gave her gifts to John* "Они отдали ее подарки Джону". Во втором предложении именная группа "подарки" должна быть скорректирована так, чтобы она стала главным словом первой именной группы "ее", а не возглавляла свою собственную отдельную, вторую именную группу. Это очевид-

ное нарушение принципа тета корректировки, тем не менее, это предложение не представляет никаких трудностей для анализатора. Таким образом, принцип тета корректировки нуждался в модификации. Такая модификация модели была предложена Притчеттом в его книге [Pritchett 1992].

Как было отмечено выше, особенность модели главного слова заключается в той тесной связи, которая постулируется между теорией грамматики и характеристиками анализатора. Именно грамматические принципы как таковые являются неотъемлемой составной частью теории синтаксического анализа предложения. Однако принцип тета корректировки является нововведением; такого принципа не существует в теории управления и связывания, на которой Притчетт основывает свою модель анализа предложения. Кроме того, формулировка принципа тета корректировки характеризует процесс корректировки в терминах соотношения позиции в синтаксическом представлении предложения, которую первоначально занимает элемент, и позиции, на которую он перемещается после корректировки. Первоначальная позиция называется исходной (source), а окончательная называется результирующей (target). Следовательно, принцип тета корректировки можно переформулировать как условие, характеризующее взаимоотношение между исходной и результирующей позициями в синтаксическом представлении предложения, используя при этом чисто структурные синтаксические понятия управления и доминирования (dominance). Переформулированный таким образом принцип тета корректировки был назван Причеттом принципом непосредственной локальности[22] (on-line locality constraint):

> Принцип непосредственной локальности: Исходная позиция (если таковая имеется), должна управлять или доминировать над результирующей позицией (если таковая имеется), которую займет элемент предложения после корректировки, иначе присоединение окажется невозможным для автоматического аппарата понимания человека [Pritchett 1992: 101].

Теперь, по утверждению автора, конструкции с двойным дополнением перестают представлять проблему для модели главного слова. Предложение *They gave her gifts to John* "Они отдали ее подарки Джону" после корректировки будет иметь следующее представление (17)[23]:



Как мы видим, принцип непосредственной локальности дает объяснение тому факту, что корректировка в (17) не является проблематичной. В окончательном синтаксическом представлении предложения (17) позиция второго дополнения, которую первоначально занимала именная группа *gifts* "подарки", управляет главным

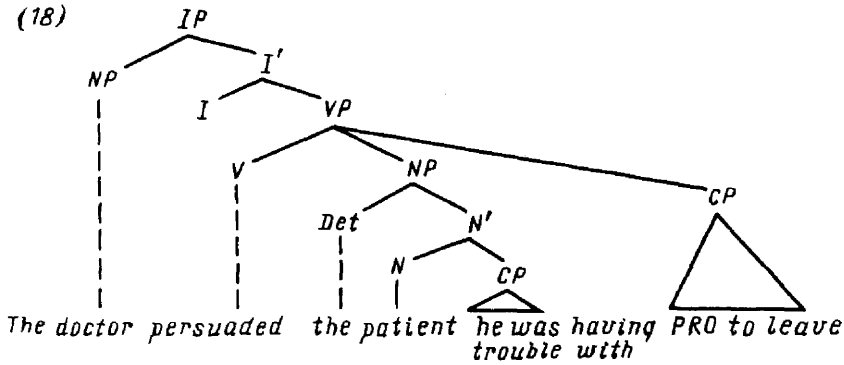
---

[22] Термин "on-line" противопоставляется по своим характеристикам "off-line". Процедура, происходящая "on-line", имеет место непосредственно, прямо во время какого-либо процесса (в данном случае речь идет о мгновенном, автоматическом, имеющем место в сознании человека процессе синтаксического анализа предложения при его понимании). "Off-line" процедура происходит сразу после того, как этот процесс завершился (см. также сноску 16).

[23] Простым квадратом обозначена исходная позиция, объемным — результирующая позиция.

словом N результирующей позиции, поскольку она управляет максимальной проекцией NP этого существительного.

Нужно теперь доказать, что принцип непосредственной локальности, как и принцип тета корректировки, объясняет все типы многозначности. Притчетт применяет принцип непосредственной локальности при анализе шести типов многозначности из (3) и утверждает, что этот принцип работает во всех случаях. Рассмотрим для примера, как с помощью тета присоединения, которое продолжает занимать центральное место в модели главного слова, и принципа непосредственной локальности проходит анализ предложения типа (3.4) — придаточное дополнительное/определительное: *#The doctor persuaded the patient THAT he was having trouble with to leave* "Доктор уговорил пациента, с которым у него не ладились отношения [,] уйти":



В синтаксическом представлении [Frazier 1982] вторая позиция аргумента внутри VP, которую первоначально занимало придаточное дополнительное, не управляет результирующей позицией, так как управление блокировано промежуточной максимальной проекцией NP, и элемент предложения, подвергающийся корректировке, является не аргументом, а адъюнктом. Мы видим, что так же, как раньше трудность этого предложения заблуждения объяснялась с помощью принципа тета корректировки, сейчас она объясняется с помощью принципа непосредственной локальности.

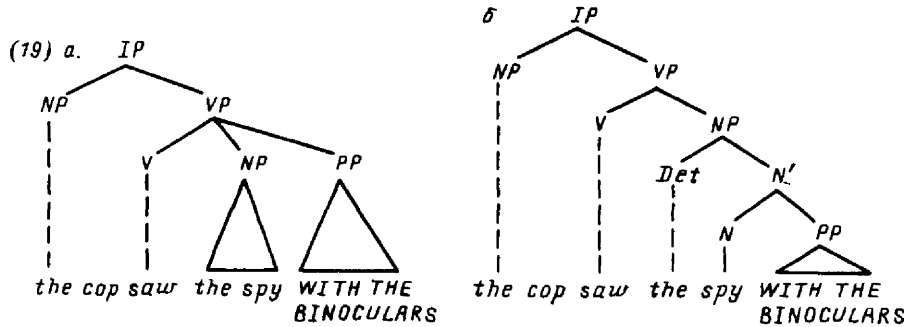
Тета присоединение, основанное на грамматическом принципе тета критерия, — универсальный принцип, по мнению Притчетта. Можно также предположить, что и другие глобальные грамматические принципы применяются подобным же способом. Таким образом, автор предлагает следующую формулировку принципа обобщенного тета присоединения (generalized theta attachment):

> Принцип обобщенного тета присоединения: Каждый синтаксический принцип во время анализа предложения стремится к тому, чтобы быть максимально удовлетворенным [Pritchett 1992: 138].

Синтаксические принципы удовлетворяются тем более, чем более мотивировано (licensed) появление каждого элемента в данной конкретной части предложения, и соответственно, чем больше мотивирующих признаков (падежей, тематических ролей) приписано.

Модель главного слова в том виде, как она описана выше, в основном отвечает на вопрос, каким образом анализируются и как присоединяются к синтаксическому дереву аргументы. Противопоставление аргументов и адъюнктов является одним из центральных вопросов для теории управления и связывания и теории синтаксиса в целом. Было давно отмечено, что аргументы и адъюнкты ведут себя по-разному по отношению к самым различным синтаксическим модулям, а именно, существует принципиальная асимметрия в их поведении. В частности, некоторые типы синтаксического передвижения (syntactic movement) применимы к аргументам, но не приме-

нимы к адъюнктам[24]. Кроме того, аргументы занимают такие позиции в предложении, где они могут получить падеж[25] и тематическую роль; адъюнкты же не имеют ни падежа, ни тематической роли. Таким образом, присоединение той или иной фразовой группы к уже частично построенному синтаксическому представлению должно отражать разницу между аргументами и адъюнктами. Например, в предложении типа (3.6) — присоединение предложной группы к именной группе/глагольной группе: *The cop saw the spy WITH THE BINOCULARS* "Полицейский увидел шпиона с биноклем/в бинокль" — предложная группа *WITH THE BINOCULARS* может быть присоединена либо как квази-аргумент глагола (19а), либо как адъюнкт второй именной группы (19б):



Многочисленные эксперименты доказывают, что информанты предпочитают присоединять многозначные предложные и именные группы в качестве аргументов, а не адъюнктов. Поэтому любая модель синтаксического анализа предложения, стремящаяся адекватно смоделировать психологическую реальность, должна объяснять это предпочтение. Притчетт отмечает, что разграничение аргументов и адъюнктов само по себе недостаточно. Как известно, существует определенный класс наречий и обстоятельств других частей речи, которые можно охарактеризовать как "квази-аргументы". В частности, обстоятельства места, времени и "инструментальные" обстоятельства ведут себя по отношению к определенным синтаксическим процессам как обязательные дополнения (квази-аргументы), в то время как обстоятельства образа действия и причины являются прототипическими адъюнктами. Модель главного слова объясняет особенности присоединения обстоятельств первого типа, "квази-аргументов", при помощи принципа обобщенного тета присоединения. С другой стороны, эта модель ничего не предсказывает в случае обстоятельств второго типа. В предложении *Frank visited the man WITH THE SUITCASE* "Франк навестил человека с ЧЕМОДАНОМ" предложная группа может быть адъюнктом как именной, так и глагольной группы, однако обобщенное тета присоединение не отдает предпочтения ни одному из этих двух возможных вариантов. В то же время очевидно, что модификация именной группы более уместна. К сожалению, замечает автор, вопросы, связанные с грамматическим характером адъюнктов и их синтаксическим анализом, практически не изучены, поэтому на настоящем этапе развития лингвистики можно только строить догадки[26] на эту тему. Модель главного слова в явном виде признает тот факт, что

---

[24] Принципиальные различия между аргументами и адъюнктами — слишком широкая тема для того, чтобы ее можно было кратко изложить в обзоре. Эту разницу можно приблизительно сравнить с традиционным делением на дополнения (прямые, косвенные) и обстоятельства. В теории управления и связывания существуют классические тесты, помогающие различить аргументы и адъюнкты.

[25] Речь здесь идет о синтаксических падежах, а не о морфологических падежах, поэтому теория падежа в теории управления и связывания является универсальной и применяется даже в тех языках, в которых морфологических падежей нет.

[26] Книга Притчетта [Pritchett 1992] была опубликована в 1992 г., когда модель ассоциации Фразер и Клифтона [Frazier, Clifton 1993], в центре внимания которой находятся именно адъюнкты и модифицирующие конструкции, была еще неизвестна.

некоторые глагольные адъюнкты ведут себя как дополнения, и этим объясняется их аргументоподобный статус. Но поскольку на настоящий момент не существует адекватной грамматической теории адъюнктов, объяснение характера их поведения в процессе синтаксического анализа предложения придется отложить до тех пор, пока эта теория будет разработана в достаточной мере.

В качестве завершающего штриха к своей модели Притчетт очень бегло рассматривает вопрос, каким образом модель главного слова объясняет характерные особенности синтаксического анализа предложения в других языках, а именно, в китайском, иврите, немецком, японском и корейском. Однако, как уже было отмечено выше, синтаксический анализ предложения в других языках следует рассмотреть в отдельном обзоре.

2.3. Модель структурного детерминизма Горрелла [Gorrell 1992; 1992a; 1993; 1994] / минимальных обязательств Вайнберга [Weinberg 1993; 1994].

Детерминистская модель М. Маркуса [Marcus 1980; 1983]. Предшественницей модели структурного детерминизма можно считать модель детерминистского анализа предложения, предложенную Маркусом в 1980 г. Маркус выдвинул гипотезу, что естественный язык анализируется детерминированно слева направо, то есть на каждом отдельном этапе анализа при возникновении временной многозначности принимается одно-единственное структурное решение (никакого параллелизма), и это принятое решение не может быть изменено никогда (никакой корректировки). Таким образом, анализатор всегда действует детерминистски: его действия всегда однозначны. Детерминистский анализатор имеет не только доступ к лексической информации и информации субкатегоризации, но и обладает специальным буфером, позволяющим ему заглядывать вперед, чтобы иметь доступ к той части предложения, которая еще не проанализирована. Объем этого буфера, по мнению автора, равен трем составляющим предложения. Важно отметить, что объем буфера измеряется составляющими, то есть, фразовыми группами, а не отдельными словами.

Маркус также предложил компьютерное воплощение своей теоретической модели синтаксического анализа предложения, получившее название программы ПАРСИФАЛЬ. ПАРСИФАЛЬ имитирует действия анализатора и поэтому должен так же, как и люди, испытывать трудности. Однако трудности представляют только те предложения с временной многозначностью, в которых область снятия многозначности лежит за пределами трехчленного буфера. Так, в каноническом предложении заблуждения (1.4) как только подлежащее the horse "лошадь" оказывается проанализированным, буфер будет содержать в себе глагол, предлог и именную группу: <RACED>$_V$ <past>$_P$ <the barn>$_{NP}$. Последующий глагол *fell* еще не видим, а когда он появляется, первоначально построенный анализ оказывается неправильным. Однако поскольку анализ является детерминистским, раз построенное синтаксическое представление нельзя автоматически изменить, требуются уже сознательные усилия для повторного анализа. Маркус считает, что тот факт, что ПАРСИФАЛЬ не в состоянии успешно проанализировать с первого раза сложные предложения заблуждения, составляет аргумент в пользу психологической реальности его модели.

Однако модель Маркуса в том виде, как она была изложена изначально, нуждалась в доработке, так как было очевидно, что существуют очень короткие сложные предложения заблуждения, целиком помещающиеся в буфере, и такие предложения (исходя из модели Маркуса) не должны представлять никаких трудностей. Тем не менее, предложения типа *#The boat FLOATED quickly sank* "Лодка, ПРОПЛЫВШАЯ/ПРОГНАННАЯ быстро, утонула" так же сложно анализировать, как и более длинные варианты канонических предложений заблуждения. Маркус, Хиндл и Флек [Marcus, Hindle, Fleck 1983] опубликовали сильно доработанную версию детерминистской модели, получившую название дескриптивной модели, или Д-модели.

Синтаксическое представление предложения, получившееся в результате анализа, в этой модели представляет собой не фразовое дерево, а набор синтаксических описаний (descriptions), которые содержат принципиально меньше информации, чем фразовое дерево. Синтаксическое представление состоит из описания отношений просто доминирования, но не прямого, непосредственного доминирования[27]. Такие отношения доминирования дают набор составляющих предложения, но не обязательно непосредственно составляющих, что позволяет описаниям фразовой структуры оставаться не до конца определенными. Например, предложение *I drove my aunt from Peoria's car* "Я вел машину моей тети из Пеории" представляет трудности для ПАРСИФАЛЯ (но не для человека) потому, что он присоединяет именную группу *my aunt* в качестве непосредственного прямого дополнения, то есть слишком высоко в дереве, вместо того, чтобы присоединить ее в качестве притяжательного адъюнкта прямого дополнения. Таким образом, принципиальное отличие Д-теории от детерминистской модели заключается в том, что при анализе подобных предложений фиксируется только информация о том, что глагольная группа доминирует над многозначной именной группой, а непосредственное доминирование не указывается. По мере того, как анализируется новый лексический материал в предложении, к уже существующим описаниям отношений доминирования добавляются новые и, в конце концов, точное расположение именной группы в синтаксическом представлении предложения можно определить по сумме таких описаний. В этом и состоит суть синтаксического анализа предложения в Д-теории.

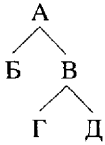
Модель структурного детерминизма Горрелла. Как было отмечено выше, основная идея Д-теории, разработанной Маркусом и его коллегами, заключается в том, что при описании отношений между фразовыми группами в синтаксическом представлении предложения фиксируются только отношения просто доминирования, но не отношения непосредственного доминирования. Эта идея легла в основу модели структурного детерминизма П. Горрелла [Gorrell 1992; 1992a; 1993; 1994] и модели минимальных обязательств А. Вайнберг [Weinberg 1993; 1994]. Эти две модели весьма тесно связаны и похожи.

Для начала мы рассмотрим модель структурного детерминизма. Горрелл предлагает описание этой модели в целом ряде своих работ [Gorrell 1992; 1993; 1993a; 1994] и в новой книге под названием "Синтаксис и восприятие" [Gorrell 1992a]. Поскольку книга суммирует большинство положений статей, остановимся подробнее на теории в том виде, как она изложена в книге.

Центральным конструктом своей модели Горрелл считает синтаксическое представление предложения в виде фразового дерева. Фразовое дерево несет в себе следующую информацию: а) иерархическую группировку частей предложения в составляющие; б) последовательность составляющих слева направо; в) грамматические категории составляющих. Фразовое дерево состоит из узлов, представляющих грамматические категории и ветвей, которые соединяют эти узлы между собой. Грамматические отношения между узлами описываются при помощи отношения доминирования. Отношение доминирования определяется следующим образом: для двух узлов x и y, x доминирует над y тогда и только тогда, когда поддерево, связывающее эти два узла в дереве, состоит исключительно из нисходящих ветвей. Отношение 'x доминирует над y' записывается в виде d (x, y). Если между x и y нет промежуточных узлов, x непосредственно доминирует над y. Последовательность узлов слева направо определяется при помощи отношения предшествования (precedence). Если x предшествует y, это отношение обозначается в виде p (x, y). Так, в дереве (20a) узел А доминирует над всеми остальными узлами дерева, Б предшествует В и всем узлам, над которыми доминирует В, т.е. Г и Д. Все возможные отношения доминирования и предшествования в этом дереве представлены в

[27] Просто доминирование означает, что узел А выше в дереве, чем узел Б; непосредственное доминирование означает, что узел А является матерью узла Б.

списке (20б):

(20) а. 

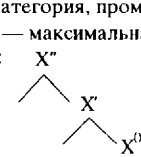
б. d (А, Б) p (Б, В) d (В, Г) p (Г, Д)
d (А, В) p (Б, Г) d (В, Д)
d (А, Г) p (Б, Д)
d (А, Д)

Помимо отношений доминирования и предшествования, считающихся первичными, между узлами дерева существуют и другие, вторичные, отношения, речь о которых пойдет ниже.

Существуют несколько условий, которые характеризуют правильность построения дерева. Одно из них имеет более общий характер. Оно предполагает, что два узла могут находиться в отношении предшествования, только если они не находятся в отношении доминирования. Другое условие имеет более частный характер и применяется только к синтаксическому дереву. Это условие определяет способ приписывания имен узлам и следует при этом положениям X-штрих модуля (X-bar theory) в теории Управления и Связывания. X-штрих модуль постулирует, что каждая категория проецирует (projects) узлы, доминирующие над ней, т.е. N → NP, V → VP и так далее. Промежуточная проекция главного слова X — X' (X-штрих)[28] — появляется только тогда, когда она ветвится. Вся необходимая синтаксическая информация будет представлена следующим образом: грамматические категории главного и зависимых слов и типы возможных дополнений главного слова определены в лексиконе, грамматические категории проекций и отношения доминирования определены при помощи X-штрих модуля, а отношения предшествования — при помощи параметра следования главного слова.

Фразовое дерево в том виде, как оно описано выше, является результатом деятельности анализатора, следовательно, анализатор представляет собой механизм, который строит структурное представление для набора символов на входе, основанное на синтаксически значимой лексической информации и общих принципах синтаксиса. Главными операциями анализатора являются операции создания узлов (node creation) и присоединения. Операция создания узлов вызывается либо при помощи X-штрих модуля, либо при помощи субкатегоризации. Операция присоединения представляет собой процедуру установления либо отношения доминирования, либо отношения предшествования между узлами x и y. Подобное определение присоединения представляет анализатор в виде механизма для построения дерева, в котором отношения доминирования и предшествования являются первичными структурными отношениями в синтаксическом представлении. Все остальные виды отношений между узлами в дереве, например, управление[29], являются вторичными и всегда определяются через посредство первичных отношений. Какое представление построит такой анализатор, когда он анализирует многозначное предложение? Горрелл предлагает следующий принцип, принцип простоты, который ограничивает действия операций создания узлов и присоединения:

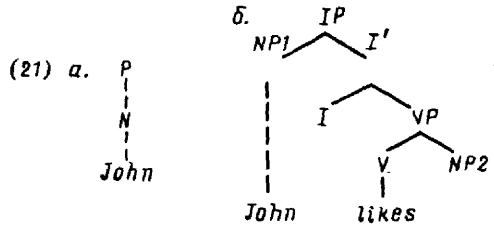
---

[28] В теории управления и связывания приняты следующие обозначения для элементов X-штрих модуля: X^0 — главное слово, терминальный символ; X'— категория, промежуточная между главным словом и его максимальной проекцией; X" — (X-двойной штрих) — максимальная проекция главного слова, XP, фразовая группа X' и X" (= XP) — нетерминальные символы: 

[29] Под управлением здесь и далее в описании модели структурного детерминизма имеется в виду стандартное определение этого отношения в теории управления и связывания, основанное на понятии "си-команды" (c-command).

Принцип простоты (simplicity): Строить самое простое дерево, насколько это возможно, исходя из характера материала на входе и принципов грамматики [Gorrell 1992: 124].

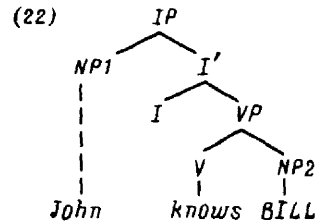
Рассмотрим на нескольких примерах, как действует модель структурного детерминизма. Начнем с простого однозначного предложения типа *John likes basketball* "Джон любит баскетбол". Принято считать, что такие предложения однозначны, однако в тот момент, когда на вход анализатора поступает слово *John* "Джон", возможны несколько вариантов его анализа: а) Джон и Мэри любят баскетбол, б) Джон, я его люблю, в) Джон и Мэри, г) Джон. Ведь в модели структурного детерминизма анализатор не обладает буфером, позволяющим ему заглянуть вперед, как это предполагалось в модели Маркуса. Анализатор строит именную группу NP для существительного "Джон", т.е. создает максимальную проекцию (21а). Это самая простая из возможных структур. Следующее слово "любит" является спрягаемой формой глагола, и поэтому анализатор строит VP и IP, и построенное на данный момент синтаксическое представление может быть изображено следующим образом (21б):



в. d (IP, NP1) d (IP, I') d (I', I) d (VP, V)
d (VP, NP2) d (I', VP) p (I, VP) p (V, NP2)

В (21в) выборочно представлены некоторые отношения доминирования и предшествования в дереве (21б). Пустой узел NP2 построен анализатором, поскольку того требует субкатегоризация глагола "любит", который должен иметь при себе обязательное прямое дополнение. Когда будет проанализирована именная группа "баскетбол", она будет присоединена в качестве этого прямого дополнения.

По точно такой же схеме происходит анализ легкого предложения заблуждения[30] типа *John knows BILL likes basketball* "Джон знает, [что] Билл любит баскетбол". Однако в этом предложении есть многозначное с точки зрения валентностей слова *knows* "знает". Синтаксическим представлением для этого предложения будет (22) после того, как проанализирована пост-глагольная именная группа NP2:

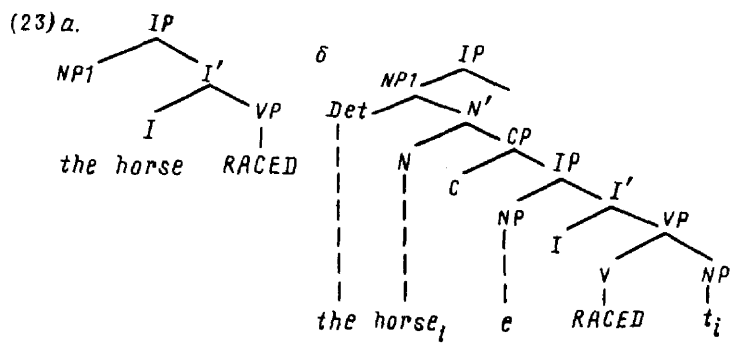


Анализатор следует тому предположению, что VP доминирует над пост-глагольной именной группой NP2 и в этой позиции V также доминирует над NP2. Кроме того, V

[30] Горрелл, так же как и Притчетт, считает только сложные предложения заблуждения предложениями заблуждения, поскольку в легких предложениях заблуждения корректировка происходит автоматически и незаметно для человека.

предшествует NP2, а следовательно, NP2 может получить и тематическую роль, и синтаксический падеж. Когда же анализируется глагол "любит", то строится дополнительная структура, в которой между VP и NP2 вставляется CP. Никакого эффекта заблуждения не происходит, поскольку в модели структурного детерминизма только операции уничтожения или изменения структуры, не являющиеся автоматическими, влекут за собой эффект заблуждения, в то время как добавление структуры, которое всегда происходит автоматически, не имеет последствий в виде осознанной корректировки предложения. Уничтожение и изменение структуры представляют собой операции по изменению первичных отношений доминирования и предшествования. В примере (22) глагол в главном предложении продолжает предшествовать NP2, поскольку он предшествует узлу CP, который теперь доминирует над именной группой NP2. Но если первичные отношения в данном примере не меняются после появления слова "любит", этого нельзя сказать про вторичные отношения. Глагол V в главном предложении больше не управляет именной группой NP2 как раньше, поскольку управление блокируется двумя новыми максимальными проекциями, CP и IP, а если нет отношения управления между двумя фразовыми группами, то невозможно ни приписывание тематической роли, ни синтаксического падежа. Операции приписывания тематической роли и синтаксического падежа и есть вторичные отношения. Они представляет собой интерпретационные процессы, существующие внутри синтаксиса. Эти процессы корректируют интерпретацию синтаксического представления предложения по мере того, как анализируется каждая лексическая единица.

Обратимся теперь к анализу сложных предложений заблуждения в том виде, как он осуществляется в модели структурного детерминизма. Каноническое предложение заблуждения (1.4) — *#The horse RACED past the barn fell* "Лошадь, ПРОГНАННАЯ мимо сарая, упала". Первоначальная структура, следуя принципу простоты, изображена в (23а), а правильная, более сложная, структура — в (23б) (см. (2.4)):



Следует обратить внимание на то, что в обоих случаях (23а) и (23б) NP1 доминирует над VP, и поэтому эффект заблуждения не может возникнуть в результате изменения отношений доминирования. Он возникает в результате изменения отношений предшествования, так как максимальной проекции VP причастия "ПРОГНАННАЯ" в (23а) предшествует максимальная проекция NP "лошадь". В (23б), однако, это не так, потому что NP "лошадь" доминирует над VP "ПРОГНАННАЯ". Как мы видим, происходит изменение одного из первичных отношений предшествования, и именно это вызывает эффект заблуждения.

Но отношения предшествования представляют собой только один из типов первичных отношений в модели структурного детерминизма, второй тип, как мы помним, составляют отношения доминирования. Рассмотрим пример предложения, в котором необходимо изменить именно первоначально построенные отношения доминирования, чтобы проверить, действительно ли в таком случае возникает эффект заблуждения. В предложении (7) *#While Mary was sewing THE DRESS fell on the floor* "Пока Мэри шила,

ПЛАТЬЕ упало на пол" следующее за глаголом слово присоединяется к уже частично построенному синтаксическому представлению как часть глагольной группы, потому что это самое простое представление (как того требует принцип простоты), к тому же оправданное материалом на входе и соответствующее принципам грамматики. За именной группой "ПЛАТЬЕ" следует глагол "упало", и возникает эффект заблуждения, потому что скорректированный анализ требует изменения одного из первоначально построенных отношений доминирования, а именно отношения доминирования между глагольной группой, возглавляемой глаголом "шила", и именной группой "ПЛАТЬЕ".

Таким образом, Горрелл предлагает модель структурного детерминизма, являющуюся последовательной (serial) моделью синтаксического анализа предложения, в которой нет необходимости в отдельном компоненте корректировки. Она концептуально проста, так как осуществляет операции только структурного характера: операции создания узлов и присоединения. Эмпирически модель в состоянии объяснить широкий спектр как однозначных предложений, так и легких и сложных предложений заблуждения. Она органически включает в себя важные аспекты других моделей (например, принцип простоты основывается на принципе минимального присоединения модели заблуждения), однако идет дальше в том, что придает не меньше значения отношениям предшествования, чем отношениям доминирования. Таким образом, заключает автор, модель структурного детерминизма мотивирована как с теоретической, так и с эмпирической точки зрения.

Модель минимальных обязательств. Модель минимальных обязательств описана А. Вайнберг в нескольких статьях [Weinberg 1993; 1994]. Наиболее подробно особенности этой модели представлены в статье [Weinberg 1993].

Модель минимальных обязательств называется так потому, что, по мнению автора, анализатор будет строить минимальное синтаксическое представление, необходимое для приписывания всех имеющихся в нем грамматических признаков. Формально это требование воплощено в принципе быстрой интерпретации (the principle of quick interpretation): Анализатор присоединяет аргументы, используя минимальное количество отношений доминирования и грамматических принципов, необходимых для приписывания значимых характеристик.

Модель имеет следующие характеристики:

1) анализатор строит не полностью определенное (underspecified) синтаксическое представление, представленное в виде отношений доминирования и предшествования. Это представление должно быть максимально мотивировано различными грамматическими модулями (X-штрих модуль, модуль синтаксического падежа, тета-критерий и т.д.);

2) анализатор не обладает буфером, позволяющим ему заглядывать вперед на несколько шагов. На вход анализатора поступает единовременно по одному слову, и анализатор пытается присоединить это слово к уже частично построенному синтаксическому представлению;

3) синтаксический анализ предложения осуществляется последовательно;

4) после того как появляется информация, снимающая многозначность, анализатор может добавить к уже построенному им набору не полностью определенных отношений доминирования и предшествования новые отношения;

5) при синтаксическом анализе предложения анализатор следует принципу монотонности, который означает, что анализатор может добавлять новые отношения к уже частично построенному представлению в любой момент, но не может менять уже построенные отношения.

Центральным понятием модели минимальных обязательств является понятие мотивирования (licensing) и мотивирующего слова (licenser). Каждая фразовая группа для того, чтобы иметь возможность присоединиться к уже частично построенному синтаксическому представлению, должна быть тем или иным способом мотивирована.

Вайнберг выделяет два типа отношений мотивированности: внутреннее (internal) и внешнее (external).

Внутреннее мотивирование определяется некоторым признаком, которым обладает определенная категория и который является сигналом для анализатора, чтобы построить данную категорию, так как для того, чтобы быть построенной, каждая категория должна быть внутренне мотивирована. Каждая максимальная проекция должна быть мотивирована отдельно. Признаками, служащими для внутреннего мотивирования категории, являются признаки, характеризующие X-штрих модуль и падежи. Внешнее мотивирование представляет собой приписывание некоторых грамматических признаков категории со стороны мотивирующего слова, находящегося за пределами фразовой группы, в состав которой входит данное слово. Чаще всего это означает, что одна фразовая группа доминирует над другой. Вайнберг предлагает следующий принцип мотивированности: "Когда внутренний состав категории полностью определен, она должна быть присоединена при помощи отношения доминирования к какой-нибудь другой категории; если невозможно построить такое мотивированное отношение доминирования, присоединения не получается" [Weinberg 1993: 348]. Мотивированное отношение доминирования возникает тогда, когда обе категории, мотивирующая и мотивированная, внутренне мотивированы, а отношение доминирования между ними — внешне мотивировано. Выделяются следующие типы внешней мотивированности: а) приписывание тематической роли (со стороны глагола своим дополнениям и подлежащему): б) приписывание синтаксического падежа (предлог приписывает синтаксический падеж своему объекту); в) функциональная селекция (например, артикль функционально выбирает именную группу); г) модификация (наречие модифицирует глагол): д) предикация (отношение между определительным придаточным предложением и его главным словом): е) согласование между спецификатором (specifier) и главным словом (ядро IP приписывает падеж подлежащему, находящемуся в позиции спецификатора.

Принцип быстрой интерпретации объясняет, почему легкие предложения заблуждения не вызывают сложностей для анализатора при их анализе. В предложении *John knew BILL liked Mary* "Джон знал, [что] Билл любит Мэри", принцип быстрой интерпретации указывает анализатору на то, что именная группа "БИЛЛ" является дополнением первого глагола. Когда на входе появляется следующее слово, то есть "любит", анализатор должен "опустить" эту именную группу в придаточное предложение при помощи дополнительных отношений доминирования. Первоначальное отношение доминирования, при котором первый глагол доминирует над именной группой, осталось неизменным, и осознанного эффекта заблуждения не возникает.

Тот факт, что анализатор при синтаксическом анализе предложения должен следовать принципу монотонности (характеристика 5), объясняет канонические, то есть сложные предложения заблуждения. Рассмотрим опять классический пример (1.4) #*The horse RACED past the barn fell* "Лошадь, ПРОБЕЖАЛА/ПРОГНАННАЯ мимо сарая, упала". Как мы помним, при анализе "ПРОБЕЖАЛА/ПРОГНАННАЯ" синтаксическое представление является многозначным: либо это может быть простое предложение, либо сокращенное определительное придаточное предложение. Первый вариант представляет собой минимальную структуру, поскольку в таком случае нет нужды строить сложное подлежащее, распространенное придаточным предложением. Поэтому, следуя принципу быстрой интерпретации, анализатор строит следующие отношения доминирования и предшествования, соответствующие первому варианту (24):

(24) d (IP NP I) d (NP, N (the horse)) d (I, VP) d (VP, V (*RACED*))
p ([NP the [N, horse]], *RACED*)

Однако глагол "упала" требует пересмотреть этот первоначальный анализ. Второй вариант — сокращенное определительное придаточное — несовместим с тем набором первичных отношений, который был выстроен при первоначальном анализе, поскольку

категория N-штрих (N'), доминирующая над глагольной фразой *RACED*, больше не будет ей предшествовать. Одна и та же категория, как уже было отмечено выше, не может одновременно доминировать и предшествовать по отношению к другой категории (см. синтаксическое представление в (16б)).

Таким образом, модель минимальных обязательств в состоянии объяснить широкий круг предложений заблуждения разных видов, используя при этом набор простых принципов. Тем не менее, эта модель ограничена в том смысле, что минимальное синтаксическое представление следует из принципа монотонности в том смысле, что разрешается добавлять структуру, но не разрешается ее менять. Анализатор ведет себя очень консервативно при постройке синтаксического представления предложения. Монотонность является характерной особенностью детерминистского анализа, и предпочтение присоединения фразовой группы как аргумента, а не адъюнкта, следует из того факта, что детерминистские системы осуществляют анализ снизу вверх. Обладающий такими характеристиками анализатор не нуждается в особом компоненте корректировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Секерина И.А. 1994 — Модели синтаксического анализа предложения в процессе понимания. Обзор американских психолингвистических теорий // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Серия 6: Языкознание. № 3. М., 1994.

Berwick R., Fong S 1994 — Madam, Butterfly redux: parsing English and Japanese with a Principles and parameters approach // Japanese sentence processing / Ed. by R. Mazuka, N. Nagai. New Jersey, 1994.

Bever T.G. 1970 — The cognitive basis for linguistic structures // Cognition and development of language / Ed. by J.R. Hayes. N.Y., 1970.

Carlson G., Tanenhaus M. 1988 — Thematic roles and language comprehension // Syntax and semantics / Ed. by W. Wilkins. San Diego, 1988.

Chomsky N. 1981 — Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.

Chomsky N. 1986 — Barriers. Cambridge, 1986.

Crain S., Steedman M. 1985 — On not being led up the garden path: the use of context by the psychological parser // Natural language parsing / Ed. by D. Dowty, L. Kartunnen, A. Zwicky. Cambridge (Mass.), 1985.

Cuetos F., Mitchell D. 1988 — Cross-linguistic differences in parsing: restrictions on the use of the late closure in Spanish // Cognition, Lausanne, 1988.

De Vincenzi M. 1989 — Syntactic parsing strategies in a null-subject language. Ph. D. Dissertation. University of Massachusetts, 1989.

Ferreira F., Henderson J. 1991 — How is verb information used during syntactic parsing // Understanding word and sentence / Ed. by G.B. Simpson. Amsterdam, 1991.

Fodor J.A., Bever T.G., Garrett M.F. 1974 — The psychology of language: an introduction to psycholinguistics and generative grammar. N.Y., 1974.

Fodor J.D., Inoue A. 1993 — The diagnosis and cure of garden paths. School and University Center, City University of New York, 1993 (рукопись).

Frazier L. 1978 — On comprehending sentences: syntactic parsing strategies. Ph. D. dissertation. University of Connecticut. 1978.

Frazier L. 1987 — Syntactic processing: evidence from Dutch // Natural language and linguistic processing. 1987. V. 5. № 4.

Frazier L. 1990 — Exploring the architecture of the language system // Cognitive models of speech processing: psycholinguistic and computational perspectives / Ed. by G. Altmann. Cambridge (Mass.), 1990.

Frazier L., Clifton C. 1993 — Construal. University of Massachusetts, 1993.

Frazier L., Fodor J.D. 1978 — The sausage machine: a new two-stage parsing model // Cognition. 1978. V. 6.

Frazier L., Rayner K. 1982 — Making and correcting errors during sentence comprehension: eye movements in the analysis of structurally ambiguous sentences // Cognition psychology. 1982. V. 14.

Gibson E.A. 1991 — A computational theory of human linguistic processing: memory limitations and processing breakdown. Ph. D. dissertation. Carnegie Mellon University. Pittsburg. 1991.

Gorrell P. 1987 — Studies of human syntactic processing: ranked parallel vs. serial models. Ph. D. dissertation. University of Connecticut, 1987.

Gorrell P. 1989 — Establishing the loci of serial and parallel effects in syntactic processing // Journal of psycholinguistic research. 1989. V. 18. № 1.

Gorrell P. 1992 — The parser as tree builder. University of Maryland. College Park, 1992 (рукопись).

Gorrell P. 1992a — Syntax and perception. N.Y., 1992.
Gorrell P. 1993 — Form- and context-based parsing strategies. University of Maryland. College Park, 1993 (рукопись).
Gorrell P. 1993a — Structural relations in the grammar and the parser. University of Maryland. College Park, 1993 (рукопись).
Gorrell P. 1994 — Japanese trees and the garden path // Japanese sentence processing / Ed. by R. Mazuka, N. Nagai. New Jersey, 1994.
Grice P.H. 1989 — Studies in the way of words. Cambridge (Mass.), 1989.
Hickok G. 1993 — Parallel parsing: evidence from reactivation in garden-path sentences // Journal of psycholinguistic research. 1993. V. 22. № 3.
Inoue A., Fodor J.D. 1994 — Information-paced parsing of Japanese // Japanese sentence processing / Ed. by R. Mazuka, N. Nagai. New Jersey, 1994.
Kimball J. 1973 — Seven principles of surface structure parsing in natural languages // Cognition. 1973. V. 2. № 1.
Marcus M. 1980 — A theory of syntactic recognition for natural language. Cambridge (Mass.), 1980.
Marcus M., Hinndle D., Fleck M. 1983 — D-theory: talking about trees // Proceedings of the 21-st annual meeting of the Association for computational linguistics. Cambridge, 1983.
Nicol J., Pickering M. 1993 — Processing syntactically ambiguous sentences: evidence from semantic priming // Journal of psycholinguistic research. 1993. V. 22. № 3.
Pritchett B. 1987 — Garden path phenomena and the grammatical basis of language processing. Ph. D. dissertation. Harvard University. Cambridge (Mass.), 1987.
Pritchett B. 1987a — Garden path phenomena and the grammatical basis of language processing // Language. 1987. V. 64. № 4.
Pritchett B. 1991 — Head position and parsong ambiguity // Journal of psycholinguistic research. 1991. V. 20. № 2.
Pritchett B. 1992 — Grammatical competence and parsing performance. Chicago; London, 1992.
Pritchett B. 1992 a — Parsing with grammar: islands, heads and garden paths // Islands constraints / Ed. by H. Goodlick, M. Rochemont. N.Y., 1992.
Saussure F. 1932 — Cours de linguistique générale. Paris, 1932.
Sells P. 1985 — Lectures on contemporary syntactic theories: an introduction to government-binding theory, generalized phrase structure grammar, and lexical-functional grammar. Stanford, 1985.
Taraban R., McClelland J. 1988 — Constituent attachment and thematic role assignment in sentence processing: influences of context-based expectations // Journal of memory and language. 1988. V. 27. № 6.
Weinberg A. 1993 — Parameters in the theory of sentence processing: minimal commitment theory goes east // Journal of psycholinguistic research. 1993. V. 22. № 3.
Weinberg A. 1994 — Licensing constraints and the theory of language processing // Japanese sentence processing / Ed. by R. Mazuka, N. Nagai. New Jersey, 1994.

№ 3 1996

РЕЦЕНЗИИ

Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings / Ed. by C. Goddard, A. Wierzbicka. Amsterdam: John Benjamins, 1994. VII + 510 p.

Несмотря на то, что все последние годы А. Вежбицкая работает очень продуктивно и много печатается, каждая ее новая книга неизменно оказывается событием. Однако даже на этом фоне рецензируемая книга выделяется особо: это первая значительная коллективная работа, выполненная под непосредственным руководством Вежбицкой (и при ее активном участии) и ориентированая на эмпирическую верификацию некоторых важнейших положений ее семантической теории – прежде всего, статуса знаменитых "семантических примитивов".

Как известно, одним из ключевых положений семантической теории Вежбицкой является утверждение о существовании универсальных (и при этом семантически элементарных) концептов человеческой культуры – своеобразный алфавит ментальных атомов, образующий все множество более сложных смыслов любого естественного языка, и обеспечивающий, в числе прочего, принципиальную возможность адекватного перевода с языка на язык и взаимопонимания между носителями различных языков (и культур). Тем самым, в качестве исходного пункта лингвистических рассуждений постулируется глубинное "духовное единство человечества" (с. 2), принципиальная тождественность способов мышления и восприятия мира у всех людей Земли. Однако ранее как само это утверждение, так и демонстрации его применимости делались Вежбицкой, главным образом, на материале английского и некоторых славянских языков (причем метаязыком описания также был преимущественно английский); универсальная релевантность "семантических примитивов" оставалась лишь гипотезой. В данной книге объектом исследования оказываются лексические системы 14 языков, из которых подавляющее большинство локализованы в азиатско-тихоокеанском регионе: это японский, китайский и тайский; четыре очень отдаленно родственных друг другу австронезийских языка – мангап-мбула (Новая Гвинея), ачех (Суматра), лонггу (Соломоновы острова) и самоа (Западное Самоа, Полинезия); три австралийских языка (кайардилд, янкунтятяра и аранда) и новогвинейский язык калам. Кроме того, приводятся данные по языку эве (Западная Африка), ряду близкородственных мисумальпских языков, прежде всего миску (Центральная Америка) и, наконец, по такому экзотическому языку, как современный французский. Как можно видеть, в этом списке соседствуют хорошо описанные языки и языки, известные только по одному-двум недавним описаниям; языки с длительной литературной традицией и письменной историей и бесписьменные языки; "мировые" языки, обслуживающие огромные регионы и миллионы говорящих и находящиеся на грани исчезновения языки, которыми пользуется от силы несколько сот человек старшего поколения (как, например, кайардилд).

Все языки описываются по единой жесткой схеме, причем описание подчинено одной конкретной задаче: определить, каким образом в том или ином языке выражаются (если они выражаются) 37 лексических единиц, признанных семантическими примитивами в английском (мета)языке Вежбицкой. Несколько огрубляя реальное положение дел, можно сказать, что основное содержание 14 дескриптивных глав книги сводится к рассуждениям по поводу того, как можно перевести на соответствующий язык 37 "простых" английских слов; это своего рода традиционные этюды по контрастивной лексикологии, но, разумеется, встроенные в совсем иную лингвистическую идеологию [заметим в скобках, что степень идеологической (не) традиционности конкретного описания в

очень сильной степени зависит от личности автора, и в этом отношении сборник не является однородным].

Уместно, видимо, привести полный список английских "семантических примитивов", служивший отправной точкой для исследователей (список разбит на восемь семантических групп – "субстантивы", "ментальные предикаты", "квантификаторы", "действия", и т.п.):

– I, YOU, SOMEONE, SOMETHING, PEOPLE;

– THINK, SAY, KNOW, FEEL, WANT;

– THIS, THE SAME, OTHER, ONE, TWO, MANY, ALL;

– DO, HAPPEN TO/IN;

– NO, IF, CAN/COULD, LIKE, BECAUSE, VERY;

– WHEN, WHERE, AFTER, BEFORE, UNDER, ABOVE;

– KIND OF; HAVE PARTS;

– GOOD, BAD, BIG, SMALL.

Заметим, что это наиболее обширный список семантических примитивов по сравнению с теми его вариантами, которые обсуждались в предшествующих работах Вежбицкой. Для облегчения лексикографических процедур исследователям предлагалась также своеобразная анкета, содержащая список элементарных английских предложений: каждое такое предложение задает контекст, в котором наиболее вероятно обнаружение семантического примитива (например, для глагола *know* предписывается брать прежде всего сентенциальные контексты типа *khow that*, а не контексты вида *I know this person*, и т.п.).

Книга состоит из краткого предисловия А. Вежбицкой, вводной теоретико-методологической части (написанной совместно К. Годдардом и А. Вежбицкой), эмпирической части, содержащей описания конкретных языков (выполненные специалистами по этим языкам), и заключительной части, в которой А. Вежбицка подводит итоги исследования. Забегая вперед, скажем сразу, что гипотеза о существовании "универсального алфавита человеческой мысли" (это цитата из столь любимого Вежбицкой Лейбница) признается полностью подтвердившейся, однако определение состава "семантических примитивов" оказалось связано с рядом нетривиальных проблем, которые и обсуждаются более подробно, отдельно для каждой группы примитивов. Но прежде чем мы коснемся этой стороны дела, необходимо охарактеризовать основные теоретико-методологические предпосылки исследования, т.к. вводная часть, несмотря на ее лаконичность, содержит очень любопытные рассуждения, относящиеся к общим проблемам описания семантики естественного языка.

В основе теоретической концепции исследования лежит принцип декомпозиции значений, в результате которой, однако, значения сводятся именно к значениям, а не к чему-то, что имеет иную семиотическую природу (данное утверждение предполагает полемику с очень широким спектром взглядов, включая формально-логические, нейропсихологические, социально-бихевиористские и "метафорические" модели значения). Предельным результатом декомпозиции и являются "семантические примитивы", которые не могут быть представлены как комбинация более элементарных сущностей той же природы. Идея универсальных и элементарных семантических "атомов" восходит непосредственно к мыслителям XVII в. (Паскаль, Декарт, Арно и Лейбниц) и имеет довольно много приверженцев в лингвистике XX в. (в частности, и Хомский, и большинство его оппонентов разделяют в том или ином виде картезианские идеи "универсальной грамматики"). Далее, семантические примитивы объявляются элементами обычного языка, а не специально созданного искусственного метаязыка (в отличие от символов, используемых в формальной логике, или придуманных лингвистами терминов типа "каузировать"); для Вежбицкой это положение представляется особенно важным, т.к. составляет принципиальное отличие ее теории практически от всех остальных современных семантических теорий, с легкостью использующих искусственные единицы. В разных естественных языках семантические примитивы будут, разумеется, звучать поразному, но они должны быть с е м а н т и ч е с к и п о л н о с т ь ю э к в и в а л е н т н ы друг другу (ведь иначе гипотеза об их универсальном характере окажется несостоятельной). Таким образом, семантические примитивы – это просто подмножество определенного естественного языка, называемое в книге "естественным семантическим метаязыком" (ЕСМ). Именно убежденность Вежбицкой и ее единомышленников в естественно-языковом характере семантических примитивов заставляет их затрачивать столько интеллектуальных усилий на поиски семантических примитивов в самых разных языках мира; напомним еще раз, что все эти единицы должны, во-первых, существовать во всех естественных языках (желательно в виде самостоятельных лексем) и, во-вторых,

быть семантически эквивалентными друг другу. Это очень сильная гипотеза, и научное бесстрашие, с которым авторы отваживаются на ее проверку, не может не вызвать уважения.

Немало места во вводной части книги уделено анализу близких Вежбицкой семантических теорий. Среди таких идеологически более или менее родственных подходов, по мнению авторов книги, выделяются прежде всего идеи Дж. Лайонза, Р. Диксона и Московской семантической школы (в книге названы имена Ю.Д. Апресяна, А.К. Жолковского, Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука). В работах Лайонза отстаивалось понятие "наивного реализма", но не было образцов детального семантического анализа; в работах Диксона последовательно утверждался примат семантики над синтаксисом и делались попытки выделить базовые семантические элементы на широком типологическом фоне (влияние Диксона на Вежбицкую усматривается, в частности, и в усилении типологической ориентации ее последних работ). Наконец, в работах представителей Московской семантической школы, наиболее близких к работам Вежбицкой, также уделяется внимание разработке семантического метаязыка и проблеме декомпозиции значений; однако идеологическая важность семантических примитивов, равно как и поиск их естественно-языковых коррелятов (тем более в типологическом плане) для Московской семантической школы существенно менее значимы. Как отмечает К. Годдард, в центре внимания этого семантического направления оказывается скорее проблема тонкой дифференциации семантически близких единиц одного языка, чем "максималистский" поиск универсальных примитивов. Цитируется полемическое высказывание Мельчука, что он в настоящее время "не в состоянии выделить даже одного семантического примитива, не говоря уже о полном их инвентаре" [Mel'čuk 1989 : 83]; интересно было бы сопоставить эти утверждения Годдарда с недавней статьей Ю.Д. Апресяна [Апресян 1994], специально посвященной сравнению двух названных подходов.

Обсуждению самого инвентаря примитивов в книге предшествуют краткие методологические рассуждения по поводу понятий полисемии, аллолексии и так называемого семантического "резонанса"; все названные явления, очевидным образом, затрудняют исследовательскую работу по поиску семантических примитивов. Признается существование полисемии и эксплицитно отвергается идея моносемии "любой ценой"; корреляты полисемии предлагается искать в синтаксическом поведении слова и в межъязыковых эквивалентах (нельзя не признать, впрочем, что оба эти коррелята достаточно уязвимы). Очень сложная проблема взаимодействия значений многозначного слова в книге едва обозначена: импрессионистическое понятие семантического резонанса, используемое Годдардом и Вежбицкой, скорее просто указывает на ее существование, чем является инструментом решения. Впрочем, авторов интересуют не конкретные слова конкретных языков, а, напомним, возможность прорыва в универсальную зону, в недоступное Эльдорадо семантически неразложимых элементов. Этот своеобразный семантический романтизм, заставляющий порою вспоминать даже не эпоху Лейбница, а, пожалуй, эпоху Великих географических открытий, составляет, конечно, и сильную и одновременно слабую сторону концепции Вежбицкой. Впрочем, на пути в Индию часто открывают Америку: безусловно, тщательные контрастивно-лексикографические штудии 14 языков, представленные в книге, окажутся полезными и в этом аспекте...

Авторы конкретных описаний являются в разной степени сторонниками теории Вежбицкой; неудивительно, что они получают разные результаты. В языке янкунтятяра, которым занимался сам Годдард, замечательным образом почти не оказывается неразрешимых проблем; зато описания языков аранда (Дж. Харкинз и Д. Уилкинз), мискиту (К. Хейл) или французского (Б. Пеетерс) почему-то демонстрируют гораздо больше сложностей. Впрочем, в заключительной главе Вежбицкая твердой рукой расставляет все по местам, невольно доказывая, насколько все-таки лексикография ближе к искусству, чем к науке: произведения искусства (а также толкования Вежбицкой), увы, не выигрывают от массового тиражирования.

Рассмотрим и мы некоторые более конкретные проблемы, с которыми сталкивались исследователи при описании лексики соответствующих языков.

Прежде всего, подавляющее большинство авторов проявляет единодушие в том, что семантические примитивы Вежбицкой (многие или даже все) не могут претендовать на статус универсальных лексических единиц. В языках вполне может не быть специальных лексем для обозначения примитивов CAN, FEEL, PART, IF, и т.п.; в

языке мангап-мбула, например, одинаковое означающее имеют даже четыре примитива сразу: THINK, SAY, WANT и IF. В таком языке, как китайский, примитивы, относящиеся к понятиям части/целого, а также сравнения, выражаются скорее синтаксически, чем лексически, и т.п. С другой стороны, один и тот же примитив может быть выражен несколькими лексическими единицами, каждая из которых имеет какую-то дополнительную семантическую нагрузку. Так, в языке кайардилд отсутствует "простой" глагол со значением 'делать', зато имеются глаголы 'делать хорошо', 'делать плохо', 'делать это', 'делать то', и т.п. Особенно деликатные проблемы возникают в связи со статусом личных местоимений 1 и 2 лица: в японском и особенно тайском языке выражение значений типа 'я' и 'ты', как известно, осложняется большим количеством дополнительных прагматических параметров. Так, в тайском языке имеется по крайней мере 9 пар таких местоимений, ни одна из которых не является "нейтральной". И это не считая случаев нулевого местоимения или использования слов типа 'мышка' в качестве эквивалентов 1-го лица (согласно предлагаемому описанию, такие употребления характерны для речи девочек при их почтительном обращении к старшим). Что следует выбрать в качестве семантических примитивов I и YOU в тайском и японском языке? Авторы предлагают наиболее "грубые" местоимения, имея в виду, что они максимально свободны от осложняющих прагматических приращений; однако они признают, что толкования с их использованием будут звучать странно (если не вовсе неприемлемо) для тайца или японца. В связи с этим Вежбицкая замечает, что "японская версия естественного семантического метаязыка (ЕСМ) – это не японский язык, но такой язык, который может быть понят с помощью японского". Здесь – всего один шаг до введения искусственных метаязыковых элементов и признания принципиальной лексической невыразимости примитивов, и не вполне ясно, как сторонникам ЕСМ удается балансировать между соблюдением своих постулатов (см. выше) и языковой реальностью. С нашей точки зрения, представленный в книге языковой материал в очень сильной степени подрывает именно идею обязательного лексического воплощения примитивов. Казалось бы, в этом нет ничего страшного: не будучи лексикографическими универсалиями, примитивы могут оставаться семантическими универсалиями. Но именно для системы взглядов Вежбицкой этот вывод не слишком желателен: ведь ориентация на безусловную реальность и психологическую адекватность семантических примитивов плохо согласуется с их лексической невыраженностью (а может быть, и невыразимостью?) хотя бы в одном языке. Именно поэтому в своем послесловии Вежбицкая так настаивает, что невыраженность еще не означает невыразимость. Но кто же спорит – на любом языке можно выразить любую мысль, однако данная книга, быть может вопреки желанию ее авторов, все же показывает, что Lingua mentalis был в очень большой степени если не английским, то по крайней мере "европейским" языком, а вовсе не языком всего человечества.

Впрочем, и с европейскими языками не все обстоит так просто. Б. Пеетерс, автор очерка по французскому языку, разбирает толкования Вежбицкой, опубликованные ею несколько лет назад в статье на французском языке [Wierzbicka 1988]. Оказывается, к этим толкованиям можно предъявить очень много претензий именно с точки зрения французского языка, а адекватный перевод на французский глагола FEEL (sentir? ressentir? éprouver?) и вовсе предстает почти неразрешимой проблемой... Таким образом, общим (и, по-видимому, неожиданным) выводом будет все-таки гораздо более сильная, чем можно было думать, связь языка семантических примитивов с устройством английского языка. То, что по-английски звучит красиво и завораживающе-убедительно, даже по-французски оказывается неуклюжим набором слов. Это еще один аргумент в пользу того, что толкования Вежбицкой – в большой степени произведения искусства: будучи переведенными, толкования Вежбицкой проигрывают едва ли не в той же степени, что и стихи.

Заметим, кстати, что многие проблемы, встающие перед авторами описаний "экзотических" языков, могут быть обнаружены и при анализе русского материала. Так, в разговорном русском языке (в отличие, конечно, от его литературного варианта) с большим трудом выделяются эквиваленты для примитивов SOMEONE, SOMETHING, PEOPLE, FEEL, KIND OF, HAVE PARTS. Что касается английских слов SOMEONE и SOMETHING, то соответствующая семантическая зона в русском языке дифференцирована гораздо тоньше (это, в терминах Вежбицкой, случай "аллолексии", но очень специфический): достаточно назвать единицы *кто-то / что-то, кое-кто / кое-*

что, кто-нибудь / что-нибудь, один человек / одна вещь / один / одно (не говоря уже о литературных *некто / нечто*, которые, быть может, и являются самыми точными соответствиями данным английским единицам). В результате "элементарную" английскую фразу *I can see something over there* на русский язык оказывается почти невозможно перевести буквально: вариант ?*Я могу там что-то увидеть* звучит весьма странно; вариант с *кое-что* более приемлем, но может ли *кое-что* претендовать на роль семантического примитива? Слово FEEL, казалось бы, достаточно однозначно переводится как "чувствовать", но "ключевые" английские контексты требуют употребления *чувствовать себя: I feel good* переводится как "Я чувствую себя хорошо" или даже "Мне хорошо" (как Вежбицкая будет анализировать этот последний вариант?). Кстати, аналогичные трудности отмечаются в описании У. Мозель и для языка самоа, где базовый эквивалент английского FEEL не сочетается со словами *хорошо* и *плохо*. Наконец, (разговорный) русский язык относится к той обширной группе языков, которые, по-видимому, не имеют идиоматичных субстантивных эквивалентов для понятий 'часть' и 'разновидность'. Действительно, наивный, а не научный русский "таксономический дискурс" выглядит приблизительно так (используются диагностические контексты, предложенные Вежбицкой): *Дуб – это* ***такое*** *дерево* [а не: ?*вид дерева*]; *В зоопарке мы видели* ***разных*** *птиц и зверей* [а не: ??*разные виды птиц и зверей*]; *Это не* ***та же самая*** *птица, а просто* ***такая же*** [а не: ??*птица того же вида*], и т.п.

Вообще, примитив PART (HAVE PARTS) оказывается по признанию самой Вежбицкой, наиболее проблематичным из списка: слишком многие языки испытывают трудности с его прямым лексическим выражением. (Заметим, что даже в английском языке слово *part* принадлежит к группе заимствованной лексики, наряду, кстати, с "примитивами" *very* и *people*; тем самым оказывается, что "семантические примитивы" и "базовая", диахронически наиболее устойчивая лексика – это не вполне одно и то же). Тем не менее Вежбицкая настаивает на включении этого примитива в общий список: ведь не может же быть, рассуждает она, чтобы в каком-то языке не было принципиальной возможности выразить мысль типа "этот объект состоит из трех частей". Между тем, такая аргументация отнюдь не кажется бесспорной. В соответствии с логикой антропоцентрического подхода к языку, столь убедительно обоснованной самой Вежбицкой в других ее работах (ср. хотя бы [Wierzbicka 1985]), естественно заключить, что части "вообще" – это не есть сущность, которую человек склонен в первую очередь выделять у окружающих его объектов (в особенности, неартефактных). Гораздо более "антропоцентричной" является такая сущность, как результат деления объекта (так и в русском языке: достаточно сопоставить абстрактное и "книжное" *часть* с такими несравненно более "обиходными" и "бытовыми" лексемами, как *кусок* или *доля*; кстати, интенсивность этимологических связей у слова *доля* и в индоевропейском лексиконе гораздо выше). Сходные тенденции имеются и в языках других ареалов. Тем самым, человек концептуализует прежде всего понятие отделяемой (или отделенной) части; высказывания же вида *ветка есть часть дерева* предполагают уже гораздо больший уровень абстракции.

Приведенные примеры демонстрируют неисчерпаемость и неожиданность лексических различий между языками. Даже если бы интересная и глубокая книга Годдарда и Вежбицкой еще раз просто привлекла внимание к этому факту, она уже заслуживала бы сочувственного отношения. Но очевидно, что потенциал этой книги неизмеримо больше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1994 – О языке толкований и семантических примитивах // ИАН СЛЯ. 1994. № 4.

Mel'čuk I.A. 1989 – Semantic primitives from the viewpoint of the Meaning-Text linguistic theory // Quaderni di semantica. 1989. V. 10, 1.

Wierzbicka A. 1985 – Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.

Wierzbicka A. 1988 – L'amour, la colère, la joie, l'ennuie: La sémantique des émotions dans une perspective transculturelle // Langages. 1988. 89.

В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина

S. Lubensky. Random House Russian-English Dictionary of idioms. Random House. New York. 1995. XXVII + 1017 p.

Выход в свет в известном американском издательстве "Рэндом хаус" фундаментального труда Софьи Лубенски – нового русско-английского фразеологического словаря восполняет заметный и давно ощущавшийся пробел в двуязычной лексикографии. В самом деле, среди русско-английских фразеологических словарей до сих пор не было ни одного, сопоставимого по охвату языкового материала, глубине его анализа и опоре на иллюстративные примеры с неоднократно переиздававшимся известным англо-русским словарем А.В. Кунина [Кунин 1984].

С. Лубенски, выпускница Ленинградского Университета, эмигрировала в США в 1976 году, защитив перед этим кандидатскую диссертацию. В настоящее время она – доцент Кафедры славянских языков и литератур Университета штата Нью-Йорк в Олбени. Словарь является итогом ее двенадцатилетних трудов – скрупулезного отбора материала, поиска английских эквивалентов и иллюстративных цитат из художественной литературы, опроса информантов, работы над словарными статьями и вспомогательным аппаратом.

В работе над словарем в качестве редакторов и консультантов принимал участие ряд высококвалифицированных специалистов. Среди них следует, в первую очередь, упомянуть оказавших ценную помощь составителю в разработке научно-теоретических основ словаря лингвистических консультантов Ю.Д. Апресяна и И.А. Мельчука. Их труды [Апресян 1980; Мельчук, Жолковский 1984] в значительной мере определили лингвистическую ориентацию С. Лубенски. Кроме того, как пишет составитель, "щедрую помощь в поисках ответов на бесчисленные вопросы относительно употребления и стилистического регистра идиом оказали многочисленные коллеги и друзья по обе стороны океана – лингвисты, переводчики и литературоведы" (VII).

Внушителен объем словаря. Его корпус, расположенный на 1044 страницах, насчитывает 13000 русских фразеологических единиц, описываемых в 6900 словарных статьях. Как пишет С. Лубенски, в нем несколько нетрадиционным образом сочетаются признаки переводческого словаря (translational dictionary) с учебным (learner's dictionary) (XII). Это проявляется в том, что, с одной стороны, составитель ставит перед собой цель дать достаточное количество английских эквивалентов данной фразеологической единицы для того, чтобы переводчик мог передать ее в любом контексте, а, с другой, снабдить каждый фразеологизм достаточной грамматической и семантической информацией для того, чтобы читатель мог активно использовать его в речи.

Словарь ориентирован на американский узус. Вместе с тем он рассчитан не только на американского читателя, но и на любого носителя английского языка, поскольку большинство приводимых в нем эквивалентов является общим для всех вариантов английского языка. Можно привести лишь единичные примеры, когда в словаре в качестве эквивалента дается американский вариант той или иной фразеологической единицы без указания британского (например, в качестве одного из эквивалентов фразеологизма "после драки кулаками не машут" словарь предлагает амер. *there's no use locking the barn door* <брит. *the stable door*> *after the horse is gone* <*stolen*>).

Нельзя не согласиться с С. Лубенски в том, что словарь принесет несомненную пользу и носителям русского языка, для которых особенно ценным окажется широкий диапазон английских эквивалентов русских фразеологических единиц и иллюстрации их употребления в многочисленных примерах и цитатах.

Остановимся на некоторых теоретических предпосылках словаря. Прежде всего укажем на то, что составитель по вполне понятным причинам использует не термин "фразеологическая единица", распространенный в нашем языкознании, а термин "идиом", привычный и понятный для американского читателя. В предисловии поясняется, что под "идиомом" имеется в виду несвободное сочетание двух или более слов, выступающее как семантическое целое. В большинстве случаев он воспроизводится как готовая единица и функционирует как часть речи или как независимое предложение. Словарь включает как идиомы *per se*, так и другие фразы с различной степенью и типом идиоматичности (XIII).

Такое несколько расширительное понимание идиома представляется вполне оправданным. Оно позволяет практически решить ряд "вечных вопросов", мучащих составителей словарей такого типа. Так, например, в приведенном выше определении в категорию идиома попадает сочетание любых слов – при этом не обязательно двух пол-

нозначных лексем, как полагают многие фразеологи, опирающиеся на известное определение словосочетания. В словаре, например, фигурирует немало сочетаний служебного слова с полнозначным (*на полуслове, ни полушки, в драбадан*). Вопреки мнению ряда авторов, считавших недопустимым включение в разряд фразеологизмов предикативных единиц, С. Лубенски, подобно А.В. Кунину, находит место в своем словаре не только для словосочетаний, но и для предложений.

В том же определении автор пишет, что "в большинстве случаев значение идиома не выводится из значений его компонентов" (XIII). Так ли это? Ведь связанность и идиоматичность, как известно, далеко не всегда сопутствуют друг другу. В самом словаре немало несвободных словосочетаний, смысл которых явно опирается на значения их компонентов (ср., например, *целый и невредимый, все больше и больше, в заключение, другой раз*). Думается, что в целом в языке неидеоматичных устойчивых словосочетаний отнюдь не меньше, а, по-видимому, больше, чем идиоматичных, в особенности если принимать в расчет несвободные терминологические словосочетания типа *блок питания, валовой национальный продукт, выходить на орбиту, выходная мощность* и др. Однако как бы мы не ответили на поставленный выше вопрос, важно то, что составитель включает в словарь оба типа несвободных словосочетаний (за исключением тех, которые обычно фигурируют в словарях другого типа – например, общих и терминологических), и с таким подходом нельзя не согласиться. Кроме того, давая приведенное выше определение идиома, С. Лубенски предупреждает, что речь идет лишь о рабочем определении, отвечающем целям данного словаря.

Составитель вполне уместно указывает в предисловии к словарю и на некоторые характерные признаки идиом (например, нередко встречающуюся неполноту их парадигмы – ограниченность некоторых из них лишь одной грамматической формой, отсутствие у них порой некоторых синтаксических функций, свойственных данному типу фраз, наличие у них уникальных лексических компонентов, таких, как, например, "всеоружие" во фразе "во всеоружии" и др).

Нельзя не отметить оригинальную структуру словаря. Так, его вводная часть начинается с образцов словарных статей. Здесь на полях наглядно раскрывается построение словарной статьи, разъясняются используемые в ней знаки (например, в круглые скобки заключается факультативный компонент фразеологической единицы, точкой с запятой разделяются описываемый фразеологизм и его синоним, за знаком "<" следуют этимологические справки и т.п.).

Достаточно четко решена сложная проблема расположения словарных статей во фразеологическом словаре. Статьи располагаются в алфавитном порядке по ключевому слову, в качестве которого, как правило, выступает полнозначное слово (content word). Идиоматические фразы, не содержащие полнозначных слов, помещены под первым словом (например, *ай да* под *ай*), именная фраза под именем, адъективная – под прилагательным, глагольно-именные – под именем и т.д. Каждое ключевое слово снабжается индексом, состоящим из его первой буквы и порядкового номера. К словарю приложен алфавитный указатель идиоматических фраз, расположенных по входящим в их состав полнозначным словам. Например, *сыграть в ящик* дается в указателе дважды – под глаголом *сыграть* и под существительным *ящик* (оба раза с указанием индекса словарной статьи – Я–71), что значительно облегчает пользование словарем.

Среди характерных черт рецензируемого словаря, отсутствующих у других двуязычных и одноязычных словарей фразеологических единиц, следует отметить, прежде всего, грамматические описания, содержащие информацию, необходимую читателю для репродуктивного овладения описываемыми единицами. Так, например, глагольные единицы представлены в словаре широко используемыми в лингвистической литературе (см., например [Мельчук, Жолковский 1984]) моделями, описываемыми символами X (субъект), Y (объект) и Z (локус). Эти модели весьма удобны, в частности, для описания часто употребляемых при переводе с русского языка на английский конверсных трансформаций, при которых субъект X и объект Y меняются местами (ср., например, описываемую в этих терминах глагольную фразеологическую единицу *попадаться на глаза (кому)*: X попался на глаза Y–у = *X caught Y's eye; Y caught sight of Y; Y's eyes lighted on X*).

Используемая в грамматических описаниях система записи может включать дополнительную информацию, указывающую на те или иные ограничения, налагаемые на данную модель. Ср., например, следующие примеры использования помет "Neg", "Imper", "NegImper", означающих грамматиче-

скую форму, в которой используется субъект, объект или предикат: Neg Imper *не падай духом = keep your spiritis <chin> up; don't let it get you down;* Imper *забудь дорогу в наш дом = don't bother coming back here (ever) again;* Neg *X не сойдет Y–у с рук = Y will pay dearly for X.*

Грамматические описания даются в квадратных скобках и характеризуют фразеологическую единицу и ее варианты согласно используемому в них типу фразы (phrase type) – именному (noun phrases) – *выжатый лимон, сапожник без сапог, мартышкин труд,* адъективному (adjective phrases) – *ни жарко ни холодно, выше головы, гол как сокол,* глагольному (verb phrases) – *огород городить, предать огню и мечу, сходить с рук,* адвербиальному (adverbials) – *точно из-под земли, вкривь и вкось, вверх тормашками,* квантификаторному (guantifiers) – *с гулькин нос, чертова дюжина* и др., междометному (interjections) – *мать честная! что за черт! вот так!,* формульному (formula phrases) – формулы речевого этикета, например: *имею честь быть <пребывать, оставаться>, приятного аппетита! с легким паром!* или предложенческому (sentential idioms) – *не все коту масленица, дело пахнет керосином, темна вода во облацех.*

Как правило, каждой русской фразеологической единице соответствуют несколько английских эквивалентов. Это дает возможность использующему словарь переводчику выбрать вариант, в наибольшей степени отвечающий данному контексту. Так, для выражения *встать на дыбы* в значении *резко протестовать* в словаре даются следующие эквиваленты: *to put up a fight, to bristle, to kick up a fight, to rear up.* Разница между ними определяется, в первую очередь тем, что субъектом первых трех является лицо, а субъектом последнего – чувство (гордость). Ср. иллюстративные примеры: "*Нина, конечно, на дыбы: не может быть*" (Рыбаков) *Nina, of course, bristled, it couldn't be true.* "*Вся его гордость так и поднялась на дыбы*" (Тургенев). *All his pride reared up within him.*

С. Лубенски права, различая подлинные эквиваленты фразеологических единиц от тех, которые нарушают правило грамматического соответствия перевода подлиннику, привнося чуждый оригиналу культурно-национальный колорит. Так, например, англ. *every Tom, Dick and Harry* можно считать семантическим, но не прагматическим эквивалентом русск. *каждый встречный.* Такого рода эквиваленты вводятся не знаком равенства, а "cf." Разумеется, их использование в переводе привело бы к англизации русского оригинала. Вместе с тем их включение в словарь вполне оправдано, поскольку они помогают раскрыть смысл данной фразеологической единицы.

Особого внимания заслуживает собранный составителем обширный и разнообразный иллюстративный материал. Большинство словарных статей содержит цитаты из классической и современной художественной литературы, сопровождаемые опубликованными переводами. В списке литературных источников значится 104 автора – от Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Чехова до Паустовского, Катаева, Каверина, Солженицына, Аксенова, Войновича, Шукшина и др. В словаре используются примеры из 257 художественных произведений (число переводов еще больше, поскольку в ряде случаев составитель привлекал иллюстративный материал из различных переводов одного и того же произведения) и 24 антологий русской литературы. В отдельных случаях, когда отсутствовал надежный иллюстративный материал из литературного источника, С. Лубенски включала в словарную статью придуманные примеры.

В некоторых случаях оригинальные и творческие решения переводчиков позволяли составителю расширить круг предлагаемых эквивалентов. Так, например, для поговорки *паны дерутся, а у холопов чубы трещат* в словаре даются два эквивалента, заимствованные из опубликованных переводов: *the poor man always gets the blame* (из набоковского "Дара" в переводе Майкла Скэммела) и *when the masters fall out their men get the clout* (из шолоховского "Тихого Дона" в переводе Роберта Дэглиша).

Составитель использует тщательно разработанную и широко разветвленную систему помет, сообщающих разносторонние сведения об употреблении фразеологических единиц. Эти пометы разделяются на три категории: темпоральные, стилистические и эмотивно-экспрессивные. К первым относятся такие пометы, как obs (obsolete) "устарелый", obsoles (obsolescent) "устаревающий", old-fash (old-fashioned) "старомодный", rare "редкий", recent "недавно возникший"; ко вторым – такие, как coll (colloquial) "разговорный", highly coll (highly colloquial) "в высшей степени разговорный", substand (substandard) "субстандартный", slang "сленг", euph (euphemism) "эвфемизм", iron (ironic) "иронический", rhet (rhetorical) "риториче-

ский", lit (literary) "книжный", elev (elevated) "приподнятый", offic (official) "официальный", special "специализированный", folk poetic (folkloric poetic) "фольклорно-поэтический", vulg (vulgar) "вульгарный", taboo "табу"; к третьим – такие, как humor (humorous) "шутливый", iron or humor/humor or iron (ironic or humorous/humorous or ironic) "иронический или шутливый"/"шутливый или иронический", disapprov (disapproving) "неодобрительный", derog (derogatory) "уничижительный", condes (condescending) "снисходительный", impol (impolite) "невежливый", rude "грубый".

Обращает на себя внимание стремление составителя отразить в пометах тончайшие оттенки коннотативных значений фразеологических единиц. Так, например, различаются такие эмотивно-экспрессивные оттенки, как "невежливый" и "грубый", две разновидности сочетания юмористической и иронической коннотации (в одном случае шутливый оттенок превалирует над ироническим, а в другом – иронический над шутливым).

Ни одна работа, в особенности столь объемная и фундаментальная, не может избежать некоторых – пусть незначительных – изъянов. Особенностью рецензируемого словаря является, на наш взгляд, то, что его недостатки часто являются продолжением его достоинств. Так, рассмотренная выше детальная классификация помет, с одной стороны, позволяет учитывать тонкие различия в коннотации фразеологизмов, а, с другой, оперирует категориями, порой трудно поддающимися дифференциации. Так, едва уловимой является грань между такими понятиями, как "устарелый", "устаревающий", "старомодный" и "редкий". Составитель определяет первую помету как относящуюся к идиомам, не употребляющимся в современном литературном или разговорном русском языке, вторую как характеризующую редко употребляемые идиомы, воспринимаемые как становящиеся устарелыми, третью как используемую по отношению к идиомам, встречающимся только или главным образом в речи пожилых людей и четвертую как означающую, что данный идиом встречается относительно редко и воспринимается как необычный (XVII–XVIII).

По-видимому, эта классификация строится на пересекающихся признаках. Думается, что один и тот же идиом может порой быть охарактеризован и как устаревающий (т.е. выходящий из широкого употребления), и как старомодный (т.е. встречающийся, главным образом, у пожилых), и как редкий (т.е. воспринимаемый как необычный). Точно так же едва ли можно провести четкую грань между идиомами, у которых ироничная коннотация преобладает над шутливой и теми, у которых, наоборот, ведущим признаком является ироничность. Трудно различимы и такие признаки, как "в высшей степени разговорный" (highly colloquial) и "слэнг". Первый относится к непринужденной разговорной речи (casual speech), часто эмоционально окрашенной и неприемлемой в официальных и полуофициальных ситуациях, а во второй – к идиомам, проникшим в разговорную речь из речи социальных, профессиональных и возрастных групп или же преимущественно используемым этими группами (XVIII). Думается, что едва ли имеет смысл объединять такие признаки, как социальный источник идиома и его нынешняя социальная среда. Ведь и в группе, отвечающей всем признакам "в высшей степени разговорных" единиц, вполне могут быть идиомы, впервые возникшие в социальных или профессиональных диалектах. Более четким представляется традиционное противопоставление общего и специального сленга (general and special slang), согласно которому к первому относится просторечная лексика с ярко выраженной эмоционально-оценочной коннотацией, не ограниченная в своем использовании рамками каких-либо социальных или профессиональных диалектов, а ко второму – не принятые в литературном языке слова и выражения, специфичные для социальных, профессиональных и возрастных жаргонов (см., например [Швейцер 1963 : 153]).

В целом, как отмечалось выше, предлагаемые в словаре переводы фразеологических единиц вполне адекватны и – там, где это возможно – достаточно идиоматичны. Отметим лишь отдельные, весьма немногочисленные исключения. Например, выражение *каши просят* (о сапогах, ботинках) переводится как *Xs need mending <to be repaired>; Xs need to be taken to the shoemaker(s); Xs have holes in them; Xs are worn out*. Думается, что наряду с этими описательными вариантами здесь был бы уместен и более идиоматичный: *Xs are agape <gaping>*.

Сходным образом переводится в словаре идиом *стоять у колыбели: X стоял у колыбели Y = X helped conceive <create, give birth to> Y*. Здесь возможен, на наш взгляд, и более выразительный перевод: *X pioneered Y*.

Выражение *с жиру беситься* означает, как известно, "привередничать от слишком сытой жизни". Наиболее точно (хотя и опи-

сательно) значение этого идиома передается в приводимом в словаре первом варианте: *It's X's plushy <cushy> life that makes him so fussy <behave capriciously, act like this, etc.>* Именно этот вариант используется в переводе приводимого примера из Толстого: *"Вишь черти проклятые! С жиру-то! Черти!" = See what the damned devils have done! It's their plushy life that makes them do this. The devils!* В то же время другой вариант, предлагаемый в словаре (*X doesn't knowpymhe's well off*) представляется несколько спорным и менее адекватно передающим смысл исходного фразеологизма.

К вполне адекватным вариантам перевода русского фразеологизма *вашими устами да мед пить* (*may your words come true; from your mouth <lips> to God's ear(s)*) можно добавить еще один, передающий скепсис, имплицитно присутствующий в этом выражении: *It's too good to be true.*

Помимо указанных в словаре эквивалентов русской поговорки *будет и на нашей улице праздник* (*our <my, your, etc.> day will come; we'll <I'll, etc.> have our <my, etc.> day; every dog has his day*) в словарную статью можно было бы включить еще один, частично передающий образ, лежащий в основе русского выражения: *the sun will shine on our street.*

Русский идиом *свадебный генерал* первоначально означал генерала, обычно отставного, приглашавшегося в старину на купеческие свадьбы для парадности. Впоследствии он стал означать любого высокопоставленного гостя, приглашаемого на любое торжество для придания ему большей важности. Это значение передается (правда лишь частично) в приводимых в словаре эквивалентах *a very important personage <a VIP>; high muck-a-muck.* Вместе с тем в современном языке этот идиом употребляется и в более широком значении. Ср. следующий встретившийся нам пример: *"Залогом успеха была активная деятельность Марианны и Александра Александровича, которые совсем не походили на "свадебных генералов". Они принимали самое непосредственное участие во всех делах советско-французской комиссии.* Ср. перевод: *The active work of Marianne and Alexander who did not look like figureheads at all was a warrant of success. They were directly involved in all the projects of the Soviet-French Commission.* Здесь *свадебный генерал* означает *номинальный руководитель, назначаемый благодаря его титулам, прошлым заслугам и т.п.*, что близко к англ. *figurehead.*

Выше отмечался широкий охват в словаре русской фразеологии. Есть, однако, и отдельные, сравнительно немногочисленные упущения. Так, например, в словаре отсутствуют поговорки *седина в бороду, а бес в ребро* (ср. англ. эквиваленты – *no fool like an old fool; a sugar-daddy*), *уничижение <смирение> паче гордости* (*pride that apes humility*), пословица *бодливой корове бог рог не дает* (*a cursed cow has short horns*), библеизм *устами младенцев...* (*out of the mouths of babes and sucklings...*), фразеологизм *бабье царство* (*pettycoat government*), латинизм *в здоровом теле здоровый дух* (*a sound mind in a sound body*) и др.

Достоинством словаря является то, что автору удалось включить в него немало единиц разговорной речи и сленга, обычно отсутствующих в словарях подобного типа – например, *вешать лапшу на уши* (*to dupe; to string along; не вешай мне лапшу на уши = don't give me that baloney*), *положить глаз на Y* (*to have one's eye on Y; to take a fancy to Y*), *качать права* (*to stick up for one's rights; o push for one's rights*), *пудрить мозги* (*X пудрит Y-у мозги = X is bullshitting <fast-talking> Y*).

Вместе с тем здесь есть и некоторые пробелы. Так нам не удалось обнаружить в словаре такие популярные сленговые неологизмы, как *ловить <хватать> кайф* "получать удовольствие, наслаждаться" (*to get a kick*), *у X-а крыша поехала* "X свихнулся <чокнулся> (*X went nuts*), *для галочки* "для проформы" (*for form's sake*).

И, в заключение, еще одно небольшое замечание. Для российского читателя, не всегда настолько глубоко владеющего английским языком, чтобы отличить варианты перевода, построенные на подлинных английских фразеологизмах, от придуманных (порой очень талантливо) переводчиком. Было бы желательно показать это различие графически (например, особым шрифтом).

Сделанные выше частные замечания не носят принципиального характера и ни в коей мере не противоречат той общей высокой оценке, которой, несомненно заслуживает словарь С. Лубенски. Выход его в свет – значительное событие как в русской, так и в английской лексикографии. Российские читатели будут с нетерпением ждать его появления на прилавках наших книжных магазинов и на полках наших библиотек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1980 – Типы информации для поверхностного компонента модели Смысл → Текст // Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband). Wien, 1980.

Кунин А.В. 1984 – Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4. М., 1984.

Мельчук И.А., Жолковский А.Л. 1984 – Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыт семантико-синтаксического описания русской лексики // Wiener Slawistischer Almanach (Sonderband). Wien, 1984.

Швейцер А.Д. 1963 – Очерк современного английского языка в США. М., 1963.

А.Д. Швейцер

М.М. Маковский **У истоков человеческого языка.** М.: Высшая школа, 1995. 159 с.

Выяснение "истоков человеческого языка" как научная задача у одних исследователей вызывает энтузиазм, а у других скепсис. Скептики видят здесь всего лишь псевдопроблему, полагая, что разыскания эти ничего не добавляют к нашему знанию человеческого языка или человеческой природы (см., например [Sarles 1985 : 23]). Энтузиасты же, рассматривают этот вопрос в этимологическом ключе, принимая во внимание не только историю развития отдельно взятых слов, но и эволюцию человеческой духовности, морали и шире, культуры в целом (см., в частности [Иванов 1990 : 191]).

В рецензируемой работе, написанной известным специалистом в данной области, результаты этимологического исследования индоевропейских языков оригинально организованы на основе тематического принципа, что позволяет реконструировать "мифологемные" соответствия между лексемами праязыка. В отличие от предшественников, автор попытался выйти за рамки традиционного набора семантических отношений – типа синонимии, антонимии, паронимии, энантиосемии – с целью выяснить исторические истоки и взаимодействие этих феноменов на различных этапах существования языка. Ключевыми являются подход к языку как к феномену культуры и выявление определенного "видения мира" носителями языка в конкретную эпоху. В этой связи автор внимательно анализирует мифологическое мышление, стараясь выделить определенный круг мифологических с и м в о л о в , совокупность которых ("миры образов") образует "образ мира" язычника. Как отмечает М.М. Маковский, мифологический образ – это не просто "фантастическое", "извращенное" отображение или "превратное" моделирование (идеализирование) какого-либо явления природы или исторического события: он представляет собой творение в воображении или с помощью воображения иной действительности – субъективной и иллюзорной, служившей не столько для объяснения чего-то, сколько для оправдания определенных ("священных") установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения (с. 6). Диалектика мифа состоит именно в том, что человек как бы "растворяет" себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы лишь в воображении; вместе с тем такое овладение силами природы (пусть в фантазии) означало начало истории "духа" и конец чисто животного бытия. Чувство единства с силами природы и овладения ими в воображении вселяет уверенность в осуществимость всего желаемого, укрепляет волю и сплачивает первобытный коллектив.

Первобытный человек находился в постоянном страхе перед лицом. того или иного действия, исходящего от него самого или влияющего на него извне. Именно поэтому он стремился выразить о п и с а т е л ь н о те предметы, действия или качества, которые по тем или иным причинам были табуированы, а также персонифицировал те предметы и явления, которые были недоступны его сознанию. Человеческое мышление на наиболее ранних этапах его существования отождествляло все живое и неживое (анимизм), придавало огромное значение аналогии, оперировало разного рода магическими образами и символами. Полет птиц, шелест листьев, плеск воды, встреча с тем или иным человеком или животным, находка той или иной вещи – все это интерпретировалось как хорошие или дурные символы, жизнь или смерть. Особой магической силой обладало с л о в о , которое могло как принести спасение, так и навлечь несчастье, болезнь, испортить охоту, помешать пахоте или получению хорошего урожая. Интеллект первобытного человека оперирует сознательно создаваемыми иллюзиями, риторическими фигурами, метафорами. Пред-

ставление мира – это его осмысление, интерпретация. Мир (или различные "миры") представлены человеку через призму его культуры, в частности через призму языка, являющегося наиболее концентрированным выражением человеческой культуры. Именно метафора является своеобразной "картиной мира", неодинаковой у носителей различных культур или одной и той же культуры в отдельные исторические периоды. По своему происхождению каждая метафора является в сущности маленьким мифом.

Рецензируемая работа изобилует новыми и оригинальными этимологическими решениями, предложенными автором, причем М.М. Маковский убедительно показывает, что в ряде случаев в соответствие могут быть поставлены слова, ранее не сопоставлявшиеся, и значения, обычно не считающиеся соотносимыми. В своих других работах М.М. Маковский указывает, что в ряде случаев индоевропейские слова, начинающиеся на *n-, s-, v-*, представляют собой корни с начальным отрицанием (*ne-, se-, ve-*), используемым из соображений табу. Таким образом, начало слова в этих корнях оказывается неэтимологическим элементом, а соответствующий корень не имеет ничего общего с первоначальным и требует иного этимологического истолкования. Ср. русск. *недра*, но др.-фриз. *eddre* "внутренности", греч. ἦτορ "сердце"; и.-е. **nek* "мертвый", но хет. *ak* "умирать": и.-е. *nar-* "вода" соотносится с отрицанием *ne-* + корень, представленный тох. А *war* "вода"; и.-е. **neig-, *neik-* "сила, усилие", но и.-е. **eigh-* "сила, усилие"; латыш. *vakars* "вечер", но и.-е. **agher-* "свет, день" (мифопоэтический бином света и тьмы). Лингвокультурологический подход к этимологическому анализу, предложенный М.М. Маковским, позволяет понять, что многие корни, считаемые омонимами (в частности корни, рассматриваемые как омонимы в словаре Ю. Покорного), не являются таковыми и представляют единый семасиологический континуум. Исключительную важность имеет устанавливаемый автором блок лексикосемасиологических универсалий, при исследовании которых он опирался как на языческую символику, отражающую магическое мышление, так и на всесторонний этимологический анализ индоевропейской лексики. Анализ этот проводится не только "вширь", но и "вглубь".

Известно, что А. Марти [Marty 1918] выделял три главных направления в рассмотрении вопроса о происхождении языка (см. также [Funke 1924 : 4]):

1. Как первые люди пришли к передаче сообщений и к осознанию своей внутренней жизни?

2. Как они сформировали – в качестве средства для достижения этого – звуковой язык?

3. Почему именно передача звуком была призвана сыграть такую важную роль?

Первый и третий вопросы выводят за пределы компетенции филолога. Рецензируемую работу можно отнести ко второму из названных направлений, которое связано с анализом не чисто умозрительным – как разработка гипотез о том, как могли бы в принципе развиваться идеи – и не только с внешним сопоставлением разнородного лексического материала, а с опорой на единство "телесной оболочки" слова и его содержания, "души" (в этом мы видим продолжение филологической традиции [Trier 1981: 11]). Поскольку слово "с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперципировать свои восприятия" [Потебня 1976 : 47], а внутренняя форма "кроме фактического единства образа дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление" [Потебня 1976 : 147], этимон является промежуточным звеном между звуком и значением: имя обозначает некоторое представление так же, как высказывание выражает суждение [Marty 1918 : 68–69]. На эту-то особенность, видимо, и опирается автор, выдвигая свои гипотезы[1].

Одна из рабочих гипотез в этой области состояла в том, что становление грамматики и лексики языка связано с появлением более абстрактных структур, исходя из более конкретных стурктур [Lyons 1977 : 500]. Так, по Г. Шухардту, "возникновение языка могло иметь место, конечно, не в застывшем и безмолвном мире, но лишь в мире звучащем и движущемся; язык начался с обозначения процессов, происходивших с вещами, а не вещей, бывших объектами этих процессов" [Шухардт 1950 : 100]. Иногда дополнительно предполагают, что понятия, соответствующие классам чувственно воспринимаемых сущностей и их

[1] С другой стороны, автор указывает, что, принимая во внимание сакральную значимость букв у язычников (этому вопросу посвящена глава V рецензируемой книги), сакральный смысл качества, количества и взаимного расположения букв в слове, можно полагать, что характер индоевропейского корня во многом определялся именно соображениями сакральности: речь идет о божественном создании Логоса, который мыслился в качестве посредника в общении с Божеством (с. 7).

атрибутов (таких, как цвет и размер), противопоставлены остальным (таким абстракциям, как мужество и справедливость) [Bickerton 1981 : 242]. Как мне представляется, в данной работе демонстрируется двунаправленное движение, двусторонняя динамика в развитии понятий человека: как от конкретного к абстрактному, так и от абстрактного к более конкретному.

Основной текст данной книги состоит из семи глав. В первой главе "Семиотика мифа" автор иллюстрирует то положение, что "для наиболее ранних этапов развития человеческого общества характерно так называемое магическое (мифопоэтическое, мифотворческое) сознание" (с. 5), а мифы не знают своих творцов. Слово же – "семиотический знак, символ, семиотическая формула того или иного мифопоэтического образа" (с. 9). Люди имеют дело не непосредственно с миром, а с когнитивными картинами и моделями. С этим связано другое положение: человеческое мышление на наиболее ранних этапах его существования оперировало разного рода магическими образами и символами, причем огромное значение придавалось бинарности противопоставлений (жизнь – смерть, свой – чужой, верх – низ, добрый – злой, сухой – влажный и т.д., ср. явление энантиосемии в языке) и аналогии (метафоре) (с. 9).

Во второй главе "Мифологема Вселенной"[2] речь идет о группах этимологий, соотносящих стихии с первоэлементами бытия: "земля" > "время", "вода" > "пространство", "огонь" > "душа", "воздух" > "разум, мудрость", "небо" > "безбрежное море". Говорение представлялось язычникам "творческим" началом (с. 37) – поэтому-то столь часты переходы "издавать звуки" в следующие значения: 1) "творить, создавать", 2) "вещь", 3) "рожать, производить на свет", 4) "являться, появляться", 5) "бог", 6) "плохой, больной", 7) "остановиться, прекратить" (как отражение табу на слова), 8) "жить, оживать", 9) "Вселенная", 10) "смерть" и т.п. (автор такие переходы характеризует как семасиологические универсалии). Автор указывает на несколько мифопоэтических моделей Вселенной: кроме модели, связанной с первоэлементами, указывается на то, что Вселенная могла отождествляться с горой, деревом ("мировое древо"), с земноводными (особенно со змеей) и, наконец, с человеком-великаном (человек как микрокосм в отличие от божественного макрокосма). В этой связи интересна история именования частей тела человека в связи с мифопоэтическим осмыслением понятия Вселенной. Различные части тела человека в точности повторяют макрокосм: так, ногам человека соответствуют корни «мирового древа», туловищу и внутренним органам – ствол «мирового древа», а голове – его крона. Это дает возможность понять и особенности ориентации в пространстве в древнем мире (в этом смысле важны такие понятия, как «правый – левый», «верх – низ»). В священной книге Древней Индии – Ведах – говорится о том, как боги принесли в жертву гигантского космического человека по имени Пуруша, рассекли тело и из его частей создали видимый мир. Из разума Пуруши появился месяц, из глаза – солнце, изо рта – огонь, из дыхания – ветер, из пупа – воздух, голова образовала небо, уши превратились в стороны света, а ноги стали землей. В других древнеиндийских трактатах говорится, что человек состоит из четырех частей: его кровь, слизь и семя – вода, тело – земля, дыхание – воздух, отверстия на теле – пространство.

Третья глава "Мифологема времени и пространства" содержит материал, соотносящий время с обозначениями таких понятий, как: "Вселенная", "земля", "высокий, высоко", "нахождение сзади", "пустота, нагота", "середина", "делать, созидать, совершать", "всеуничтожающее, всепожирающее начало", "высший, божественный разум", "судьба". Время связывается с пространством, поскольку оно «мыслилось как связующее звено между потусторонним и реальным мирами (верхним, средним и нижним), при этом потусторонний мир понимался как "изнанка" божественного времени» (с. 88–89). В частности, этим объясняются следы временнóй семантики именованиями "сторона, направление", "правый-левый" и т.п. Интересно, что, согласно языческим представлениям, время делилось на абсолютное, божественное время и время "профанное": первое отличается тем, что оно вечно, а второе, характерное для земного существования людей, имеет свойство "проходить", причем время "уходит" не назад, а в в е р х или в н и з, в Преисподнюю (автор при-

[2] Под мифологемой автор понимает совокупность семантических связей одного и того же понятия, обусловленных различной мифопоэтической символикой этого понятия; говоря лингвистическим языком, мифологема – это совокупность лексико-семасиологических универсалий, связанных общностью понятия, к которому они относятся.

водит интересные примеры из кельтских и германских языков)[3].

В четвертой главе "Мифологема числа" делается вывод, что числа являлись для древних элементами "особого числового кода, с помощью которого описывается Вселенная, человек и сама система метаописания. В древних мифопоэтических традициях число было не только образом мира, но и средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития, для преодоления деструктивных хаотических тенденций" (с. 109). В этом ключе упорядочены этимологии именования чисел натурального ряда до десяти.

В пятой главе аналогичный анализ проводится для именования букв ("Мифологема букв"), связываемых со сверхъестественной творческой силой: буквы "могут создавать микромиры, возрождать мертвых, творить чудеса" (с. 116), они соответствуют числам, имеющим символическое значение. Таким образом, трактуются именования со значением "буква".

Шестая глава "Мифологема жизни и судьбы" посвящена демонстрации следующего положения: "Согласно мифопоэтической традиции, жизнь считалась порождением Логоса, Божественной мысли, претворяющейся в Слове (звуке) и свете" (с. 122).

Наконец, в седьмой главе разбирается мифологема узла как магического символа древности: «посредством узла можно было "связать" как добро, здоровье и счастье (т.е. нанести им вред), так и зло (избавление от болезней, страданий)» (с. 128). Отсюда даже именования свободы. Очень интересен включенный сюда материал этнографического характера о типах узлов и о запретах на узлы.

Оценивая проведенное автором исследование, следует прежде всего отметить огромный материал, освоенный и упорядоченный им. В результате перед нами действительно интересная система, дающая представление о семантических соотношениях древних индоевропейских языков.

В то же время, можно пожалеть, что в книге отсутствует указатель лексем и семантических единиц. Такой указатель совершенно необходим читателю, чтобы быстро сориентироваться в безбрежном море сообщаемых сведений.

Я считаю, что перед нами прекрасно выполненная работа. М.М. Маковский здесь, как и всегда, сочетает обширность материала со скрупулезным анализом, устанавливая причинные связи даже там, где обычно видят только отдаленное сходство. Рецензируемая книга, несомненно, представляет огромный успех нашей науки и станет настольной книгой для специалистов самого широкого профиля[4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов Вяч.Вс. 1990 – П. Флоренский и проблема языка // Механизмы культуры. М., 1990.

Потебня А.А. 1976 – Эстетика и поэтика. М., 1976.

Фрезер Дж. 1983 – Золотая ветвь. М., 1983.

Шухардт Г. 1950 – Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.

Bickerton D. 1981 – Roots of language. Ann Arbor. 1981.

Funke O. 1924 – Innere Sprachform: Eine Einführung // A. Marty. Sprachphilosophie. Reichenberg i. B., 1924.

Lyons J. 1977 – Semantics. Cambridge, 1977.

Marty A. 1918 – Gesammelte Schriften. Bd. 2.1. Abteilung: Schriften zur deskriptiven Psychologie und Sprachphilosophie / Hrsg. von J. Eisenmeier, A. Kastil, O. Kraus. Halle a. S. 1918.

Sarles H.B. 1985 – Language and human nature: Toward a grammar of interaction and discourse. Minneapolis, 1985.

Trier J. 1981 – Wege der Etymologie / Nach der hinterlassenen Druckvorlage / Mit einem Nachwort hrsg. von H. Schwarz. B., 1981.

В.З. Демьянков

[3] Согласно мифопоэтической традиции, отверстие (бездна, дверь, окно, сосуд, череп) имеет двойственную (бинарную) символику: с одной стороны, это точка, откуда все исходит, а с другой стороны, место куда все возвращается. Это и творящее, деятельное начало, вечность и бесконечность, Мировой Разум, но также и путь в потусторонний мир, дверь между различными мирами, дверь между неизвестным и известным, между видимым и невидимым, между светом и тьмой, между жизнью и смертью (с. 55–56).

[4] Следует приветствовать выход в свет "Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов" того же автора, который был им анонсирован в одном из примечаний в данной книге (с. 147).

№ 3 1996

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

6–8 июня 1995 г. в Москве при поддержке Российского гуманитарного научного фонда состоялась научно-общественная конференция с участием зарубежных ученых, посвященная 20-летию издания Словаря русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.), изд. "Наука", 1975–1995 гг. и 70-летию Картотеки Древнерусского словаря (КДРС).

Отдел исторической лексикологии и лексикографии, проводивший конференцию, приурочил к этой дате выход сборника "Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка" (отв. ред. Г.А. Богатова. М., 1995), основная тема которого – словари как явление культуры, как хранители исторической памяти народа, способствующие процессу возрождения культуры, процессу выявления менталитета, национально-культурной специфики языка.

Конференция была рассчитана на встречу лексикографов с различными профессиональными слоями культурной и научной общественности, поэтому программой был предусмотрен не секционный, а тематический порядок работы, определивший построение конференции.

В первый день, 6 июня, состоялось расширенное заседание Редколлегии и коллектива СлРЯ XI–XVII вв. с научной общественностью – представителями Союза писателей, Международного фонда славянской письменности и культуры, ЮНЕСКО, Московского отделения Имп. Палестинского общества Министерства культуры, Государственного комитета по высшему образованию, ведущими лингвистическими журналами и телепрограммами ("Вопросы языкознания", "Русская речь" и ТВ-программа "Русистика сегодня" и др.). Словари исторического цикла, опиравшиеся в разное время и на материалы Картотеки ДРС XI–XVII вв., были представлены О.Н. Трубачевым (Москва), гл. ред. "Этимологического словаря славянских языков", Ф.П. Сорокалетовым (Санкт-Петербург), гл. ред. "Словаря русских народных говоров", Р.М. Цейтлин (Москва), одним из авторов и редакторов "Старославянского словаря", старейшими членами редколлегии СлРЯ XI–XVII вв. Из последнего обновленного состава редколлегии и корпуса рецензентов и консультантов томов в работе конференции участвовали грамматисты (В.Б. Крысько, Р. Мароевич), лексикологи (К.П. Смолина, В.Н. Прохорова), историки (Я.Н. Щапов, А.Л. Хорошкевич, Н.Н. Лисовой), археологи (В.В. Седов), слависты и византологи (Е.М. Верещагин).

Открывшая встречу заведующая отделом исторической лексикологии и лексикографии Г.А. Богатова (Москва) отметила, что в наше время речь должна идти не только о вкладе словарей исторического жанра в историю и культуру народа. При реконструкции культуры, как писал И.А. Бунин, решающая роль принадлежит языку: "Из тьмы веков на мировом погосте звучат лишь письмена". Речь должна идти о лексикографии как ведущем направлении отечественной русистики – приоритетном направлении, цементирующем языковое информационное пространство, определяющем во многом государственную политику в области образования, библиотечного дела, радио и телевидения. Сегодня русистика, статус русского языка становятся предметом общественного внимания и законотворчества парламентских комиссий по науке и культуре, а архивные, картотечные сокровищницы – предметом внимания национального комитета ЮНЕСКО. Попрежнему актуален призыв И.А. Бунина "в дни горя и страданья" ... беречь "наш дар бесценный – речь", беречь накопленные сокровищницы слов. По программе "Память мира" Картотека, опекаемая ЮНЕСКО, получила вычислительную технику. Участники конференции ознакомились с работой

оборудования по сканированию КДРС и с программой "Новые информационные технологии для сохранения и эффективного использования КДРС" (консультант Ю.Н. Филиппович). В перспективе – создание лаборатории по сохранению и эффективному использованию исторических памятников русского языка.

О создателях Картотеки ДРС, о научно-культурном потенциале картотеки, питающей информацией до 400 тем разных центров России и зарубежных стран, рассказала собравшимся Л.Ю. Астахина (Москва), заведующая КДРС. Основанная в 1935 г. акад. А.И. Соболевским Картотека ДРС насчитывает ныне около 2 миллионов единиц хранения, содержащих выписки из письменных памятников русского языка XI–XVII вв. Те, кто стоял у колыбели КДРС, стали классиками отечественной лингвистики, литературоведения, истории, палеографии, археографии: А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский, Б.А. Ларин, Вс.И. Срезневский, С.П. Обнорский, Н.В. Тимофеев, Ф.И. Покровский и др.

Планируется вместе со вторым, обновленным изданием "Указателя источников КДРС и СлРЯ XI–XVII вв. "издать книгу о более чем 200 создателях картотеки с библиографическим описанием их творческой деятельности (сейчас подготовлена электронная версия книги).

Участники встречи почтили память погибших во время Великой Отечественной войны создателей КДРС и недавно ушедших от нас членов редколлегии: Л.П. Жуковской, В.Я. Дерягина, Д.Н. Шмелева, М.Ф. Мурьянова. В тот же день они посетили могилы редакторов Словаря русского языка XI–XVII вв. А.И. Соболевского, С.П. Обнорского, М.Н. Сперанского, С.Г. Бархударова и Ф.П. Филина.

Во второй день, 7 июня, в издательстве "Наука" по инициативе генерального директора В.И. Васильева состоялась презентация 20-го тома Словаря русского языка XI–XVII вв. К этому событию была подготовлена большая выставка "История создания Словаря русского языка XI–XVII вв.". В этот день прошла встреча лексикографов-историков, этимологов (О.Н. Трубачев), лексикографов-современников (П.Н. Денисов), диалектологов (Ф.П. Сороколетов) с издателями, представляющими разные редакции издательств "Наука", "Столица", "Просвещение". Председательствовала зам. главного редактора издательства В.С. Баковецкая. Ее вступительное слово касалось поисков путей кратчайшего продвижения словаря и другой книжной продукции к читателю России и ближнего зарубежья. Заключенные РАН договоры с Академиями Белоруссии, Украины, Грузии и других бывших республик малоэффективны, особенно по части обмена словарями исторического жанра.

О.Н. Трубачев в своем выступлении отметил, что среди книг именно словари нередко сопровождаются грифом "не рекомендуется для вывоза за рубеж" ("это ведь национальное достояние, как иконы").

О специфике работы издательства со словарями говорили зав. редакцией "Наука. Культура" А.И. Кучинская (Москва) и ведущий редактор Т.М. Скрипова (Москва).

В планах издательства "Наука" значится репринтное издание первых 10 томов "Словаря русского языка XI–XVII вв.", которое необходимо довести до каждой библиотеки, начиная с научной и заканчивая сельской. Д.С. Лихачев, приславший свое приветствие конференции, считает, что "в каждом классе каждой школы должны быть словари русского языка. Порча и обеднение русского языка достигли предела".

Начальник главного управления Международного сотрудничества Госкомвуза М.Г. Мясников (Москва) обратил внимание собравшихся на своевременность репринтного доиздания первых десяти томов Словаря русского языка XI–XVII вв., так как в науку, на студенческие скамьи пришло новое поколение, и формирование общего образовательного и информационного пространства в странах СНГ немыслимо без комплектности существующих словарей, разумной их тиражности, хорошего снабжения книжными и электронными изданиями. Такие уникальные картотеки, как КДРС, нужны в отдаленных научных центрах России, где создают региональные словари и энциклопедии и исследуют региональную письменность. Государственная политика в области образования должна формироваться вокруг фундаментальных исследований, вокруг словарного дела как национального приоритета каждого народа. Русский языковой союз пока нерушим, русский язык сплачивает народы, особенно славянские, своей доступностью для понимания, сплачивает теми высотами культуры, которые стоят за русским языком.

В третий день, 8 июня, состоялось расширенное заседание Ученого совета Института русского языка при участии представителей общественных организаций, общественных деятелей, темой которого был раз-

говор о состоянии и перспективах дальнейшей работы над Словарем.

Открывший заседание директор Института русского языка РАН Ю.Н. Караулов отметил, что в наше время не экономика, а культура определяет дальнейшее развитие нашего общества. КДРС, юбилей которой отмечается, знаменует *собой те реальные нити*, которые соединяют нас с прошлым, а СлРЯ XI–XVII вв. – концептуальное выражение этих связей. Колоссальный труд заключен и в картотечном собрании, и в самом словаре. Он включает в себя не только повседневную кропотливую работу по собиранию, систематизации материала, но также и постепенную кристаллизацию идеи, которая породила картотеку и словарь. СлРЯ XI–XVII вв. знаменует расцвет школы русской исторической лексикографии со своими традициями, которые формировались в *течение полутора столетий*. В русле их же традиций идет работа над другими нашими словарями. Говоря о развитии теории лексикографии, следует иметь в виду не только сам СлРЯ XI–XVII вв., но также и те исследования, которые отдел по исторической лексикологии и лексикографии ИРЯ РАН смог опубликовать в трудных условиях. Ю.Н. Караулов отметил, что Международная славянская Академия наук, искусств, культуры и образования выдвинула СлРЯ XI–XVII вв. на Государственную премию по науке и технике РФ и призвал собрание поддержать это выдвижение, включить этот пункт в решения заседания данного расширенного ученого совета.

Доклад О.Н. Трубачева "Русский – российский: история и современность", построенный на данных Картотеки ДРС, показал ее возможности по воссозданию национально-языковой атрибутики. Речь шла об изначальной связке *Русь (Русская земля) – русский* и более поздней паре *Россия – российский* (периода "вхождения Руси в Европу, ее, так сказать, европейской интеграции" с конца XVII – начала XVIII в.). Примеры показывают универсальность употребления *русский* от Владимира Святого до Петра I: *митрополитъ русьскыи, князи рустии, рускіе товары, руские города, съ версту рускую, в руских странах, рускіе люди, замок русскій желѣзный; русская телѣга, Русскій Переяславль*. Наступившая в XVIII веке "смена общественной парадигмы", (как мы назвали бы это сейчас) привела к тенденции вытеснения *русского – российским...*": ряду отечественных деятелей стало как бы тесно в Русской земле, их манил, как Карамзина, "священный союз всемирного дружества". Но такие деятели, как Радищев, предельно ясно высказывались о *русском* человеке как вершителе Истории *Российской*. Вновь сложившаяся пара – *россиянин, российский* – обладала "отчетливой идеологической, политической установкой: вытеснить, заменить слово *русский*. Автор отметил и сегодняшнюю концептуальность слова *русский*, которое в недавнем прошлом теснилось словом *советский*. И теперь, на новом витке "вхождения в новую Европу", искусственно чинятся трудности всему русскому. Но все же *русский язык, русская литература, русская культура, русская языковая картина мира, русский языковой союз* – всего этого с точностью не выразить словом *российский*.

Анализ взаимоотношений данных слов в истории русского языка осуществлен докладчиком на фоне аналогичного материала ряда европейских языков. Если употребление этих слов в современной печати и выступлениях государственных деятелей рассматривать на историческом фоне, выявляются факты недопонимания семантической специфики слов, что ведет к *подмене понятий, порождает грубые* языковые (и не только языковые) ошибки. Например, наши переводчики с английского, переводят *Российская Федерация – Russian Federation*, но адекватно только *Federation of Russia* (иначе получается Русская Федерация)... "Именно среди нынешних апологетов *российского* (за счет *русского*) приходилось встречать деятелей, способных даже при обсуждении закона о языках, сначала РСФСР, потом – Российской Федерации, поступиться государственным и международным статусом русского языка во имя порой совершенно мифических суверенитетов".

В последующем обсуждении доклада выступавшие депутаты Думы – Ю. Власов, Л. Рожкова, Л. Архипов, – в комиссиях которых ведется подготовка закона о защите русского языка, – отмечали важность сохранения такой сокровищницы, как Картотека ДРС. Они поставили свои подписи под письмам ученых о предоставлении Картотеке ДРС статуса особо ценного объекта культуры и отмечали важность рабочих контактов "властных структур" и Академии наук.

Г.А. Богатова, гл. ред. СлРЯ XI–XVII вв., говорила о историко-культурной значимости Словаря, две трети выпусков которого уже вышли из печати и служат не только исследователям, но и высшему образованию. На практических занятиях в вузах преподаватели нередко используют "хрестоматию на форзацах" словаря, состоящую теперь уже из 40 разных текстов, и словарные статьи, содержащие фактический материал по широкому кругу учебных дисциплин. Г.А. Богатова отметила, что коллектив Словаря глубоко признателен нашим отечественным фондам (РФФИ, РГНФ), спонсорам за то, что благодаря В.С. Момоту на заседании старейшим сотрудникам Словаря были вручены именные часы, хотя общее тяжелое финансовое положение в АН РАН создало для словарей ситуацию, которую можно охарактеризовать поговоркой XVII века: "ѣзда беспутная: саней нѣтъ, да впретчи нечево, и ѣхать некуда" (Сим. Послов., 202. XVII в. ~XVIII в.).

В докладе М.И. Чернышевой (Москва), посвященном перспективам развития Словаря, сделан обзор некоторых рецензий на первые выпуски СлРЯ XI–XVII вв., а также представлено сопоставление критических замечаний, содержащихся в этих рецензиях, с нынешним положением дел. Большинство упреков в адрес Словаря объясняется "сменой жанра": объем и сложность материала письменных памятников семи веков постепенно заставили отойти от жанра Малого древнерусского словаря, способствовали превращению варианта МДРС (каким был первый выпуск Словаря) в академический Словарь. В последние годы Словарь вместе с ведущимися вокруг него изысканиями все более напоминает творческую лабораторию, где различимы разные научные направления: источниковедческая работа, разноаспектно представленная (от разработки нового оригинального типа Указателя источников до изучения сохранившихся памятников письменности с разных точек зрения, в том числе с чисто лингвистической), лексикографические новшества внутри самого Словаря, например, "авторские тома", когда материал полностью обработан одним автором и несет следы его индивидуальности, подготовка материалов дополнений к первым выпускам Словаря, персоналии ученых и т.п.

В докладе О.В. Малковой (Москва) речь шла о научном и общественном значении СлРЯ XI–XVII вв. с привлечением данных вып. 20, материалы которого представят интерес для русистов различных специальностей: для тех, кто изучает словообразование (многочисленные "гнезда слов"), формирование (преобразование) парадигм, этимологию (семантические параллели между родственным материалом славянских языков, древнерусского языка и балтийских языков). Выпуск представит интерес для широкого круга читателей как источник сведений, относящихся к русскому культурно-историческому наследию.

В.И. Аннушкин (Москва) в докладе "Русские риторики в СлРЯ XI–XVII вв.: перспективы риторических исследований" отметил, что значение Картотеки ДРС и СлРЯ XI–XVII вв. для изучения истории филологических наук огромно. В частности, материалы КДРС и СлРЯ XI–XVII вв. открывают перспективы для исследования истории риторики в Древней Руси, позволяют взглянуть на характер древнего русича с точки зрения речи. КДРС и СлРЯ XI–XVII вв. включают материалы двух риторик: Риторики 1620 г. и "Науки красноречия" (потерянный список XVIII в.). Выписки А.И. Соболевского из Риторики 1620 г. охватывают не более четверти текста памятника, докладчик располагает подготовленным к изданию полным критическим текстом этого памятника и словарем его риторических терминов. Изучение выписок из "Науки красноречия" в КДРС показало, что текст имеет заимствования из Риторики Софрония Лихуда. Благодаря этим выпискам, возможно, в будущем удастся точно атрибутировать текст "Науки красноречия". Расширение материалов по русской риторике предлагается сделать за счет неопубликованных и слабо изученных риторических памятников конца XVII – начала XVIII в., над которыми работает сейчас докладчик.

Р. Мароевич (Белград) в докладе "Картотека древнерусского языка и Словарь русского языка XI–XVII веков в исследовательской и педагогической практике" отметил, что фундаментальность Картотеки и Словаря стимулирует и фундаментальность трудов, созданных на их основе. Проработав в картотеках по истории русского языка (Словаря РЯ XI–XVII вв., Словаря РЯ XVIII в.) в общей сложности не менее двух лет, он собрал ценные материалы, легшие в основу двух монографий ("Посессивные категории в русском языке", Белград, 1983; "Посессивные производные в древнерусском языке", Белград, 1985) и ряда статей, среди которых особо выделяется большая статья по

истории посессивного суф. *-ьнь*. В картотеках трудились и его ученики (Д. Чампар, Г. Бешич): первый исследует номина аугментатива в истории русского и сербского языков, вторая – фразеологию в древнерусских летописях. Среди исторических картотек русского языка особо выделяется Картотека ДРС. Уникальность картотеки вытекает из уникальности каждой карточки, ее создания, престижа ее создателей. Руководителями Картотеки и главными редакторами Словаря были академики Российской АН (А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский), АН СССР (С.П. Обнорский, Д.Н. Шмелев), Латвийской АН (Б.А. Ларин), а сейчас и Международной славянской АН (Г.А. Богатова), члены-корреспонденты АН СССР (С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин).

В.Ю. Троицкий (Москва) обратил внимание на значение словарей русского языка и Картотеки ДРС в деле общего, среднего и высшего филологического образования. Только с помощью сокровищницы русского языка – наших словарей и картотек – мы можем на научном уровне вести широкую культурно-образовательную работу в средней и высшей школе, ибо язык лежит в основе всякого образования, всякой истинной культуры. Состояние речи – это состояние мысли, состояние сознания – это предпосылки поступков, поступки – это сущность поведения людей, это судьба народа.

Все это особенно важно в условиях, неблагоприятных для воспитания грамотной речи, при языковом беспределе, господствующем на радио, телевидении и в массовой печати. Ибо из-за деградации языковой культуры происходит помрачение сознания значительной части молодежи: она заметно теряет способность по-человечески воспринимать слово. Всему этому можно противостоять только опираясь на фундамент научно осмысленного языка, на знание его лексики и семантики, его истории, его богатого словарного фонда. Отсюда – особое значение словарей и картотек русского языка.

И.Г. Панова (Международный Фонд славянской письменности и культуры) обратила внимание слушателей на то, что на Крымской (Херсонесской) конференции 1993 г. впервые было принято решение о защите русского языка, далее его поддержали многие конференции по культуре в своих решениях (часть их опубликована в сб. "Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения". М., 1995, с. 200–217), II Русский собор принял специальную резолюцию "Державная служба словарей – основа языкового здоровья и исторической памяти нации" (1–3 февраля 1995 г.).

В решениях Конференции и Ученого Совета отмечено, что лексикография является сейчас ведущим направлением в русистике, цементирующим языковое информационное пространство, определяющим во многом государственную политику в области образования, библиотечного дела, радио и телевидения. Сегодня русистика, статус русского языка становятся предметом общественного внимания и законотворчества парламентских комиссий по науке и культуре, а архивные картотечные сокровищницы – предметом забот и попечения национального комитета ЮНЕСКО, предоставившего вычислительную технику для изготовления страхового дубля Картотеки ДРС (XI–XVII вв.).

Конференция и Ученый совет постановили:

1. Поддержать письмо ученых о предоставлении Древнерусской рукописной картотеке XI–XVII вв. (КДРС) статуса особо ценного объекта.

2. Просить Дирекцию и ОЛЯ РАН об учреждении в ИРЯ РАН Кабинета "Славянский мир: картотечные собрания, словари, энциклопедии" во главе с академиком О.Н. Трубачевым. При Кабинете "Славянский мир" могла бы быть в рамках филологического факультета магистратура и докторантура для подготовки высококвалифицированных специалистов по русской исторической и славянской этимологической лексикографии.

3. Работа по программам "Историческая память России" (РАН), "Память мира" (ЮНЕСКО), "Информационные технологии в высшей школе" (Госкомвуз) должна осуществляться как общая для академических учреждений и вузов по созданию информационного банка данных картотек славянских исторических словарей, энциклопедий и цикла учебных пособий для высшей школы по словарному делу.

В.М. Мальцева (Абакан),
О.В. Малкова (Москва)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СбНУ – Сборник за народни умотворения
СТ – Советская тюркология
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh – Archiv für slavische Philologie
AGI – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordick filologi
AO – Archiv orientalni
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biulétyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP – Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the school of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatrica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IIJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journ. de la Société finno-ougrienne
JФ – Јужнословенски филолог
KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LM – Les langues modernes
MM – Maal og minne
MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne

MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
NSS – Nysvenska studier
NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
PMLA – Publications of the Modern language association of America
RES – The Review of English studies
RÉG – Revue des études grecques
RÉSl – Revue des études slaves
RF – Romanische Forschungen
RKJL – Rozprawy Komisji językowej Lodźk. t-wa naukowego
RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukiwego
RLR – Revue de linguistique romane
RO – Rocznik orientalistyczny
RP – Revista de Portugal. Serie A: Lingua protuguesa
RS – Rocznik slawistyczny
SaS – Slovo a slovesnost
SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse für Sprachen Literatur und Kunst
SFL – Studi di filologia italiana
SMS – Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu hístoriu
SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. er Wissenschaften
StO – Studia orientalia
SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
TA – Traduction automatique
TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
TPhS – Transactions of the Philological society
UAJb – Ural-Altaische Jahrbücher
UJB – Ungarische Jahrbücher
VR – Vox Romanica
WW – Wirkendes Wort
ZAS – Zentralasiatische Studien
ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
ZDA – Zeitschrift für Deutsches Altertum
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZRPH – Zeitschrift für romanische Philologie
ZSL – Zeitschrift für Slavistik
ZSlPh – Zeitschrift für slavische Philologie.

CONTENTS

O.N. Trubačev (Moscow). On the original homeland of the Aryans (in connection with the publication of the book: Yu.A. Šilov. The original homeland of the Aryans. History, customs and myths. Kiev. 1995); V.L. Yanin, A.A. Zaliznyak (Moscow). The birch codices from the Novgorod excavations of 1995; R. Maroyevič (Belgrade). Studies in Old Russian grammar (reading the text of the Svintsov codex); E.A. Zemskaya (Moscow). The clichés of the Newspeak and quotation in the language of the post-Soviet society; E.M. Beregovskaya (Smolensk). The youth slang: formation and functioning; V.S. Xrakovskij (St.-Petersburg). The calculative classifications in typology; E.I. Koriakovceva (Moscow). The status of nomen actionis; M.V. Doroxova (Moscow). The complex rhythmic group (founded on the materials of American English); Yu.A. Pupynin (St.-Petersburg). Learning the system of Russian verbal forms by a child (earlier stages); E.K. Nikolayava (St.-Petersburg). On the typology of phrase- formation in fixed comparisons (based on the materials of the Polian language); **Reviews:** I.A. Sekerina (New York). American theories of syntactical analysis of the sentence in the process of understanding; V.A. Plungian, E.V. Raxilina (Moscow). Semantic and lexical universals; A.D. Šveicer (Moscow). *S. Lubensky*. Random House Russian-English dictionary of idioms; V.Z. Demiankov (Moscow), *M.M. Makovskij*. At the sources of human language.

Технический редактор *Н.С. Евсеева*

Сдано в набор 13.03.96 Подписано к печати 19.04.96 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать Усл.печ.л. 13,0 Усл.кр.-отт. 24,2 тыс. Уч.-изд.л. 16,4 Бум.л. 5,0
Тираж 1824 экз. Зак. 4236

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-74-42
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6